ГРЯЗНОЕ МАМБО, ИЛИ ПОТРОШИТЕЛИ

ЭРИК ГАРСИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Искусственные органы — в кредит!

Вечная жизнь, вечная молодость — за разумную ежемесячную плату!

Кто устоит против такого заманчивого предложения?

К сожалению, лишь немногие клиенты задумываются, что их ждет в случае просрочки платежа по биокредиту.

По следу должников идут «потрошители» — судебные приставы, обладающие правом изъять неоплаченный товар. Закон на их стороне!

Но когда закон покрывает убийство, всегда найдутся люди, готовые искать защиты и справедливости вне закона…

- Эрик Гарсия
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Эрик Гарсия
«Грязное мамбо, или Потрошители»

I

Впервые взяв в руки поджелудочную железу, я почувствовал эрекцию. Причиной тому стал скорее избыток адреналина, чем ощущение живой ткани и металла под пальцами, однако медицинский характер моей работы не помешал приливу энергии в паху. До того дня основным источником возбуждения для меня был секс, как для любого молодого мужчины; видимо, ассоциативная связь дала сбой, вызвав соответствующую реакцию. Так я и стоял — с поджелудочной в руке и в готовых лопнуть брюках.

Рядом теснились еще четыре стажера, поэтому мне оставалось только ссутулиться и притвориться, будто ничего не происходит. Справа от меня Джейк рассматривал хлюпающие клапаны новенького сердечного прибора, сияя, как новоиспеченная мамаша. Скажи я ему о своей проблеме, Джейк, наверное, рассмеялся бы и отправил меня снимать проблему в ванную. Он не понимал: я не хочу прикипеть сердцем к этой работе, не желаю возбуждаться в связи с тем, чему нас обучают. И в то же время в глубине души я сознавал, что никогда не думал заниматься чем-то другим.

Сейчас я знаю — нравится, не нравится, но я был прав. Выбор карьеры, если посмотреть с высоты четвертого этажа заброшенного отеля, вооружившись скальпелями, экстракторами и дробовиком, сделан мной со снайперской точностью.

А может, я спешу с выводами и во всем виноват контекст ситуации. Я не силен в контексте, но слышал, что это вроде бы важная штука. Вот Питер у меня дока по этой части. Но я постараюсь. Вы уж потерпите лирические отступления и отклонения от темы — я никогда не отличался последовательностью.

Работая, я предпочитал держаться в тени. Я знал, как войти и когда убраться. Меня боялись, уважали, ненавидели. Старая, словно неотданный долг, история: мужчины пытались подражать мне или рвались в драку, женщины мечтали отдаться или влепить пощечину, и часто их выбор не имел большого значения. Работы было невпроворот, ночь плавно сменялась ночью, и так без конца.

Не поймите меня неправильно — я помню каждую выписанную квитанцию, каждый искорган,[1] который отнес в Кредитный союз. Эти воспоминания — тяжкий груз, маленькие свинцовые бусины, ожерельем висящие на шее и давящие на грудь. Но тогда я варился в гуще событий и не забивал себе

голову. Работа есть работа. Так человек пробирается в темноте ночью.

Вот вам пример типичного заказа, специально для плевков и насмешек.

Я заявился в Кредитный союз после двух выходных и одного отгула с большим желанием набрать побольше розовых листков: я неудачно поставил деньги на футбольном кубке колледжей, где дело казалось верным, и хотел подлатать финансовые дыры, пока Кэрол не проверила наш банковский счет. Она становилась на редкость стервозной, когда речь заходила о деньгах.

То было хорошее время для Кредитного союза и соответственно для нас, работавших в отделе возврата биокредитов. Экономика переживала очередной подъем, кредитные ставки росли, поэтому при наличии спроса не было недостатка и в тех, кто отказывался платить; тогда товар требовалось вернуть кредиторам. Все просто и ясно. По крайней мере большинству из нас.

— Ты это видел? — спросил я Фрэнка. — Здесь сказано: живет к северу от Брэддока. — На розовом листке значились адрес, телефон, ставка кредита, зарегистрированное оружие и работа клиента.

— Если сказано, значит, живет, — ответил Фрэнк. — Чего ты спрашиваешь? Бери и топай.

— Это дорогой район, — настаивал я. — Надо проверить, не пропустили ли мы платежный чек по почте.

Так уже бывало и еще сто раз будет.

Фрэнк открыл дверь своего кабинета, жестом предложив мне валить и заниматься делом.

— Ничего мы не пропустили — просрочка восемь месяцев. Да будь у него хоть миллион под матрасом, мне наплевать! Он нам не платит, вот в чем дело.

Тут я спорить не стал, признав правоту коллеги: я много раз видел, как состоятельные клиенты наплевательски относились к своим кредитным обязательствам. Рассудив, что чужие налоговые предпочтения — не моя забота, я зарядил свой тазер,[2] взял набор скальпелей и вышел в ночь.

Высотный жилой дом — почти пятьдесят этажей, воткнутых в небо; мой клиент, Генри Ломбард Смит, жил на тридцать восьмом. Швейцар подобострастно кивнул мне и даже не стал задерживать — татуировка на наших шеях служит отличным мгновенным пропуском. Стремительный подъем на скоростном лифте, один до смешного простой замок, и я в квартире. Хозяина

не оказалось, поэтому я решил расслабиться. Дорогая мебель, абстрактное искусство, вид на город из огромных окон на каждой чертовой стене.

Как всегда, мне все выболтали фотографии. Можно почитать розовый листок — дата рождения, семейное положение, дети, но самый точный портрет клиента я всегда получал из снимков, вставленных в рамки.

Вот Смит — тип средних лет с редеющими волосами и подозрительно хорошими зубами — красуется рядом с фигуристой блондинкой, похожей на песочные часы, в костюме для подводного плавания на Фиджи. Другой снимок сделан на лыжном склоне где-то в Альпах — на руке Смита виснет стройная брюнетка, словно боясь свалиться с горы. Стоящие как попало фотографии Смита и маленькой девочки, снятой в разном возрасте. На одной карточке она с маленькими хвостиками в цирке; на другой явно борется с первыми юношескими прыщами, а в глазах читается: «Щелкай уже скорее своей чертовой „мыльницей“». Фотографии плюс холостяцкая квартира бонвивана все объясняли: разведенный, с неплохим чистым доходом, использует обретенную свободу для путешествий по миру и выставляет себя дураком, заводя романы с молодыми девицами.

Только я устроился поудобнее — задрал ноги на стол и собрался проверить, какое видео смотрит Смит, — звякнул остановившийся лифт, и в коридоре послышались нетвердые шаги. Под заливистый пьяный смех в замке начал поворачиваться ключ; я вынул тазер и отступил в тень комнаты. Всегда лучше торжественно обставить свое появление.

* * *

Они вошли уже полураздетые — он в расстегнутой рубашке, она с задранной до талии юбкой, — лапая друг друга где попало. По ее костюму я заключил, что девица явно работает, а не зарегистрирована в заведении с красным фонарем. Я подождал, пока брюки Генри Смита упали до щиколоток и девица почти приступила к работе; хозяин квартиры привалился к стене, закатив глаза и предвкушая море удовольствия.

— Добрый вечер, мистер Смит, — спокойно сказал я, выступая из мрака. — Я из Кредитного союза.

Он мигом открыл глаза и бочком посеменил прочь, путаясь в штанах и едва не падая. Шлюха, не вставая с колен, отползла назад. Умная девочка.

— Блин, вот блин… — заикаясь, лепетал Смит. — Погодите, я могу заплатить…

— Очень жаль, но я из другого отдела, — сокрушенно сообщил я, поднимая тазер и ловя его на прицел. — По закону я обязан спросить, не вызвать ли вам «скорую», чтобы подождала внизу, однако хочу сразу предупредить — Кредитный союз уже не предоставит вам другой искорган на замену.

— Подождите, — бормотал он. — Не де…

Он успел произнести только первый слог, когда его поразил электрический заряд. Смит, корчась, упал на пол. Я выждал, пока он вырубится, — в то время я тщательно заботился о собственной безопасности.

Я привычно разложил экстракторы и скальпели, но едва сделал первый надрез, как что-то мягкое, но тяжелое шмякнуло меня по голове. Обернувшись, я увидел шлюху, едва державшуюся на ногах, с красными, как у кролика, глазами от переизбытка спиртного. Она стояла надо мной, угрожающе размахивая сумкой.

— Даже не вздумай меня тронуть, козел, — выговорила она с третьей попытки.

— Иисусе, леди, — сказал я, без труда отражая ее слабые удары. — Слава яйцам, я не за вами. Не мешайте человеку работать.

Лет девятнадцать-двадцать, как я теперь разглядел, ненамного старше дочери Смита и очень напугана. Все, чего ей хотелось, это убраться восвояси. Черт, она, наверное, уже взяла с клиента деньги. Ну, значит, повезло — самая легкая подработка за неделю. Порой люди совершают глупости при виде тазеров, скальпелей и татуировок. Иногда даже пытаются помешать изъятию. Просто стыдно за таких граждан.

Она снова стукнула меня сумкой, отвлекая отдела. Я вскочил на ноги, схватил ее за плечи и с силой впечатал в ближайшую стену. Запах спиртного изо рта девицы смешивался с густой вонью духов, пота и секса.

— Слушай, — сказал я, стараясь не терять спокойствия и помнить, что говорю практически с ребенком. — Я здесь, чтобы сделать мою работу, вот и все. Так же, как и ты. Меня ждут бумажки, босс и голодные рты, которые нужно кормить. Я уже понял, человек на полу — твой клиент, но и мой клиент тоже, и я не виноват, что он тратит деньги на минеты вместо того, чтобы оплачивать счета. Поэтому давай будем вести себя по-взрослому, и пусть каждый занимается своим делом, ясно?

Девица кивнула — полагаю, в тот момент она была заранее согласна с любым моим предложением; я вновь опустился на колени возле Смита с намерением продолжить. Я хотел все

закончить, прежде чем прекратится действие электрошока, — хуже нет стрелять в свежевзрезанного клиента: кровавые брызги трудно отстирать с хорошей хлопковой рубашки.

Я по самое предплечье запустил руку в брюшную полость, когда на шлюху вновь накатило. То ли забыв наш маленький разговор, то ли игнорируя мои доводы, она завопила и кинулась на меня, вертя сумкой над головой, словно какой-то обезумевший викинг-транссексуал. Свободной рукой я выхватил тазер и выпустил второй заряд ей в ногу. Она еще успела в замешательстве опустить взгляд и посмотреть на стрелы, прежде чем ее тряхнуло разрядом в пятьдесят тысяч вольт.

Она грохнулась на пол. Я закончил экстракцию и плюхнул вынутую из брюха Генри Смита печень «Кентон ЛС-400», указанную в бланке заказа, в кухонную раковину из нержавеющей стали. Дорогой кран с сильным напором отлично справился с задачей, смыв кровь и остатки тканей, и вскоре изъятый орган металлическим блеском отливал в свете потолочных галогеновых ламп.

Я заполнил желтую квитанцию в трех экземплярах, подписался и оставил один листок на теле мистера Смита. Если у наследников возникнут вопросы по поводу выкупного соглашения или последствий, в квитанции есть контактные телефоны. Вы будете смеяться, но до сих пор никто из родственников наших клиентов не почесался. Лишнее доказательство того, что система по-своему работает.

Посетив еще двух клиентов, я примчался в торговый центр, где находился офис Кредитного союза. Фрэнк меня ждал. По слухам, у него великолепный дом, несколько раз я слышал, как босс рассказывал, куда съездил в отпуск, но отчего-то он круглые сутки торчит в офисе. Можно подумать, когда Фрэнк уходит домой отсыпаться, его место занимает двойник.

— Ну что, без осложнений? — спросил босс.

— Как всегда, — ответил я. Мы пошли в смежную комнату, где он принял искорганы — печень Смита, пару почек одного бухгалтера и поджелудочную железу с почти выплаченным кредитом — три месяца оставалось, — и ввел данные в систему. Отсюда их заберут на восстановление, проверят на наличие дефектов, наведут глянец и пришлют в наш демонстрационный зал помогать продавцам ловить новых, надеюсь, более платежеспособных клиентов. Но и на этот раз будут неизбежные просрочки платежей, пени, увеличение кредитных ставок и в конце концов дефолт; потом позовут меня, и жизненный цикл начнется заново.

Я поднялся — нужно было идти домой к Кэрол, — раскрасневшись от полученных наличных и медленно отступающего адреналина, но Фрэнк помахал у меня перед носом розовым листком.

— Клиент созрел, — сказал он. — Просрочка платежа больше года.

— Я устал, — пожаловался я. — Уже рассвет. Давай отложим до завтра.

— Двойные комиссионные, если сделаешь сегодня, — искушал Фрэнк. — Всего пара миль отсюда. Что тебя, лишний час спасет?

Я принял заказ. Я почти никогда не отказывался от заказов. Это сделало меня неплохим специалистом и трудоголиком — я практически разучился отдыхать. Когда зарабатываешь на жизнь, вынимая из людей искусственные органы, романтический ужин скорее всего сорвется.

Но все это — ночная работа, дневной сон, власть, бравада — за миллион лет от моего нынешнего существования. Прошлая жизнь так же мало схожа с моим теперешним положением, как, скажем, карьера профессионального игрока в поло или банковского служащего.

Да будет вам известно — прежде я был хозяином ночи, обладателем права любого отодвинуть плечом и выйти вперед, послать полицейского на хрен и получить в ответ вежливую улыбку. Улицы принадлежали мне, и все делалось по моему желанию.

Сегодня я мистер Смит в спущенных до пола штанах, пячусь с поднятыми руками, надеясь и молясь, чтобы первый выстрел пришелся мимо и дал мне маленький шанс увидеть завтрашний день.

Весело до усеру.

II

Я привык начинать и заканчивать каждое изъятие — я имею в виду прежнюю работу — полным отчетом о наличных материалах. Хотя мои теперешние дневные занятия практически свелись к тому, чтобы съежиться в углу заброшенного отеля и каждые две минуты осторожно поглядывать в щели между досками заколоченных окон, я рассудил, что кое-какие привычки можно и не бросать. До сих пор это меня поддерживало.

Итак, мое имущество:

Пишущая машинка «Кенсингтон-VIII». Голубая краска облупилась до металла от старости. Найдена в служебном помещении, смежном с вестибюлем, на шкафчике с папками, где обитали крысы, устроив нору в старых газетах, которым не один десяток лет. Лента выцвела, но в остальном машинка исправна, чего не скажу о клавишах, растерявших накладки. Например, всякий раз в начале предложения грубый металлический стержень чуть не насквозь протыкает мне палец, так что длинноты в повествовании не случайны: я просто избегаю заглавных букв.

С помощью этой пишущей машинки можно брать кровь. Автономная лаборатория, определяющая группу и резус перед неизбежной хирургической операцией. Ее наверняка принесли сюда люди из Кредитного союза в качестве дурной шутки. Возможно, внутри расположена видеокамера. С приводным радиомаячком.

Хотя машинка так стучит, что и без того слышно на весь Нью-Йорк. Ужасно грохочет, заходится, как неисправный автомат, но я не променяю ее на тихий шелест клавиатуры и матовое свечение плазменного экрана, освещавшего мои одинокие ночи. Щелк-щелк, щелк-щелк. Это обязательно меня выдаст, но пока я ощущаю прилив безрассудной смелости. Как долго продлится это настроение, сказать не могу. Это мне вообще несвойственно.

Эти звуки и эти страницы — мое жертвоприношение. Три месяца я сдерживаю дыхание, стараюсь не чихать, глотаю кашель. Я передвигаюсь только по ночам короткими неслышными шажками. Так поступает человек, который прячется. Половицы скрипят. Шум — это постыдный ляп, оплошность дилетанта. Всякий шум. Любой. «Вызывайте представителей соответствующих властей, — говорит этот шум. — В заброшенной гостинице на пересечении Четвертой и Тайлера прячется человек», — ябедничает шум. А этого мне не надо. Меньше всего

мне хочется снова менять квартиру. При нынешнем жилищном кризисе все труднее и труднее найти заброшенные здания, соответствующие моим изысканным вкусам.

Поэтому я печатаю в таком режиме: час работы, два часа отдыха. Это дает мне лишь треть шанса быть обнаруженным, но я знаю: если кто-то всерьез озаботится меня найти, он сделает это без помощи старого ундервуда — у них имеются радары, тепловые датчики, мощные сканеры. Возможно, хитроумная техника их и подведет. Им просто не придет в голову подумать о примитивных механизмах.

Итак, продолжим.

Бумага. Изъеденная крысами стопка листов с тремя дырочками найдена возле вышеупомянутого шкафа для папок. Обертки от жвачки валялись под столом. Бутылки из-под чистящих средств, давно опустевшие, но с легко отделяемыми и заправляемыми под валик безотказного «Кенсингтона» этикетками. Разнородные страницы неудобны, но я стараюсь умещаться на том, что есть. Без гибкости я пропаду.

Тело. Глаза вытаращены до отказа. Ночью я научился спать, как акула в океане, с поднятыми веками, прикрепленными ко лбу стыренным скотчем. Я вечно бодрствую, идеальный сторожевой пес, защитник своей собственности, и обязан этим компании «3 М».

Слух постоянно напряжен и обострен настолько, что я могу расслышать писк полевки в утреннем уличном гуле. Ноздри всегда раздуты — втягивают воздух, проверяя наличие малейших паров эфира, и осторожно выпускают обратно. Ничего. Все чисто. Пока.

Надо перезарядить дробовик.

Мой арсенал, традиционный и не очень.

Дробовик (1), двустволка, осталось двадцать три патрона.

«Маузер» (1), пистолет автоматический, осталось шестнадцать патронов.

Нож охотничий (1), украден из палатки в лагере скаутов.

Скальпели (2), не скользят в руке, зато отлично проникают в человеческую плоть.

Пилка для костей (1), слегка затупившаяся от частого применения.

Реберный расширитель (1), в бою особой пользы не имеет.

Канистры с эфиром (2), сфера поражения — примерно восемьсот квадратных метров.

Удавка (1) — две деревянные ручки, выструганные из ножек

стула, соединенные с рояльной струной (верхнее «ми») из разбитого инструмента в сгоревшей гостиной на первом этаже.

Жалкая горстка, конечно, но придется обойтись тем, что есть: самозащита — дорогой проект, а пенсию мне заморозили два месяца назад. Да и продолжи они начисление — Кредитный союз, я уверен, уже выследил мой почтовый ящик, — и поход за ежемесячным чеком станет для меня последней прогулкой, а моя жизнь даже сейчас стоит побольше шести сотен баксов.

Работая на Кредитный союз, я был одним из элитных сотрудников отдела по возврату биокредитов. Пятый уровень, и это не пустое хвастовство. Это факт. Я перепрыгнул со второго уровня на четвертый уже через два года, одновременно с другом и коллегой Джейком Фрейволдом. Не то чтобы между нами существовало соперничество — по крайней мере открытое, — но мы с Джейком пристально следили за успехами друг друга, стараясь синхронно взбираться по служебной лестнице. Пятый уровень мне присвоили на два месяца раньше, чем ему. Был ли я лучше? Целеустремленнее? Или даже талантливее? Хочется надеяться. Сейчас от этого зависит моя жизнь.

У каждого есть любимый орган; в этом суть нашей работы. Да, вы берете розовые листки со своего стола и идете к клиентам, которых вам дают — в конце концов, работа есть работа, — но моей специальностью всегда была печень, особенно модели «Кентон» и «Таихицу»; признаюсь, я получал огромное удовольствие, вынимая их из хронических алкоголиков. Посмотрим правде в глаза — всякий, продолжающий бухать как конь даже после цирроза собственной и трансплантации искусственной печени, не заслуживает уважения ни в жизни, ни в смерти.

Один тип был настолько пьян, когда я проник к нему в квартиру в три утра, что я сэкономил эфир, не израсходовав ни миллилитра. Клиент ерзал, брыкался и извивался мясистой тушей в медленном горизонтальном мамбо — ничего, с чем я не смог бы справиться, — но даже не пикнул, когда я приступил к делу.

— Весело тебе? — спросил я, глубоко погрузив скальпель в его живот. Кровь ручьями текла на прекрасный паркет, хотя ее было меньше, чем я ожидал.

— Ага-а-а-а-а-а.

— Больше ты не будешь напиваться, да, приятель?

— Бу-у-у-у-ду-у-у-у!

— Тогда продолжай веселиться. — В глубине брюшной

полости мигнул сенсорный маячок, и я рванулся к нему, как искатель приключений, прорубающий себе путь сквозь джунгли. — Посмейся напоследок.

Клиент прожил еще несколько минут после того, как я вынул его «КЛ-418», и черт меня побери, если он не прохихикал всю переправу в Хароновой лодке. Спасибо тебе, «Джек Дэниэлс», сэкономил мне пинту эфира.

Я с большим удовольствием изымал печень, чем другие органы, хотя много ночей провел, вырезая селезенки производства «Маршодин». Последняя модель, та самая, которую они уже год представляют на торговых ярмарках, поставляется со встроенной отсоединительной системой, фактически отрезающей селезенку от тела реципиента, едва закончится шестидесятидневный льготный период кредитования. Черт, это, конечно, облегчает изъятие неоплаченного товара, но заставляет задуматься о том дне, когда мы, парни из отдела возврата биокредитов, станем не нужны. Органы научатся самостоятельно покидать хозяев-халявщиков, извиваясь, выбираться наружу из тел реципиентов и шлепать к ближайшему складу. Надеюсь, меня тогда уже не будет.

Дело в том, что экстракция печени — самая красивая и простая операция из всех. Легкий доступ — практически без препятствий, минимум примыкающих органов и тканей. Все остальное уже сложнее. Искусственное сердце сидит глубоко в грудной клетке — пока там справишься с костями и мышцами, и комиссионные не оправдывают возни и расхода эфира. Впрочем, в былые дни я брался за любой «Джарвик», если вознаграждение было приличным. Поэтому и оказался сейчас в таком дерьме.

Дальше. ЦНС — о, если я заведу разговор об искусственных нервных системах, то у вас терпения не хватит. Я ими больше не занимаюсь, отказываюсь при малейшей возможности. Я не могу вынимать то, чего не вижу, что бы там ни говорили про разные модели «Призраков». Да, я проходил необходимое обучение, но не особо вникал. Подобное изъятие, конечно, окружено аурой респектабельности, и у каждого наготове история о недавней охоте за «Призраками» в стволе головного мозга какого-нибудь несчастного олуха — это повышает шансы попасть на ужин в качестве интересного гостя. Но печень… Печень реальна, плотна, осязаема. Я ее вижу, могу ее вынуть и держать в руке. У меня есть о чем волноваться и без «фантомных нервов» и «виртуальных сенсорных проводящих путей».

У глаз и ушей слишком много битов-байтов, мелких деталей и всяких тонкостей, и хотя я полностью за микроэкстракции,

приходится признать, я немного разгильдяйничал, когда все изучали наноорганы. Так, что осталось? Щитовидки уродливы, желудки грязны, мочевые пузыри хлипки, почки — вообще фигня: взрезай спину, хватай, рви на себя и дрыхни потом всю ночь без задних ног с бутылкой водки вместо подушки.

Кстати, о ногах. Протезы конечностей — примитив и жуткая скука. Ничего трудного и совсем мало возни. Руки, ноги, пальцы — зевать тянет. В нашей индустрии мы называем это цепной работой — в смысле для цепной пилы. Большинство изъятий проводится из головы или тела; для конечностей не требуется даже полной лицензии биокредитчика. На конечности я вообще посылал своего племянника — ему пятнадцать, но надо же пацану учиться какому-нибудь ремеслу, а для высшего образования у него мозги не те. Он и школьную науку не осилил, но это милый маленький засранец, и мне показалась удачной идея основать семейное дело по возврату биокредитов. Я не мог предложить поучаствовать в этом родному сыну, даже знай я, где он. Питер бы плюнул мне в лицо. Я это заслужил.

Питера, моего сына, я не видел шесть лет. Последний раз мы встречались возле «Снэк шэк» в западной части города, недалеко от очереди за картофельными чипсами и пивом, и он бил меня в грудь кулаками. Это было безболезненно, по крайней мере физически, но я притворялся, что корчусь от боли. Подыгрывал. Питер всегда немного робел от моих габаритов и силы — сухой массы во мне добрых девяносто пять кило, почти сплошь мышцы, а он пошел в мать — тонкая кость, ангельски нежные черты. Мы словно из магазина игрушек: он — фарфоровая кукла, а я — бешеный горилла. Он выглядит аристократом в эпоху, когда аристократия рушится под грузом собственных предрассудков. «Это Питер, — говорю я всем, — мой мальчик, красивый, одинокий и безнадежно не вписывающийся в современную реальность».

Питер мой единственный сын и вообще единственный ребенок. Его мать — моя третья жена Мелинда, но рос он при моих четвертой и пятой женах, Кэрол и Венди, у которых хватало доброты и сердечности обращаться с ним как с родным. Замечательный ребенок. Не знаю, каким образом мне это удалось, но Питер получился хорошим мальчиком. Мелинда исчезла из моей жизни через год после рождения сына. С тех пор я видел ее только раз, и этого оказалось достаточно для нас обоих.

Договорившись о совместной опеке, мы передавали сына друг другу на неделю, всячески избегая личного общения. В таких

случаях из собственного опыта могу посоветовать эсэмэс-сообщения. Я набирал Мелинде коротенькую записку, информируя, где она может забрать Питера в конце дня, а она отвечала. Мы оставляли сына с друзьями, с коллегами — с любым, кто соглашался побыть временным опекуном и перевалочным пунктом, откуда тот или другой родитель забирал пацана.

Я не был в этом виноват. По крайней мере вначале. Я был бы счастлив, зайди Мелинда посидеть, попить кофе, поговорить о том, как прошла неделя, но экс-супруга не желала иметь со мной ничего общего. Она предпочитала передать сына сложным кружным путем, как шифровку в фильме о шпионах времен холодной войны, чем перебросится словечком с бывшим мужем.

* * *

Подав на развод, Мелинда в качестве причины написала всего два слова: «Патологический эгоцентризм». Я так и не понял, кого она имела в виду — меня или себя?

Причины разводов, указанные моими пятью женами:

Жена номер один, Бет: «Препятствует моей карьере своей неумеренной ревностью».

Жена номер два, Мэри-Эллен: «Невнимание, частое отсутствие, неисполнение сексуальных обязанностей».

Жена номер три, Мелинда: «Патологический эгоцентризм».

Жена номер четыре, Кэрол: «Супружеская неверность».

Жена номер пять, Венди: «Непреодолимые противоречия».

Венди единственная повела себя тактично. Она могла написать любую причину по своему выбору, и я не стал бы возражать, поскольку сам ее бросил, хотя наш брак был крепким и стабильным — лучшая семья, которую мне удалось создать. Венди могла прицепиться к любой части моего «наследства» (очень скромного), но предпочла развестись без обвинений, не возлагая бремя вины на кого-то из нас — или сразу на обоих.

Остальные причины — либо ложь, либо преувеличение, особенно фраза насчет неисполнения сексуальных обязанностей. Да, было время… вернее, момент в моей жизни, когда старый барсук не желал быстро вылезать из своей норы, но неисполнение — слишком сильно сказано. И Кэрол я не изменял. Я вообще ни разу не изменил ни одной из своих жен. Кэрол требовалась причина для развода в ее родной Алабаме, и супружеская неверность, видимо, первой пришла ей на ум. Она всегда была

импульсивной.

В большинстве моих разводов был огромный плюс — не страдали дети. Никакой нервотрепки по поводу опеки, никаких бурных ночных ссор, когда ребенок в другой комнате, накрыв голову подушкой, ждет, скоро ли мама с папой начнут наконец целоваться и помирятся.

А вот с Мелиндой у нас был Питер, и этот стресс тяжело отразился на обоих. Соответственно, досталось и пацану. Нам хотелось, так или иначе, закончить то, что вообще не следовало начинать, но это неожиданно повлекло за собой слишком болезненные последствия.

И все же, насколько я знаю, Питер не в претензии. Он вообще не винит меня в своих детских переживаниях, в нашем разводе и во всех моих грехах перед Мелиндой, кроме самого последнего. И я на него за это не обижаюсь.

Мы с Джейком любили поговорить о чувстве вины. О доверии. Обо всем на свете. У нас была масса времени. Мы теоретизировали на тему, есть ли Бог, и если да, то что Он думает о наших искорганах, о вызывающем привыкание препарате «кью», предупреждающем отторжение, или о людях, приписывающих крупные спортивные победы или поражения Его Божественному вмешательству. Не стану утверждать, будто нас терзал интеллектуальный или духовный голод; скорее, хотелось просто поболтать.

Как правило, мы выбирались из кровати и топали на работу часов в шесть-семь вечера, иногда успевая перекусить в помещении для персонала с кем-нибудь из коллег. В комнате умещались два покерных стола и несколько расшатанных складных стульев, стены были оклеены дешевыми обоями десятилетней давности, которые никто не озаботился обновить, и висела гигантская школьная доска, расчерченная на таблицу с указанием клиентов, искорганов, просрочки и ответственного исполнителя (или исполнителей). Здесь можно было выпить кофе, поболтать, изредка устроить мальчишник с приглашенной стриптизершей.

Но это было наше место, и мы сидели там, когда хотели. У сотрудников отдела возврата биокредитов ненормально узкий круг общения. Трудно, знаете ли, дружить, если людям кажется, будто ты только и ждешь момента вытащить у них печенку-селезенку. Длительные романы тоже редкость. Примерно из ста специалистов по возврату биокредитов, которых я знал в свое время, женаты были меньше половины, и лишь десятая часть

жили в браке достаточно долго. Мне иногда казалось, что я работаю сверхурочно, выполняя брачный план за остальных.

Присвоение пятого уровня давало нам с Джейком определенные льготы: мы снимали сливки с заказов, забирая лучшие, пользовались уважением коллег в любой части света и получали надбавку за квалификацию. В качестве бесплатного приложения полагалось неизбежное нытье и мелкое дерьмо, подбрасываемое сослуживцами других уровней.

Бобби Ромен, вечный второй уровень, добросовестный биокредитчик с соответствующей внешностью — шесть футов два дюйма, тощий, как гончая, немногословный и трудолюбивый, — буквально на каждом заказе непонятно куда засовывал свой сканер и умолял нас достать ему новый, пока начальство не заметило.

Висенте Салазар каким-то образом получил четвертый уровень, хотя отказывался от заказов чаще, чем можно было понять и стерпеть. Он, видите ли, не ходил в определенные районы города и отклонял поручения, если требовалось применять эфир. Когда фамилия клиента начиналась с «К» или «В», Висенте отмахивался, даже не взглянув. Четвертый уровень он получил по единственной причине: снизойдя до работы, делал ее настолько быстро и аккуратно, как не умел никто, кроме нас с Джейком. Одно время Фрэнк подумывал присвоить ему и пятый уровень, но мы с Джейком зарубили это дело на корню. Пусть отлынивает, если хочет, но нам-то зачем по пять дополнительных заказов каждые выходные.

Еще был Тони Парк, вечная заноза у меня под ногтем. Настоящее чудовище — сто десять килограммов мышц и сухожилий и череп неандертальца. Широкий лоб простирался, казалось, на целые мили и уходил под густой, как шерсть, бобрик с ярко-зелеными прядями. Вопреки правилам Кредитного союза и нравственным законам, навязанным обществом, Тони Парк сделал фирменную татуировку не на шее, как остальные, а в центре своего слоновьего лба, почти между глаз, ну, чуть повыше. Знак действовал на людей не хуже динамитного взрыва. Тони вычитал это в сборнике комиксов и решил — раз пропечатано в разделе юмора, значит, ему в самый раз.

Кроме сомнительного вкуса, Тони обладал еще и удручающе тонкой нервной организацией. Что бы ни думал читатель, это не самое лучшее качество специалиста по возврату биокредитов. В нашей работе нужно уметь орать, принуждать, иногда стрелять и наносить удар ножом, но психовать и терять над собой контроль — последнее дело. Тони, должно быть, прослушал эту часть на семинаре.

В результате Тони Парк крутился на вечной орбите между вторым и третьим уровнями — его то повышали, то понижали. Он хватался за ответственные заказы, возвращал фирме целые системы, выслеживал богатенького должника и становился работником месяца и специалистом третьего уровня, а через неделю выдирал селезенку у какой-нибудь престарелой леди прямо на вечеринке в честь ее сто десятого дня рождения в ресторане «Деннис», забрызгав кровью французские тосты с яйцом и беконом, и — привет, добро пожаловать на старый добрый второй уровень.

Он вечно ходил за мной с какой-нибудь просьбой.

— Слушай, мой племянник хочет у нас работать, — заводил он. — Дай ему рекомендацию, чтобы его приняли в программу!

— Сам и вводи его в программу, Тони.

— Да, я тоже мог бы, — ныл он, — но если словечко замолвит специалист пятого уровня, это будет авторитетнее для вонючих снобов из начальства…

Когда я говорил «нет», он переключался на Джейка — ходил за ним хвостом и канючил о том же, как пацан, упрашивающий родителей отпустить его в торговый центр с друзьями. Тони нельзя было остановить. Это его лучшее качество и одновременно злейший враг.

В результате в комнате для персонала мы с Джейком уже не чувствовали себя вольготно, как раньше. К восьми вечера, когда люди укладывают своих мальцов в кровать, мы отправлялись в кабинет Фрэнка за розовыми листками. Иногда мы выполняли тот же заказ, что и накануне, но чаще всего нас ждала новая работа.

Фрэнк — человек старой закалки, руководитель до мозга костей — не привык тратить время на болтовню о заданиях или нашей специфике. Он ведет бизнес и не понимает, для чего об этом трепаться, пока язык не распухнет.

— Взять бы все эти треп-шоу, теленовости и моралистов, мелющих вздор о нашем Кредитном союзе, и направить их энергию на что-то стоящее, так у нас давно было бы по личному самолету и мир во всем мире!

Таков наш Фрэнк — вечно в заботах о своих сотрудниках.

По какой-то причине босс терпеть не мог, когда мы с Джейком околачивались в комнате для персонала.

— Я уважаю вашу маленькую дружбу и все такое, — говорил он, — но вы мои лучшие специалисты. Работа в паре вас тормозит. Разделитесь — и сможете обрабатывать двойную территорию и гораздо больше успевать.

— Мы и так все время разделяемся, — возражал я Фрэнку. — Я делаю семьдесят, а то и семьдесят пять процентов работы.

— Что ни групповой выезд — вы всякий раз вместе, как сладкая парочка или чего похуже.

Джейк презрительно фыркал:

— Будь мы сладкой парочкой, думаешь, ходили бы вдвоем на заказы?

Джейк и мои жены никогда не ладили. Он затаил обиду на мою первую супругу Бет из-за того, что наш роман в письмах подогрел мою паранойю до неприличия. Другие мои жены недолюбливали Джейка либо в связи с характером нашей работы, либо из-за особенностей нашей дружбы.

Кэрол, моя экс-супруга номер четыре, Джейка просто на дух не переносила, и я не сомневаюсь — одной из причин нашего развода стало ее упорное желание воспрепятствовать моему общению со старым приятелем. Лучше всего с Джейком ладила Венди, настоявшая на моем переходе из возврата биокредитов в продажи.

— Отдел продаж? — изумился Джейк, когда однажды вечером я поделился своими планами. — Ты меня за дурака держишь?

— Венди просит, — объяснил я. — По-моему, это разумно. Моложе я не становлюсь, а вонючие клиенты по-прежнему стреляют как нанятые. На прошлой неделе один тип направил на меня базуку и…

— Да какие, к матери, продажи? Ты хоть представляешь себя в отгороженной клетушке в общем зале? — Таким высоким резким голосом Джейк любил передразнивать немногих продавцов, с которыми мы общались: — «Мистер Джонсон, мы можем предложить вам эту селезенку по цене гораздо ниже, чем другие корпорации. Этим вы обязаны своей семье и самому себе…» — Он покачал головой. — Ты же подавишься собственной блевотиной!

— Да ладно, — отмахнулся я. — Работа есть работа.

— Брехня. Иди копай канавы, если решил выйти из дела. Или клепай номерные знаки на машины. Нельзя переходить из возврата кредитов в продажи. Это же все равно что обратная эволюция — так просто не бывает!

Конечно, он был прав. В глубине души я признавал: работа, которой я занимаюсь, — единственное, что умею и к чему лежит душа, хотя биокредитчику приходится убивать людей, делать их инвалидами или, еще хуже, заставлять отдаваться за искорган, хотя я никогда на это не велся.

К моменту выезда мы с Джейком уже часа два-три были на

работе, на всю катушку используя оставшееся светлое время, болтая и балуясь пивком. Мы катили по улицам; я вел машину, а Джейк сканировал толпу, распугивая к чертям пешеходов. Ничто не вселяло большей паники в сердца людей, чем тонкий писк сканера, и Джейку это доставляло безмерное удовольствие.

— Так, проверим толстячка, — указал он на ожиревшего мужчину, грузно переваливающегося прямо перед нашей машиной. — Его органы вышли из строя давным-давно.

— На что спорим?

— На выпивку, — предложил Джейк. — Проигравший ставит пиво.

Заключив пари, Джейк тронул пальцем кнопку сканера, и на дисплее почти мгновенно высветилось: «Почка „Кентон ПК-5“, просрочка платежа 172 дня».

— Восемь дней еще осталось, — разочарованно сказал Джейк. — Все равно надо его прищучить.

— Заметано, босс. — Я повернул руль, подъехал к корпулентному клиенту и высунулся в окно: — Прекрасный вечер, чтобы растрясти жиры!

Не повернув головы, толстяк бросил:

— Пошел на хрен.

Ну, не хам?

— Как там почка поживает? — осведомился я и выставил татуировку Кредитного союза во всей ее красе.

Мельком глянув на мою шею, мужчина побелел, словно из него выкачали кровь, и попятился с помертвевшим лицом, бормоча:

— Я… я выслал чек вчера.

— Ты уж проверь, дядя, выслал или нет, — посоветовал я. — Восемь дней, и почка наша.

Толстяк ровно за три секунды развернулся на месте и на предельной скорости покатился в ближайший переулок, стараясь по мере сил максимально увеличить расстояние между нами.

— Гляди, как припустил, — засмеялся Джейк.

Он выставил большой палец, и я приложил к нему свой, как мы делали последние десять лет.

— Так ему скоро новое сердце понадобится, — заметил я.

Джейк взглянул на меня со странным блеском в глазах, и долгую секунду я не знал, собирается он меня ударить или расцеловать или и то и другое сразу.

— В чем дело? — насторожился я.

— Брателло, — сказал Джейк, — ты всегда будешь работать в возврате кредитов.

На улице пятью этажами ниже играют три маленькие девочки — прыгают через скакалку и распевают песенку:

Однажды житель Трубадура
Пошел на войну и подорвался.
Но он не умер и не сдался.
Сколько искорганов ему надо?
Желудок, сердце, печень, поджелудочная,
Анус, глаза, мочевой пузырь, ноздри…

Если они не заткнутся, я их придушу.

Сто пятнадцатый день на нелегальном положении. Дом, машина, имущество конфискованы в счет накопившихся процентов и пеней. Ну и прекрасно: дом разваливается, машина — жестяная коробка для самоубийц на лысых покрышках, а имущество в основном состоит из разнообразных финтифлюшек, бесполезных, но очень популярных на блошиных рынках. Финансовые средства, арестованные на всех счетах, давно сократились до нуля — алименты пяти бывшим женам быстренько об этом позаботились. Но это пустяки, мне уже не нужные. Все, что требуется, — верная двустволка и мой разношерстный мини-арсенал. Ну и ума чуток, чтобы прожить лишний день.

Мой номер, или клиентский шифр, по осторожному определению Кредитного союза, К029Й66ВЛ. Я никогда не видел свой файл, несмотря на так называемый закон об открытых кредитах, принятый больше десяти лет назад. Всякий раз заявление с просьбой об ознакомлении с моим кредитным досье, которое я подавал работнику архива, терялось, уничтожалось, помещалось не туда или неправильно понималось, и вместо реальных документов мне доставалось ведро крокодиловых слез и куча извинений. Можно было коллекционировать эти прекрасные образцы высокой литературы, клятвенно заверявшие, что информация, несмотря на непредвиденную задержку, вот-вот придет, как Армагеддон, о приближении которого орет какой-то тип на углу.

К сведению опекунов моего несуществующего имущества: в связи с высокой вероятностью того, что я закончу жизнь в лапах сотрудника по возврату биокредитов из нашего же отдела, а тело будет слишком искромсано, чтобы выставлять его для прощания, предлагаю кремировать мой труп, обложив официальными отписками Кредитного союза. Смешать пепел с искусной ложью тех, кто дал мне жизнь и одновременно приблизил смерть, —

вряд ли существует более подходящий погребальный обряд.

Биокредитчиками не рождаются, что бы ни болтали по ящику и радио. Старый слоган «Помоги миру помочь себе» в их рекламе звучит так, словно каждый человек рожден убивать. А ведь это искажение истины. Как в любом творчестве, в нашем ремесле можно совершенствоваться. У кого-то действительно есть природный талант, другие, вроде Тони Парка, чересчур поверхностны, но и в нашем деле существует масса нюансов и приемов, которых хватит на толстый учебник.

И все же союз настаивает на мифе «Рожден, чтобы восстановить кредитную справедливость». Буквально вчера я мельком видел газетное объявление, где говорилось: «Освой профессию. Вступай в союз. Следуй собственной судьбе!» Ей-богу, черным по белому — следуй собственной судьбе. Они со своими проповедями прочно обосновались на полпути между духовностью и техницизмом, делая религии точно выверенные реверансы в святилище инжиниринга и кредитов. Дешевый, но эффективный способ привлечь рекрутов. Поддался я. Попался на удочку Джейк. Повелись многие наши товарищи. Причины самые банальные — мы были молоды, глупы и устали от нескончаемой, всех доставшей войны. Хотелось встряхнуться, попробовать что-нибудь новое. Мы и не подозревали, что наступаем на те же грабли, или, точнее, погружаемся в то же самое дерьмо.

III

Короткий тест на знание природы войны.

Солдаты:

а) готовы умереть;

б) хотят умереть;

в) жаждут умереть;

г) все вышеперечисленное;

д) ничего из вышеперечисленного.

В методичке, используемой сегодня в армии, сказано, что правильный ответ — «д». Солдат — всего лишь беспризорник-переросток, призванный выполнять патриотический долг, которого не в состоянии ни постичь, ни оценить своим незрелым мозгом зеленого юнца, а посему не может быть готовым хотеть или даже жаждать сделать что-нибудь со своей ничего не значащей жизнью. Солдат, сказано там, знает о потенциальной возможности погибнуть и верит, что с ним такого никогда не случится. Это священный Грааль вооруженных сил. Готовность, желание и жажда бледнеют рядом с мощью иррациональной, ничем не подкрепленной веры.

Война обошлась с нами как сука.

Мне очень хотелось напечатать эти слова без улыбки, но я не могу. Война не была такой уж сукой, несмотря на то что вы о ней, возможно, слышали. В худшем случае ее можно обозвать охрененной скукотенью, в лучшем — кратковременным выпадением из реальности. Два года жизни в темноте, скрючившись в неестественной, как у йога, позе, впившись глазами в инфракрасный дисплей, изредка подающий признаки жизни — постороннее движение или хоть что-нибудь, выходящее за рамки гребаного порядка. Неудивительно, что мое зрение упало до нижней среднестатистической границы. Знай я наперед, где окажусь сегодня, вставил бы себе искусственные глазные яблоки от «Маршодин» — последней модели, с двухсоткратным увеличением и идеальной цветопередачей, такие милые маленькие шарики.

Конечно, знай я, где буду торчать сегодня, набрал бы себе искорганов на свое слабеющее тело. Не все ли равно, за какую сумму скрываться от Кредитного союза? Что значат еще двенадцать миллионов? Больше одного раза все равно не убьют.

Мама не хотела, чтобы я шел на войну. Папа возразил, что это прекрасная идея. Спасибо, папа. Мама твердила: «Это опасно».

Папа заявил: «Война закаляет характер». Спасибо, папа. Мама основывала свое мнение на болтовне с соседками и разнообразных слухах, отец — на собственной твердолобой идеологии. Оба ошибались.

Пример. Кашекианы, персидская семья, жили через улицу. Персами живущие в Америке иранцы стали называть себя после первой ближневосточной кампании. С окончанием первых мелких стычек выходцы с Ближнего Востока сделались мишенью для презрительных замечаний и косых взглядов библиотекарей и упаковщиков товаров в магазинах, считавших, будто они выполняют свой патриотический долг, подвергая остракизму неверных мусульман. Местные предрассудки отделяли «нас» от «них» так же просто, как нож разрезает пирог. И тогда светлые иранские головы придумали перевести свою национальность на родной язык, и через некоторое время люди повеселели и забыли, что персы — это иранцы, а иранцы — те же персы, и магазинные гонения прекратились.

Персы воспряли духом, особенно Кашекианы, которые ничего так не хотели, как смешаться с новой культурой. Старший Кашекиан был копией Джорджа Вашингтона, только посмуглее, и передал неуемный патриотизм потомкам, видимо, генетически. Когда им случалось опорожнять свои патриотические кишки, не сомневаюсь, дерьмо из них выходило красно-бело-синее. По национальным праздникам наша семья сидела на выцветшем складном диване, поедая готовую итальянскую жратву и бездумно пялясь в экран на бесконечные парады, а Кашекианы размахивали флагами, устраивали барбекю и распевали национальный гимн ad nauseam.[3] Отцу пришлось физически удерживать беспокойных соседей от воздвижения миниатюрной горы Рашмор в центре нашего квартала, когда однажды они с особым рвением праздновали День президентов. Америка все еще оставалась гигантской фондюшницей, и персы хотели стать образцовой фетой.

Их сын Грег Кашекиан, на два класса старше меня, был самым типичным американцем, которым только может сделаться перс. Звезда футбольной команды, круглый отличник, король вечеринок и староста класса. Я считал его мудаком, но это расходилось с мнением большинства. Однажды он пнул мою собаку… Ну ладно, не важно. Грег Кашекиан закончил старшие классы с отличием и всего одним незаконнорожденным ребенком и пошел в армию платить свой патриотический долг.

Основную информацию о войне моей матери поставляла миссис Кашекиан, а ее оценку трудно назвать беспристрастной.

* * *

На восемнадцатый день службы Грег Кашекиан погиб в пустыне, став одной из семисот пятидесяти жертв девятилетней Африканской кампании. Его гибель была случайностью, редчайшим стечением обстоятельств, совпадением вроде обнаруженной в стогу сена иголки, но моя мать прониклась убеждением, что пустыни Африки — настоящие «поля смерти», песок, залитый кровью молодых американских парней — таких, как я.

Миссис Кашекиан даже не пыталась как-то разрядить ситуацию.

— Наш мальчик был героем, — сказала она моей матери. — Он умер в бою, спасая других бойцов своего взвода. Он принял пулю за Америку.

Красиво. Вранье, но красиво. Я видел официальный отчет и письмо с соболезнованиями. Кашекианы держали их в потайном сейфе за лестницей, под незакрепленной частью ковра, на которой еще и стоял стул. Зачем они вообще хранили эти документы, выше моего понимания: разорвали бы в клочья и избавили род от позора за две секунды.

В ту осень, когда погиб Грег, мне подфартило сойтись с его младшей сестрой Тилли, очень аппетитной в своем легком платье на бретельках, и однажды в состоянии посткоитального благодушия она показала мне письмо, где черным по белому значилось:

> Уважаемые мистер и миссис Кашекиан!
>
> С глубоким прискорбием сообщаю, что ваш сын Грегори пал случайной жертвой огня своих же войск во время мирных военных маневров у побережья Намибии. Заверяю вас, что его смерть была мгновенной, без мучений, и Грег погиб, служа своей стране. Я хорошо знал вашего сына и питал к нему огромное уважение как к человеку и рядовому Морского корпуса США. Если у вас возникли вопросы, пожалуйста, пишите в корпус по адресу, указанному ниже.
>
> *Искренне ваш, лейтенант Тирелл Игнаковски, взвод М, Четвертая дивизия.*

Годом позже Тиг — сержант Тирелл Игнаковски, — сидя в палатке в пустыне, по секрету рассказал мне, как погиб Грег Кашекиан, обронив: «Этот иранский имбецил не мог отличить

собственный член от эжектора». Как многие военные, сержант недолюбливал эвфемизмы.

Я хорошо помню день, когда меня натянули по полной.

Они пришли в нашу старшую школу в полной военной форме — рыцари в сверкающих доспехах, расфуфыренные для очередного крестового похода. Я сидел на заднем ряду, соревнуясь в остроумии с Джейком и шестиклассником по прозвищу Черепаха, но при виде избранных в белом летнем обмундировании отчего-то заткнулся, завороженный блеском медных пуговиц, идеально заутюженными лацканами и сверканием знаков отличия на груди. Они были сама власть. Воплощение силы. Военные завладели моим вниманием так полно, как только позволяли бушующие гормоны. Двумя рядами впереди сидела Стейси Гринбаум, и я увлеченно наблюдал, как она закидывает ногу на ногу. Мозг был занят этим зрелищем примерно на пятьдесят процентов, но на оставшуюся половину меня зачаровали вновь прибывшие.

— Военное дело не для каждого, — сказали они нам. — Это особая работа для особых людей.

Я раздулся от гордости, но позже узнал, что приглашенных на собрание выбрали из середнячков, не имевших ни плохих оценок, ни поощрений. Я, счастливчик, идеально соответствовал критериям. Помимо нескольких четверок с плюсом по английскому за два старших класса — эй, а мальчишка-то кое-что может! — я был во всех отношениях нормальный Джонни. Пушечное мясо. Но тогда еле сдерживал гордую улыбку, поскольку мне собирались доверить особую работу и сделать особым человеком. Клево.

Я выбрался с последнего ряда, прошел по залу и уселся в первый.

Кто-то сказал, что особые люди — это те, кто первым лезет на стены, когда говно попадает в вентилятор. Вот самое наглядное сравнение, которое могу привести, чтобы побудить других держать свою задницу в последнем ряду, что бы им ни сулили.

Вербовщика звали лейтенант Медейрос, и был он гордым обладателем культи. Героический воин потерял левую руку на каком-то этапе своей почетной военной карьеры. Он не сказал, каким образом. И он не сказал когда. Мы все воспринимали как должное. В те дни нам не казался странным человек с пустым рукавом, свисающим от плеча — словно ошибся портной, шивший китель: в какой-нибудь Богом забытой стране всегда сыщется войнушка, если поискать, а протезы по карману только

богачам. Кредитный союз, пребывавший тогда в зачаточном состоянии, еще не открыл бесценные врата механического восстановления бедному и угнетенному рабочему классу.

Зато лейтенант обладал громким, как базука, голосом и умел манипулировать людьми: не прошло и десяти минут, как мы с готовностью ели из его уцелевшей руки. Он продержал нас, восторженных и вылупивших глаза, целых полчаса — дольше, чем любой учитель в течение учебного года.

Я кое-что записал.

Места, которые мы посетим: семь континентов, семь морей.

Люди, которых увидим: первый мир, третий мир, развивающиеся страны, дикари, главы государств.

Что мы будем делать: тренировки, упражнения, марши в пешем строю, драки, игры.

Как мы будем это делать: на пределе возможностей, которые всегда оказываются больше, чем человек привык считать.

Почему мы будем это делать: из любви к Америке. Из любви к демократии. Из любви к свободе.

Я поверил каждому слову.

После собрания лейтенант Медейрос и его офицеры установили возле дверей аудитории хлипкий ломберный столик, где мы могли получить ответы на любые вопросы, связанные с военной карьерой. Рослый паренье исклеванными акне мясистыми щеками зажал в углу сержант-майора и затеял односторонний спор о текущей военной политике США в странах Юго-Восточной Азии. Младший лейтенант, единственная женщина среди пришедших, спокойно стояла в окружении трех-четырех старшеклассниц. Я заметил, как Стейси Гринбаум быстро и горячо говорит что-то в этом маленьком кружке, и на секунду подумал, не обо мне ли речь.

Лейтенант Медейрос был свободен. Кинувшись к его столу и слегка напугав своим внезапным появлением, я выпалил:

— Как вы считаете, из меня выйдет хороший солдат?

И картинно напряг щуплые бицепсы в тщетной надежде натянуть рукава рубашки.

Лейтенант откинулся на спинку стула, с тайной усмешкой оглядел меня с головы до ног и прищурился, оценивая, как борова — призера на деревенской ярмарке.

— Ты занимаешься спортом, сынок?

— Спортом, сэр?

— Ну, физкультура в вашей школе есть? — кивнул он в сторону спортзала.

— А, да, сэр. Лакросс. Я играю в лакросс.

— И как, успешно?

Я пожал плечами.

— Четвертое место на кубке штата.

— Четвертое, значит? Этого хватит, чтобы получить стипендию на обучение в колледже? — спросил он.

— Я не… не знаю. Не знаю, сэр. — Впервые в моем присутствии прозвучало слово «стипендия», отчего меня пробила дрожь.

— У твоих родителей хватит денег, чтобы послать тебя в колледж?

— Нет, сэр. — Отец вкалывал как проклятый, чтобы удержать нашу семью в рамках среднего класса, но позиции слабели с каждым днем. — А разве армия не платила за ваше обучение в колледже, сэр?

Он проигнорировал мои слова.

— У тебя наверняка имеются другие способности. Небось мечтаешь податься в торговлю или заняться компьютерами? Есть техническая жилка? Сейчас механики хорошо получают, только подучись.

— Я… я не знаю, — пытался я выдавить улыбку. — Наверное, могу и в механики, но… я правда не знаю. Может, прежде посмотреть мир. Путешествовать. Вместе с армией. Я хотел бы записаться в армию.

«Сейчас ты обрадуешься», — подумал я. Уже несколько минут, покинув аудиторию, я ничего так не хотел, как польстить этому человеку, удивительному воину с благородным увечьем, полученным в самом пекле боя.

Ответа пришлось ждать несколько секунд. За это время я успел перебрать все возможные мотивы, по которым мне могут отказать. Меня охватил страх, желудок скрутило жгутом, и его содержимое ощутимо поднялось к горлу, угрожая вот-вот хлынуть изо рта. Я подавил рвотный позыв, твердо решив избавить мужественного офицера от полупереваренной школьной лазаньи.

Наконец лейтенант Медейрос покачал головой, чуть заметно двинув уголками рта, словно там сформировался — и сразу исчез — мой приговор.

— Возьми эти бумаги домой и поговори с родителями, — вздохнул он, единственной рукой пододвинув ко мне ворох листков. — А солдат из тебя получится, как из других, — не хуже и не лучше.

Теперь я понимаю, что лейтенант Медейрос пытался меня отговорить. Попытка получилась довольно бездарной, но он наверняка годами безуспешно отговаривал пацанов от записи в

вооруженные силы, а ведь даже самое ничтожное напряжение после многократного повторения становится форменной каторгой. Но тогда я в упор не замечал намеков, ни туманных, ни прозрачных, ослепленный белой формой, начищенными пуговицами, безукоризненными лацканами и сверкающими знаками отличия.

Я записался в армию из-за военной формы. Не я первый, не я последний.

Через три года, когда почетный тур по выполнению долга перед родиной подошел к концу, я снова выбрал профессию с не совсем чистыми намерениями и вновь позволил запудрить себе мозги полагающимся снаряжением. Камуфляж, ножи, газ, оружие — особые инструменты парней, принудительно возвращающих биокредиты, и после двух лет армейской хандры я рвался применить свои силы на полях сражений американского медицинского сообщества. Не случайно сейчас я использую все это для самообороны, скрываясь от бывших работодателей. Война не закончилась, сменился театр военных действий.

Джейк, напротив, отнюдь не проникся выступлением офицеров, появившихся у нас в тот день. Он обозвал их балдафонами, кувшинноголовыми и массой других вещей, которые, уверен, почерпнул из фильмов, но, как и я, унес бумаги домой и на следующее утро принес заполненными и подписанными.

Когда я спросил Джейка, почему он записался в армию, он пожал плечами и ответил:

— Там бесплатная жратва. А мужчине надо есть.

Ей-богу, это была самая лучшая причина среди всех прочих.

С Джейком Фрейволдом меня подружил пинок в задницу. В третьем классе учительница миссис Тоун предложила нам сочинить стихи о любимом времени года. Я выбрал осень, отчасти потому, что мне нравился холодный, прозрачный осенний воздух, но скорее, это первым пришло в голову, а долго раздумывать было лень.

Когда наступило мое время декламировать, я вышел к доске и начал:

Ранней осенью в полях
Хлопок доцветает…

Не успел я прочесть третью строчку, как меня перебил голос

из коридора, донесшийся через открытую дверь класса:

— Дурак, это не в рифму.

Пацан был выше меня минимум на фут, а тяжелые надбровные дуги — настоящий валик из кости и плоти — придавали ему сходство с мрачным пещерным человеком эпохи неолита. Но свою фразу он сказал так просто, что я сначала принял ее за шутку и продолжил:

— А гуляя по лугам…

— Вообще не в рифму. Такому чтецу пинок под задницу.

Он пошел дальше по коридору. Учительница тяжело вздохнула.

— Продолжай, — велела она. — Заканчивай стих и садись.

Через три часа Джейк поймал меня у школы за велосипедной стойкой и начал всерьез отвешивать пинки под задницу. Пропустив несколько ударов, я, сознаюсь без всякой гордости, пнул обидчика в пах, но это его только раззадорило.

Нас растащили за воротники и поволокли в кабинет директора, где усадили в ожидании наказания. Через некоторое время нам надоело ждать, мы извлекли из карманов трубочки и принялись обстреливать жеваной бумагой школьных секретарш, выбирая обладательниц пышных причесок. Вскоре мы уже хохотали, радуясь, что оказались просто два сапога пара. Когда у директора дошли до нас руки, мы уже были лучшими друзьями на всю жизнь.

Я часто думаю: «Вот не пройди Джейк мимо моего класса в тот день или окажись дверь закрытой, а рифма получше, я не сидел бы сейчас здесь, а Джейк не был бы там, где он есть». Но все произошло так, а не иначе, и наши судьбы с того мига теснейшим образом переплелись — с начала и до конца.

Мама с папой закатили прощальную вечеринку накануне того дня, когда мне надлежало явиться в лагерь Пендлтон для прохождения основного курса боевой подготовки. Сабантуй получился хоть в Книгу Гиннесса, и не столько от серпантина, конфетти и дурацких бумажных шляп, сколько из-за количества девчонок, желавших со мной переспать, прежде чем я уеду бить врага. В моем близком перевоплощении из шпаков в вояки было нечто, заставлявшее девичьи сердца трепетать, а груди — розоветь. Специально я хвост не распускал, но и отказываться, как вы понимаете, не отказывался.

В разгар вечеринки папа произнес тост, как раз когда мы с Шэрон Косгроув вышли из гостевой спальни.

— За моего сына, — сказал он, вознеся к потолку руку с

бокалом спрайта с капелькой водки, — который узнает, что значит быть мужчиной. — Я выдавил улыбку, с ужасом заметив, что пуговицы на платье Шэрон застегнуты не на те петли — оплошность, допущенная в спешке моими неверными пальцами. Гости разразились приветственными криками, и папа продолжил: — И да постоит он бесстрашно за свою отчизну, и стяжает славу себе и своей семье, и да избавит нас от происков зла. — Напитки были дружно вылиты в глотки и проглочены, а бокалы с грохотом поставлены на каминную полку. Пьяного папу всегда заносило в патетику.

И тут свои три цента подбросила моя милая мама, добавив почти шепотом:

— И пусть он вернется домой живым и здоровым.

Мама отлично умела портить людям настроение.

Основной курс есть основной курс. Нет нужды вдаваться в подробности — много крика, ругани, всяких «да, сэр» и «нет, сэр», отжиманий, подтягиваний, пробежек, спотыканий, одышки, хрипов, падений, плача, возвращений в казармы и повторения назавтра, и послезавтра, и на следующий день. Это было тяжело и нудно, муштра страшная, но в целом ничего жизненно важного. Ни конкретно для меня, ни в любом переносном смысле.

Джейк, как и ожидалось, стал звездой шоу, с неиссякаемой энергией гоняя мяч, клея цыпочек или ночи напролет рассуждая о видеоиграх. В Пендлтоне я ни разу не слышал от него ни единой жалобы, даже когда остальные наперебой стонали, словно домохозяйки, о своих разнообразных болях и немощах. А вздрогнул он от боли, на моей памяти, только однажды, когда винтовка дала осечку и металлический осколок прошил его руку между мизинцем и безымянным пальцем.

Парень, спавший на соседней койке, был благовоспитанным юношей из Бруклина, и звали его Гарольд Хенненсон. Для него просто свет клином сошелся на начальной боевой подготовке. Видимо, Гарольд считал основной курс чем-то вроде панацеи.

— Ты глянь, какие у меня стали мускулы! — восхищался он. — На, пощупай мой трицепс!

Я щупал его трицепс.

— Твердый.

— Как камень?

— Как камень.

Он без приказа ложился и делал перед взводом пятьдесят отжиманий. Без возражений чистил нужники. Брал дополнительные наряды на кухню. Он был безгранично предан военному ремеслу душой и телом и брал на себя значительную

долю общей нагрузки, когда мы, салаги, в массе своей мечтали дожить до вечера очередного дня.

— Погляди на мой живот, — просил он, пропуская по торсу невидимую приливную волну, обнажавшую рельефно выступающие «кубики». — Видишь, какие крепкие мышцы?

— Крепкие, — честно соглашался я.

— Как камень?

— Как камень.

Гарольд Хенненсон погиб, когда его танк сорвался с африканской песчаной дюны невиданной высоты и взорвался. Гарольда можно считать еще одним примером нелогичных закономерностей, выпадающих на долю нашего брата солдата во время войны. В его честь был дан салют из десяти винтовок, а пепел выслали родителям в старый кирпичный домишко где-то в Бруклине.

Чего Гарольд не знал, да и знать не мог, так это того, что стальные мышцы живота — пусть хоть титановые, если угодно, — совершенно бесполезны, когда твой танк срывается с гребня песчаной дюны и превращается в огненный шар.

Десять лет назад я выполнял заказ компании «Кентон» — прямой контракт, не через Кредитный союз. Подработка во внеслужебное время — не редкость в нашей профессии. Фрэнк, коммерческий директор союза, не возражал против дополнительного заработка, если это не влияло на качество заданий по розовым листкам. Фрэнк откровенный человек и свой парень — однажды я видел, как он сбросил три процента со ставки кредита какому-то просителю просто по минутной прихоти, и мне до сих пор немного неловко за то, что я так с ним поступил.

Хотя и не особо угрызаюсь совестью по этому поводу.

Я подписал контракт с «Кентоном» на изъятие трех искорганов с истекшим льготным периодом в девяносто дней, поскольку их штатные биокредитчики были завалены работой по горло. Все знали, что «Кентон» дает кредиты на свою продукцию не по правилам Кредитного союза и гораздо мягче обходится с клиентами — я слышал, у них в случаях извлечения важнейших имплантатов реципиента обязательно отвозили в больницу. Это выходит даже за рамки государственного закона и наглядно демонстрирует подлинное сочувствие неисправным плательщикам. Конечно, для получения кредита в «Кентоне» необходимо владеть каким-нибудь неслабым имуществом, но это уже дело третье. Девяносто дней — самый большой льготный период, о котором мне доводилось слышать, и я не испытывал

жалости к тем, кто пытался обмануть добропорядочное предприятие вроде «Кентона».

Первые два изъятия печени прошли гладко: работы на двадцать минут, все быстро и чисто. Но третий заказ был на экстракцию желудка. Зная, какую грязь можно развести в таких случаях, я взял с собой ведра — два для крови, один для остатков пищи, которая наверняка окажется в искоргане. Меньше всего мне хотелось изгадить свой прекрасный фирменный фартук полупереваренной цветной капустой.

Согласно розовой квитанции, выданной мне накануне экстракции, клиент выбрал новый «Кентон EC-19», искусственный желудок среднего размера с опцией расширения и сжатия, способный регулировать усвоение пищи и, таким образом, степень ожирения клиента. Искорган можно легко перенастроить на другой объем с помощью пульта дистанционного контроля, который счастливому обладателю EC-19 предписывается хранить в недоступном для детей и домашних питомцев месте. Это шикарная компактная машинка, первосортная, без изъяна, и стоит каждого потраченного пенни. Правда, просят за нее целую гору монет.

В розовой квитанции не указывалось, отказал ли собственный желудок клиента или он предпочел модернизировать свою пищеварительную систему; обычно виной тому рак, но мельница людской молвы денно и нощно мелет новые сказки об атрофии желудков по самым фантастическим причинам — от солнечной радиации до сычуаньской кухни. Независимо от оснований клиент поставил себе «Кентон EC-19» в январе прошлого года и повел себя предсказуемым образом: регулярные выплаты в течение одного-двух месяцев вскоре перешли в спорадические двухмесячные циклы, быстро дегенерировавшие в обещания выслать чек по почте. Клиенту звонили — на звонки никто не отвечал. Посланные письма возвращались невскрытыми. «Кентон» предоставил должнику четырехмесячный «постльготный» период, поскольку желудочник был какой-то там вонючей шишкой в министерстве туризма, но в конце концов даже их проняло, и они вызвали меня.

— Вы желудками занимаетесь? — спросила представитель компании, стройная блондинка, предпочитавшая неформальный дресс-код для разговора с приглашенными специалистами. Она явно знала свою работу, понимая, как наш брат биокредитчик любит таких женщин: обтягивающая блузка, широкие брюки, объемный начес. — У нас с вами договор на печени, но тут кое-что особенное — экстракция желудка и клиент с заскоками. Не исключены любые неожиданности — если возьметесь, конечно.

Я ответил как обычно:

— Все, что угодно, кроме «Призраков». Коли оплата приличная…

Оплата была что надо.

Вначале дело шло как обычно: разведал обстановку, вычислил планировку дома, пустил внутрь газ, разложил клиента, и тут — на тебе: скальпель отчего-то не режет пузо. Я уже по-всякому пробовал — и так и этак, и чуть ли не с размаху пытался пробить, и кромсал плоть а-ля потрошитель, но не погружался глубже, чем на два сантиметра, пока не уперся в цельностальную пластину, прикрывавшую внутренности. Невероятно. Я принялся резать дальше, не обращая внимания на кровь, уже пропитавшую матрац под клиентом.

Через пятнадцать минут я ободрал его как говяжью тушу, счистив чуть ли не все мясо с его торса, и все же не мог пробиться в механическое пузо новоявленного киборга. Время шло. Откачав скопившуюся кровь портативным насосом, я убедился, что моя первоначальная догадка, сколь невероятной она ни казалась, была верна: путь скальпелю преграждала металлическая пластина, закрепленная на нижних ребрах и костях таза.

Ну и зачем, спрашивается, мужик принял на себя хлопоты по имплантации такого стального полукорсета? Чтобы воспрепятствовать изъятию своего драгоценного желудка? Но я, хоть убей, не вижу в этом смысла. Искорган удлиняет жизнь, это просто и ясно. Когда на пороге появится не питающий к вам никакой личной неприязни представитель отдела по возврату неоплаченных биокредитов и вскоре наткнется на цельнометаллическую пластину, он не станет собирать шалтая-болтая по кусочкам, пытаясь добраться до того, за чем пришел. Оставит донора мертвым или умирающим, даже не оглянувшись на него через плечо. Черт, да нас едва обучили элементарным парамедицинским навыкам, и то большинство слушателей во время семинаров резались в кости на заднем ряду.

Даже зная, как оживить этого Франкенштейна и сшить все куски, я и не подумал бы этим заниматься. Пусть тонет в собственной кровище, козел. Я извел на него две пинты эфира.

Я сломал ребра, выломал верхнюю часть тазовых костей, швырнул металлическую пластину в открытое окно и вышел из залитой кровью спальни, черт бы все побрал, с его драгоценным искусственным желудком «Кентон EC-19» под мышкой. Жуть.

* * *

Гарольд Хенненсон никогда не согласился бы на металлическую плиту вместо крепкого, как сталь, пресса. Да и согласись он, ни черта это ему бы не помогло.

Получив сорокавосьмичасовую увольнительную по случаю Дня труда, я, Джейк и Гарольд Хенненсон решили оттянуться по полной программе так, чтобы чертям в аду завидно стало. Ближайшим крупным городом был Сан-Диего, где мы напивались с рвением религиозных миссионеров, неся послание об истинном опьянении невинным массам. Я знал два бара, работавшие еще долго после того, как жизнь в городе замирала на ночь, а расспросив завсегдатаев, мы нашли и подобие ночных клубов.

В какой-то момент нашего загула, который я помню смутно, я, как все хорошие и вусмерть пьяные парни, сделал себе татуировку на правом плече — «Когда сук ломается», большими синими буквами. Я до сих пор ношу тату с гордостью, пусть даже свести ее обойдется в десять минут времени и двадцать пять баксов в ближайшем медкабинете. Я точно не знаю, о каких… в смысле что означает фраза «Когда сук ломается» и почему я решил запечатлеть ее нестираемый вариант на собственной шкуре. Вряд ли я понимал это даже в тот момент в тату-салоне. Но надпись пугает маленьких детей и завлекает взрослых барышень. Мне она нравится. В ней чувствуется стиль.

Теперь у меня, разумеется, есть и другая татуировка — эмблема службы по возврату биокредитов на шее слева, маленькая черная мишень, пронзенная пятью золотыми стрелами. Ее невозможно свести, сколько ни мучай кожу лазером. Я представляю, как через много лет после моей смерти, когда плоть и кости рассыплются в прах, татуировка будет эфирным призраком парить над горсткой темной пыли, словно знак будущим поколениям, что я был представителем самой страшной профессии на земле.

Плюс девицы на нее западают.

IV

Мою первую жену Бет я встретил в той поездке в Сан-Диего. Она была проституткой и немыслимо красивой. Бет развелась со мной шесть месяцев спустя, когда я истекал потом в раскаленном танке в пустыне. Наш брак, видите ли, мешал ее карьере.

— Я знаю одно место, — сказал Джейк, ухмыляясь нам с Гарольдом над полупустой кружкой пива. Мы проторчали в баре больше времени, чем я мог сосчитать по пятнистым от старости настенным часам.

— А здесь чем плохо? — пьяно протянул я. — Посмотри вокруг — не хуже других мест.

Подошла официантка, благовоспитанная студентка, еле сдерживаясь после нескольких часов общения с тремя морпехами, головы которых дико кружил выпитый алкоголь.

— Что-нибудь еще? — спросила она, и после банальных комплиментов и неуклюжих движений мы ухитрились заказать себе новые порции пива. Официантка чуть не бегом кинулась от нашего столика, а мы продолжили процесс перехода от состояния упившихся до неподвижности в состояние нажравшихся вусмерть.

Через несколько минут Гарольд вспомнил, на чем остановился разговор, и пробормотал:

— Джейк сказал, он знает место.

— Ты это уже говорил. Ты повторяешься.

— Нет, — настаивал Гарольд. В его голосе появились плаксивые нотки. — Одно место. Понимаешь? Место!

Джейк подмигнул из последних сил:

— Верно. Место хоть куда.

— Ах, место…

— Ага. Место.

Я помотал головой. Комната кружилась. Я решил обязательно высказать претензию здешнему управляющему.

— Не нужно нам твое место. Нам нужны сговорчивые девки.

Как нарочно, к столику подошла официантка и ухнула поднос на столешницу с натренированной ловкостью. Не успела она назвать нам сумму счета, как я ухватил ее за руку. Переплетя свои огромные клешни с тонкими пальчиками, я с трудом повернул налитые кровью глаза к ее незабудочно-голубым очам и спросил:

— Детка, лапочка, сокровище, ты переспишь со мной?

— Только если на земле не останется других мужчин.

— И тогда бы ты согласилась?

— Конечно, — ответила она. — Девушкам же нужен секс!

Сложись жизнь иначе, я, пожалуй, мог бы в нее влюбиться.

За свою жизнь я любил всего шестерых женщин, включая собственную мать, и, исключая ее, женился на пятерых из них. Но мог бы любить гораздо больше. Кассиршу «Даунтаун дели», студентку, которая проходила со своим сенбернаром мимо нашего дома каждый день ровно в девять утра, сексуальную дикторшу с восемнадцатого телеканала с ее пухлыми губками. У меня большой нерастраченный любовный потенциал, знаю со слов психиатра. Он повторил это дважды, когда я ходил в брачную консультацию с моей четвертой женушкой, Кэрол.

— Мы получили результаты ваших тестов, — сообщил мне дядя с дипломом, висевшим в рамочке на стене за его спиной. У него хватило наглости содрать с меня триста долларов в час за вмешательство в наши с женой ссоры и препирательства. — Должен сказать, у вас большой нерастраченный любовный потенциал.

Я просиял:

— Значит, с этим мы закончили? Все в порядке?

Меня ждала работа, органы, которые следовало изымать.

— Нет, мы не закончили, — взвилась Кэрол.

— Да в чем проблема?! Тебе же ясно сказали — у меня большие способности к любви!

— Проблема в том, — ответила Кэрол, — что ты не реализуешь свой потенциал!

К тому времени, когда мы отыскали то самое «место» в Сан-Диего, все трое, к сожалению, успели совершенно протрезветь. Неумолимо приближался рассвет. Секс с незнакомыми бабами уже не казался таким заманчивым без алкогольной смазки, сглаживающей моральные ухабы. Мы безуспешно торкались в двери винных магазинов, но все лавочки давно закрылись, бросив нас на произвол судьбы до нового дня.

Гарольд пошел первым. Я волновался, пожалуй, впервые за всю службу. Я, конечно, занимался этим и в штате Нью-Йорк, и в Пенсильвании, и в Джерси, и в поездах на ходу, и в другом транспорте, но никогда не спал с женщиной старше себя и такой… опытной и знающей, как проститутка. А вдруг я все делаю не так? Что, если столько лет я трахался неправильно?

Поэтому я ждал в коридоре, читая «Вэнити фэр», который кто-то оставил на столике. Бизнес был открыт в массажном кабинете — старая как мир уловка, которая уже никого не обманывает. Мне показалось странным, что они продолжали

маскироваться — уже год как в Сан-Диего официально появился квартал красных фонарей — провинциалы пошли вразнос, — но, видимо, старые привычки умирают трудно. Декор был выдержан в эконом-классе: флуоресцентные лампы, мебель из ДСП, синтетический ковер четверть дюйма толщиной.

Клиенты шли косяком, словно рабочие муравьи, спешащие на случку к муравьиной матке. Каждые несколько минут хлопали двери, приглушенные стоны эхом отдавались в коридорах и маленькой приемной. Это был бордель для солдат, из чего я заключил, что и для морпехов, но и не только — никакой дискриминации по роду войск не наблюдалось. Я даже углядел взблеск знакомых знаков различия, но промолчал — мне не улыбалось отжиматься под бдящим оком морских пехотинцев или вылизывать им ботинки непосредственно в здешнем коридоре. Согласитесь, как-то нелепо нарываться на отрывание яиц в борделе.

Через двадцать пять минут Гарольд нетвердой походкой вывалился из раздвижных дверей. Я поздравил его с несокрушимой мужской силой.

— Не получилось, — сказал он, и его губы невольно сложились в огорченную гримаску.

— Что, телка не возбудила?

— Я сам себя не возбудил.

Гарольд впервые обрел опыт в бескрайнем море полового бессилия задолго до того, как я вообще узнал об этом, и потому казался мне менее мужественным. Я понимаю — это глупость, но в кипящем от гормональных бурь мозге мальчишки, которому нет еще и двадцати, крутилось, что ничто в мире не может удержать настоящего мужика от лишней палки, когда выпадает такая возможность.

— Попробуй снова, — предложил я. — Могу уступить тебе очередь.

Он отмахнулся, заявив, что с него хватит, и поплелся к ближайшему креслу.

— У меня пятьдесят баксов, — сказал я.

— Дело не в деньгах. Просто… Да иди уже, оторвись за себя и за меня.

Что мне оставалось? Я шагнул за дверь.

Через несколько лет после того, как Бет со мной развелась — кажется, я уже был женат на Кэрол, — я получил от нее особенно едкое письмо, из которого узнал, что я ничтожество, не ведающее о чести и неспособное выполнять обязательства, и мне нужно

ознакомиться с теорией эволюции в надежде когда-нибудь присоединиться к доминирующему виду. Однако между скачущих купоросно-едких строк можно было кое-что прочесть — например, приведенный ниже сентиментальный фрагмент, который, как я понял, дался Бет нелегко:

> В тот момент, когда ты вошел в наш массажный салон, с красным лицом, дрожащими руками, донельзя возбужденный, прикрывающий эрекцию каким-то глупым журналом, я поняла, что ты в меня влюбишься, и не имела ничего против.

В устах Бет это убогое признание равнялось самому прочувствованному шекспировскому сонету о покинутой любви, практически признанием, что на каком-то этапе я был ей небезразличен.

Поэтому я написал ответ:

> Дорогая Бет, спасибо тебе за письмо, в котором ты разложила по полочкам мнение на мой счет, хоть и знала, что мои родители были женаты, зачав меня. А насчет твоих мыслей при нашем знакомстве должен сказать, что «Вэнити фэр» я прикрывал не эрекцию, а пятно от кофе.
>
> Искренне твой, ля-ля-ля, бла-бла-бла.

Ню-ню-ню.

За раздвижной дверью оказался маленький зальчик, смежный с собственно «массажным салоном», начинавшимся непосредственно за обычными простынями, заменявшими портьеры. Маленькая кофеварка выдавливала тонкую струйку в прозрачную емкость, и я налил себе чашку — немного кофеина никогда не помешает. Потом еще одну. И еще. Минуты шли. Я с удивлением обнаружил, что до сих пор сжимаю в руке найденный в предбаннике «Вэнити фэр». Разжать руку не получалось — пальцы намертво впились в переплет.

Приторно-сладкий голос позвал из-за занавески:

— Ты здесь, милый?

От неожиданности у меня так затряслись руки, что я пролил кофе на слаксы. Подавив вопль, я промокнул пятно кстати подвернувшейся салфеткой и, прикрывая пах потрепанным журналом, сунулся в щель между тонкими, как марля, занавесками.

Проститутка — Бет — была обнажена. Прямо в чем мать родила распласталась на матрасе. Светлые волосы разметались по подушкам, груди торчали к потолку, соски указывали направление. Она, по-моему, даже головы не повернула, когда я вошел.

— Ты голая, — вырвалось у меня. Губы и язык двигались сами.

Бет села на кровати. Ее груди слегка обвисли, торча в разные стороны. Свои. Большие, но очень упругие.

— Ты что, первый раз?

— Нет-нет, — заторопился я, дергая молнию. — Я просто… я не ожидал… Я думал, ты в ночнушке…

— Которую ты с меня снимешь, — закончила она. Я кивнул. Бет встала на колени, зевнула, сунула соблазнительный пальчик в соблазнительный рот и игриво попрыгала на кроватных пружинах. — В выходные у меня аншлаг — столько кругом военных баз! А День труда? Да у меня ни минуты свободной! Одеваться, раздеваться — в очереди потасовки начнутся.

Я заверил, что понимаю, и мы несколько минут поболтали о погоде и выходных, пока я нервно избавлялся от собственной одежды. За несколько месяцев боевой подготовки мышцы стали твердыми, контуры тела — четкими. Может, не как у Гарольда Хенненсона, но все-таки я считал себя впечатляющим представителем мужского рода. Конечно, Бет не в диковинку было видеть молодого парня, краснеющего от удовольствия и гордости за собственное тело, но в тот раз я, как истинный американец, не сомневался в собственных физических данных.

— Очень впечатляюще, — сказала она. Я поблагодарил. Тогда я еще не знал, что она надо мной смеется. — Хочешь лечь рядом со мной? — спросила Бет, расправляя простыню с одной стороны. Между подушками там красовалось влажное пятно, и я отвел глаза.

Едва я присел на постель, ее проворные руки заласкали меня всего, и у меня сразу встал. Но мне хотелось продлить удовольствие. Вернее, мне необходимо было его продлить — проблемы с деньгами не оставляли надежды на второй заход.

— Может, сперва поболтаем?

— О Господи, — вздохнула она. — Так ты из психов?

Я не понял.

— Ну, с психологического, здесь же Калифорнийский университет, — пояснила она. — Приходят, платят бабки и задают вопросы. Что я чувствую, когда делаю то, это, что думаю о красном фонаре, деморализована ли я, ощущаю ли себя жертвой… Иисусе! Честно говоря, мне больше нравится

трахаться, чем болтать.

Ну, мы так и сделали — в смысле начали трахаться. Как рядовой морской пехоты США, я чувствовал себя морально обязанным доказать, что я больше мужчина, чем все студенты-психологи, вместе взятые, поэтому хранил молчание в течение всего акта любви.

Мой сын Питер прослушал в школе несколько курсов психологии, за которые платил я. Мне казалось, это хороший способ вправить ему мозги, не переводя деньги на местных мозговедов, но все, что мне досталось, — шестьсот вопросов за обеденным столом, неодобрительные взгляды и одна полноценная драка.

— Вы хоть понимаете, как отрицательно ваша работа сказывается на вашей семье? — осведомился прикрепленный консультант, скрестив руки на груди и сидя на моем диване, засранец.

— Моя работа обеспечивает им еду, — заметил я. — И крышу над головой. И диван под вашим задом.

— Но известно ли вам, насколько она их задевает?

Не знаю, имел ли он в виду нечто, поддающееся количественной оценке, но парни из отдела по возврату биокредитов привыкли иметь дело с конкретикой, а не с абстракциями. Конкретный дом, осязаемый орган, а все остальное — не наша забота.

— Нет, — ответил я. — Не знаю. Можете назвать точную цифру?

От этого он сразу заткнулся, к моему облегчению. Может, у него и есть диплом мозго…, но в высшей математике он пустое место.

Достигнув удовлетворительного для обеих сторон финала, мы с Бет все-таки поболтали. Это я не удержался.

— Тебе было хорошо? — спросил я, желая услышать оценку, а не напрашиваясь на комплименты.

— Мм-м-м… Замечательно. Но ты вовсе не обязан…

— Я сам этого хотел.

Бет улыбнулась и притянула меня к себе:

— Джонни обычно этого не делают. Просто двигаются туда-обратно, пока не кончат.

— Это потому что я не Джонни, — сострил я, и Бет была настолько снисходительна, что хихикнула. — Ты вообще тусуешься потом с клиентами?

— Только с самыми красивыми, — ответила она, и я раздулся

от гордости еще больше. Тот факт, что я заплатил ей за время, как-то улетучился из головы, и я воспринимал все ее слова как откровенные признания случайной любовницы.

— Я в морской пехоте, — сказал я, решив, что Бет должна знать.

Она пожала плечами и призналась:

— Я могла догадаться. Но немного увлеклась процессом… — Вдруг она схватила мою руку и сильно сжала… — Так, кажется, вторая волна на подходе, — проскулила Бет, перекатилась в мои объятия и принялась тереться лобком о мое бедро, тихо постанывая. Это была одна из самых завораживающих картин, какие мне доводилось видеть в своей жизни. Смотрел бы и смотрел целыми днями.

Час спустя, когда мы позанимались любовью еще два раза, а в коридоре уже томилась очередь, Бет взяла с меня деньги как за один заход. Я не мог поверить своей удаче: уже планировал сыграть по-крупному — на базе мы каждую неделю резались в кости — и покрыть расходы на рандеву, но теперь мог приберечь наличные до другого раза.

— Может, в следующие выходные… — начал я, но Бет, уже поправлявшая постель для следующего клиента, покачала головой:

— В следующие не получится. В городе пройдет съезд, я буду работать в отелях.

— О, — осекся я, с удивлением ощутив растущий гнев при мысли, что Бет спит с другими мужчинами. В какой-то момент нашего сексуального единения некий вирус ревности проник в мой организм, рассеяв споры в мозгу. Что мне СПИД и сифон — я уже чувствовал, как меня пожирает новая смертельная болезнь. Не иначе провидение советовало мне похерить надежду на будущие отношения там же и тогда же — мои ревнивые позывы, какими бы ханжескими они ни были, убивали малейший шанс на то, что у нас что-то получится. Но интуиция шептала свои подсказки едва слышно — нет бы рявкнуть на ухо, когда нужно.

— Но через выходные я свободна, — сказала Бет, чмокнув меня в щеку. Это оказалось приятнее, чем все тантрические позы, которые мы перепробовали за последний час.

Вот так и закончился наш первый день знакомства — я ушел, унося на щеке поцелуй, а Бет проводила меня до дверей. Все как у людей.

Курс боевой подготовки продолжался — бесконечная череда бесчисленных повторений, которые, по заверению сержанта-инструктора, незаменимы для спасения наших тощих шкур. Я так

и не понял, зачем балансировать над ямой с водой, если мы вроде как будем бить врага в пустыне, но после трех нарядов вне очереди научился держать рот на замке.

В Сан-Диего наведывался раза два в месяц — чаще увольнительную на двое суток вымутить не удавалось. Я брал массу дополнительных нарядов — патрулирование, уборку, бумажную работу, чтобы освободить выходные. Вскоре я спохватился, что сплю всего три часа в сутки. Зато мы с Бет отлично проводили время — в основном уединившись в дальней комнате массажного салона и испытывая кровать на прочность, с перерывами на вылазки в разнообразные ночные кабаки. Бет достаточно хорошо понимала мои чувства, чтобы благоразумно освобождать выходные от работы, и всего однажды нам пришлось лететь из бара как угорелым, потому что она забыла о назначенной встрече с клиентом и не могла отменить свидание. Я ждал в коридоре, слушая, как скрипят пружины матраса. Это продолжалось час и шесть минут.

В последние недели курса боевой подготовки основной упор сместился на практику и тактику. Мы участвовали в учебных военных маневрах, или операциях, называйте как хотите. Наши плацы превратились в великие равнины фальшивого огня условного противника, захламленные макетами танков, бутафорскими зданиями и ненастоящими снайперскими гнездами, стрелявшими в настоящих солдат, корчившихся от подлинной боли — применялись низкоскоростные резиновые пули, вонючие, как сволочь. Один парень из роты Е потерял глаз, когда протирал запотевшие защитные очки.

В последний день — зря нам сказали, что это наши заключительные двадцать четыре часа начальной подготовки, — мы решили оттянуться на всю катушку. «Красные» рулят, хо!

Мы устроили рейд в форт «синих» — я и Гарольд Хенненсон, — по ходу дела обезвредив трех снайперов. Уложились в три часа — два часа двадцать пять минут выматывающего душу ожидания и полчаса переизбытка адреналина. Подробности: мы обстреляли хлипкий оштукатуренный фасад патронами с красной краской, размазали ее по своим лбам и, окончательно разойдясь, запечатлели там собственные фамилии, испуская наихудшие в истории войн боевые кличи. Мы взяли пленных, заложников, связали их веревками, представив, будто это широкие полосы коры эвкалиптов, и подвергли задержанных допросу, выспрашивая личные номера, имена женщин, с которыми они спали, и точные адреса последних. Мы были королевскими ВВС, пехотинцами

США, бригадой желтых лент — в общем, всеми славными вояками из старых фильмов о войне. Мы были пирующими монголами. Мы были победителями.

Инструкторы пришли в ярость. Каждый из нас получил по два часа нотаций, угроз, отжиманий, ограничений во сне и еде и сто часов нарядов на кухне и уборки казарм и территории. Разумеется, за этими занятиями мы и минуты не провели — отправка с базы состоялась на следующий день.

За неделю до того, как командование корпуса морской пехоты отправило наш батальон греться на белом солнышке пустыни, мы с Бет сочетались браком. Я бы не назвал обряд волшебной сказкой — разве что в духе братьев Гримм, — но все прошло очень мило. Полупьяный пастор, которого оторвали от кружки в баре у дома Бет, Джейк Фрейволд в качестве свидетеля и до кучи Гарольд Хенненсон, драивший унитазы своей зубной щеткой — не по принуждению, но из-за фанатичного стремления к порядку, — скрепили своими подписями три экземпляра свидетельства о браке.

В отличие от Гарольда Хенненсона Джейк Фрейволд прошел всю войну и остался жив. Как и я, он вернулся в Америку, не зная, куда себя деть, без ясной цели, без образования, позволявшего выжить на рынке труда, уже тогда предъявлявшем баснословно высокие квалификационные требования — программистов выставляли за дверь вместе с утренним мусором, если они не успевали освоить последнюю версию С-Трипл-Плюс быстрее, чем их коллеги. Как и я, Джейк тоже прибег к единственному занятию, неизменно поддерживавшему его в трудные времена: армейская жизнь научила нас спасать свою шкуру.

Мы могли убивать людей, не парясь по этому поводу.

Но на венчании мы, естественно, ничего об этом не знали. Гарольд был жив, а мы с Джейком являлись всего лишь молодыми болванами, спешившими закончить дело перед тем, как прыгнуть в люк транспортного самолета, курс которого лежал в сердце тьмы.

— Кто здесь дает клятву? — булькнул пастор. Во время короткой церемонии он стоял к нам спиной, типа кашлял, но его дыхание свидетельствовало, что он едва подавляет позывы рыгнуть дешевым виски. — Клянется кто-нибудь?

Гарольд посмотрел на меня и пожал плечами, не зная, что полагается делать. Я тоже недоуменно дернул плечом, поэтому Джейк принял инициативу на себя и выступил вперед.

— Я даю клятву за этого мужчину, — сымпровизировал он. — Я клянусь за него.

— А… кто отдает… Кто отдает эту леди?

Этого мы не обговаривали. Я повернулся к Бет, боясь, что наша непредусмотрительность вот-вот похерит все предприятие, но она шепнула мне на ухо:

— Пускай будет Гарольд.

— Точно? — не удержался я. — У нас в принципе есть время… Найди кого-нибудь!

— Гарольд прекрасно подойдет.

И Гарольд отдал мне в жены мою возлюбленную невесту — взбитые волосы, без всякой фаты, платье длинное, взятое напрокат, со слегка обтрепанным подолом — и проворно отступил. Пастор пробубнил благословения, объявил нас мужем и женой и слинял в открытый допоздна клуб, где не выгоняли мужчин в испачканной спереди одежде.

Мы занялись любовью в номере мотеля, снятом мною на два часа, обливаясь потом и буквально соскальзывая друг с друга в сан-диегском летнем зное. Когда мы закончили, а время вышло, я надел военную форму, уложил вещички, поцеловал женушку на прощание, пообещав писать каждый день, и пошел на базу, а оттуда на поле боя новой, решительной походкой.

Бет взяла отгул на всю оставшуюся ночь. По крайней мере так она мне сказала.

В одном из писем, которые она присылала мне, сидельцу уродливых металлических монстров военного назначения, Бет объяснила, почему Гарольд лучше всего подходил в качестве посаженного отца. «Он — единственный мужчина, который имел возможность трахнуть меня и не трахнул, — сообщали кривые буквы. — Это сделало его непорочным в моих глазах».

Не подумав, я, наивняк, сглупу написал в ответ: «Мы могли подождать и пригласить твоего папаню».

Я примерно понял реакцию, еще не получив ответа, пришедшего на три дня позже обычного. Обида и боль, столько лет надежно хранившиеся под спудом здоровой физиологии, проступали в каждой разъяренной каракуле. «Ты очень милый парень, — писала Бет, — но порой ведешь себя как законченная сволочь».

Не спорю.

Ладно, хватит реминисценций. Сегодня я сделаю вылазку. Надеюсь вернуться.

V

Сегодня. Сердечный ритм вернулся в норму — негромкий равномерный писк дистанционного контроля, вживленного в бедро, сообщает, что я вновь вошел в приемлемый диапазон частоты сердечных сокращений. Видимо, вскипевшая адреналином кровь начала успокаиваться, как остывающая сердцевина ядерного реактора. Сейчас у меня каждая ночь не дай Бог, но нынешняя просто достойна войти в эти, как их, аналы, что ли. В смысле в анналы.

Сегодня днем я выходил. Короткая, но глубокая разведка неприятельской территории. Честно говоря, практически каждый дюйм за стенами этой вонючей комнатушки двадцать на двадцать футов можно назвать вражеской зоной, но сейчас мы говорим о главном офисе, где я «видел, оставаясь невидимым», как хорошо законспирированный осведомитель.

Я ходил в торговый центр. Затея, конечно, рискованная, но это необходимое зло, оправданное моей изоляцией. Когда речь идет о том, чтобы оставаться в живых какой-то период времени, безвылазно сидеть в норе означает про…рать последние шансы уцелеть. Чтобы сбежать из лап Кредитного союза — почти невозможный подвиг, испытание выдержки в течение неопределенного времени, — необходимо знать, где следят, как и кто конкретно этим занимается. Каждый сотрудник отдела по возврату биокредитов имеет свой почерк, собственную манеру выкуривать пчел, и если знать, кто у тебя на хвосте, шансы дунуть ему в морду тем же дымом возрастают в разы.

Невозвращенные кредиты в союзе составляют около двух процентов. Это один сбежавший на пятьсот несостоятельных должников, и данная недоработка регулярно проставляется большими жирными буквами в конце каждого контракта на искорган, который подписывают в двух экземплярах, когда клерк Кредитного союза прочтет текст вслух и убедится, что клиент понял природу своей задолженности, а заодно и шансы вырваться из лап союза, если решит смыться с неоплаченным органом на какую-нибудь недосягаемую территорию.

Когда я работал на союз, у меня недобор бионедоимок составлял ноль целых ноль десятых — пончик и пулевое отверстие, и этот показатель обеспечил мне признание в департаменте и в Национальном союзе специалистов по возврату биокредитов. Никто не сводил дебет с кредитом так чисто, как я, и даже те, кто прятался от меня год-два (максимум три), заканчивали располосованными где-нибудь на полу, и последнее,

о чем они успевали подумать, это каким образом я их все-таки нашел.

Так было до заключительного заказа, но я считаю, один промах не в счет. С другой стороны, сейчас я очень надеюсь, что как раз в счет. Мне бы смерть как не хотелось закончить карьеру сотрудника по возврату биокредитов без единого огреха в послужном списке. Идеальный специалист — это же мороз по коже.

Несколько лет назад торговый центр был огромным пешеходным рынком в западной части города, меккой побрякушек и непомерно дорогих полудизайнерских тряпок — в точности как любая фабрика покупателей в любом городе. Матери возили детишек от ларька к ларьку в ярко-красных прогулочных колясках, предоставляемых администрацией рынка, девицы искали подарки своим бойфрендам, бойфренды искали соблазнительные трусики для своих девиц, тонны наличных переходили из рук в очень смуглые руки, и в Багдаде было все спокойно.

Кредитный союз находился еще в зачаточном состоянии, когда компания Курцмана выкупила торговую площадь на первом этаже, выжив оттуда «Гэп», и два месяца спустя открыла двери первой станции обслуживания искусственных органов. Кредит под ноль процентов, всеобщая доступность, не отказывали ни одному подходившему по критериям просителю. Над вывеской «Фирма Курцмана (прием посетителей без предварительной записи)» красовалось яркое неоновое сердце — не слащаво-условный символ Дня Валентина, а точная копия выпуклого, оплетенного венами органа, — пульсировавшее алым и розовым, ритмично вспыхивая светодиодными трубками. Вскоре в такт пульсации из скрытых динамиков зазвучала песенка. Мотивчик разносился над рынком, привлекая людей, как мультяшных собак, впадавших в транс от аромата свежеиспеченных пирогов: «Все к Курцману, все к Курцману, все к Курцману пойдем и сами лично выберем, сколько проживем».

Через час очередь уже заканчивалась на улице.

* * *

Арнольд Курцман, сколотивший свой первый капитал на переработке старых баскетбольных мячей НБА в дешевые внутренние камеры и переключившийся на торговлю искусственными органами, был низеньким, отечным, лысеющим

мужчиной, вокруг которого постоянно вился целый рой головокружительных юных красавиц. Он являлся лжецом, вором, скверным исполнителем караоке с никуда не годным чувством ритма и фанатичным поклонником французского кино. Но несмотря на массу недостатков, Курцман обладал чековой книжкой высотой с Эйфелеву башню, и деньги, которыми он сорил направо и налево, позволяли ему пребывать по самый пах в пленительной женской плоти в течение почти всей жизни.

Фрэнк, мой руководитель в Кредитном союзе, органически не переваривал Арнольда Курцмана, причем его неприязнь выходила далеко за рамки профессиональной зависти. Своей ненавистью он заразил и меня. Дело усугубляла необходимость посещать одни и те же конференции и терпеть бесконечные снисходительные речи Курцмана на нескончаемых семинарах. Мало на земле найдется созданий, которых я ненавидел бы больше, чем этого старикашку с гнусным характером и слюнявыми губами, и пару лет назад я даже подсуетился, чтобы именно мне достался заказ на изъятие искусственных легких Курцмана, чей бизнес и банковские счета к тому времени накрылись медным тазом.

Я испытал глубокое удовлетворение, отыскав Курцмана в обшарпанном мотеле, где тараканы ползали по его вздутому потному телу с догнивавшим от сифилиса мозгом, а жалкий скарб валялся кучей на прикроватном коврике в пятнах. Надо ли говорить, что ни одной юбки поблизости не вертелось?

Слоган фирмы Курцмана «И сами лично выберем, сколько проживем», назойливо зудевший на всех земных языках, сразу попал в народные хиты, и вскоре другие производители искорганов закинули удочку в этот пруд в надежде урвать себе торговую площадь. «Гейблман», «Кентон», «Таихицу» залегли, как снайперы в подлеске, выжидая удобного момента, когда встанет вопрос о продлении аренды для розничных торговцев, и в день икс в ноль часов одну минуту выбросили десант на лизинговый офис рынка не хуже штурмовиков в блицкриге, выкладывая на стол все новые опечатанные пачки, пока администрация не дрогнула под зеленым натиском и не уведомила всякие «Банана репаблик» и «Поттери барн», что их плодотворное сотрудничество подошло к концу.

Кредитные фирмы и компании-производители прокатились по рынку приливной волной, сметая все на своем пути. Вскоре третий этаж торгового центра заняли искорганы, за исключением одной-единственной упрямой лавочки «Лучшее в мире печенье». Это была прекрасная маленькая пекарня с постоянной клиентурой, работавшая по индивидуальным заказам и производившая эротические десерты, и, можете себе представить,

они непонятно где набрали денег и утерли нос алчным соседям, когда вновь подошел срок продления аренды.

Теперь они называются «Лучшие в мире печенье и органы» и специализируются на искусственных вкусовых сосочках.

Сегодня с утра пораньше торговый центр, несколько лет назад переживший рекапитализацию, за которую проголосовало подавляющее большинство компаний, совместно арендующих торговые площади, напоминал муравейник. Страдающие всевозможными хворями просители суетливо бегали от офиса к офису, пытаясь хоть где-нибудь — где угодно — получить кредит. В пассаже уже не осталось одиноких упрямых магазинчиков, пытающихся продавать одежду, обувь или выпечку; теперь здесь было засилье искорганов, позволявших энергично продолжать свой путь, даже если у организма кончился завод.

Кредитный союз может похвастаться самой широкой витриной, внушительным сияющим порталом, действующим на входящих с паркинга как оплеуха. Яркие цветные огоньки бегут от самого порога, заманивая клиентов, указывая путь к новому, усовершенствованному образу жизни. Утерев нос Понсу де Леону, [4] в пассаже забил новый источник молодости.

Счастливое Сердце и Ларри-Легкое, два самых популярных символа Кредитного союза, сегодня работали, кривляясь, как недовольные оплатой подростки, одетые искусственными органами. Звукового блока в этих костюмах не было — это вам не рекламные уродцы из фирменного парка аттракционов (слоган: «Развлекись и омолодись!»), поэтому мультяшные персонажи в основном приветственно махали покупателям и топтались на кафельном полу торговых рядов. Счастливое Сердце развлекал группу онкологических больных, прыгая через свою аорту, как через скакалку, а Ларри-Легкое хлопал в ладоши в такт музыке.

Я в свое время встречался с девушкой, изображавшей Патти-Поджелудочную Железу, но роман тянулся недолго: всякий раз, когда она забиралась в свой костюм, мне приходилось подавлять невольное желание вырезать ее, не отходя от кассы.

* * *

Большую часть своего арсенала я сегодня оставил в отеле: довольно волнительно проходить охрану, рискуя, что из кармана выпадет какой-нибудь незакрепленный скальпель. Даже в городе это, знаете ли, может вызвать подозрения.

Я выбрал «маузер» — он покомпактнее — и зарядил его

достаточно, чтобы уйти из толпы средней плотности. Если нос к носу столкнусь с биокредитчиком, говорил я себе утром, или даже с двумя-тремя новичками, только-только прослушавшими коротенький вводный курс, то без колебаний проложу себе путь к свободе с помощью пистолета. А нарвавшись на что-то посерьезнее — например, специалиста пятого уровня, кинусь наутек, словно таракан при включенном свете.

Как выяснилось, меня переполнял чрезмерный оптимизм.

Пройти рамку в торговом центре оказалось плевым делом. Прискорбно, когда можно пронести в торговые ряды предмет столь металлический, как полуавтоматический немецкий пистолет. Немного о моем плане, составленном на основе накопленных за много лет трюков-кунштюков.

По дороге я заскочил в китайский магазинчик и стянул хрустальную вазу, подобрав к ней подходящую коробку в мусорном контейнере. Мои движения были быстрыми и уверенными, но это не мешало мне то и дело поглядывать через плечо и крутить головой на сто восемьдесят градусов, проверяя наличие хвоста. Насколько я знаю — а знаю я много, — за ближайшим углом может ждать группа биокредитчиков, готовых схватить меня в восемь рук, швырнуть в поджидающий автофургон и разом со всем покончить. Мне не показалось, что меня узнали или за мной идут, но в этом и состоит метода талантливого сборщика биодолгов. Тишина и безмятежность — и есть наживка.

Короткая поездка общественным транспортом — здесь шансы быть узнанным значительно снижаются: низко опущенные головы не поднялись, когда я вошел в тряский автобус: пассажиров больше заботили собственные беды, чем проблемы какого-то неудачника, — и вскоре я оказался в квартале от торгового центра, массивного сооружения, облицованного бежевым травертином и занимавшего две сотни тысяч квадратных футов лучшей территории. Говорили, что в борьбе за это место они обошли администрацию штата и больницу. Клиенты буквально ломились в раздвижные электронные двери трехэтажного комплекса; спешили внутрь собранно, целеустремленно, скрывая тревогу; а на выходе либо сияли улыбками, либо рыдали. Игра случая — иногда тебе дают кредит, иногда нет, хотя сейчас благодаря сниженным кредитным ставкам и необязательному имущественному обеспечению только последний неудачник не получал вожделенного мочевого пузыря по чуть менее грабительской цене.

Притулившись у маленького забора, я выпутал «маузер» из

складок куртки и спрятал его под палой листвой, выкопав в грязи ямку стволом, как совком. Выпрямившись, я решительно зашагал к торговому центру, напустив на себя подобающее выражение боли, безнадежности и ожидания очередного унижения. Накладные усы и бороду я приклеил сильным фиксатором, выуженным из мусорного контейнера за магазином маскарадных костюмов, и очень надеялся, что они не поддадутся мощному рывку охранника на входе или порыву ветра.

— Ставьте сумки на ленту, — монотонно повторял сидевший за рентген-монитором офицер. В очереди я был двенадцатым. Единственный металлодетектор пропускал по одному. За мной встал молодой человек, прижимавший к груди крошечного шиатцу; пушистая собачка тяжело дышала, с каждым выдохом тонкая шерсть волнообразно колыхалась.

— Он плохо себя чувствует, — пояснил парень, заметив мой взгляд. Люди редко берут с собой домашних животных в торговый центр. Это считается крайне вульгарным и вызывает косые взгляды в любом отделе выдачи кредитов. Специалистов по кредитованию мало интересуют друзья человека. — Ему нужно легкое.

— Кому? — не понял я.

— Оладушке, — кивнул он на собаку, которая жалобно уставилась на меня большими карими глазами. — Да, моя лапочка, — проворковал парень своему меховому шарику. — Купим пупсику новое легкое.

— А почем они? — не удержался я. Ходили слухи, что некоторые покупают искорганы своим питомцам, но это были в основном знаменитости, способные выкатить всю сумму твердым наликом.

Парень покачал головой:

— Еще не знаю. Ветеринар обещает все устроить за тысячу восемьсот в месяц, но я хочу послушать, что здесь предложат.

— Удачи, — пожелал я и повернулся к началу очереди. Ему она сильно понадобится. Ни союз, ни производители не дадут кредита человеку, с которого нечего взять, кроме паршивой собачонки.

Кредитная система по искорганам построена на том, что обеспечением служит непосредственно тело заемщика. Поэтому когда встает вопрос о лишении права пользования, у клиента нет возможности увильнуть.

* * *

— Ставьте коробку на ленту, сэр. — Сидевший за монитором техник жестом показал на мою вазу и ленту конвейера, и я с готовностью подчинился. Шагнув в металлическую арку — маузер покоится под кустом снаружи, — я прошел рамку без сучка без задоринки и подхватил выехавшую коробку.

Мою руку схватили и придержали.

— Что в коробке, сэр? — Еще один охранник, на этот раз с пистолетом. На его форме не было никаких знаков в отличие от лениво сидевшего в пяти футах коллеги, но у меня возникло ощущение, что его немного научили пользоваться револьвером.

— Подарок на день рождения, — объяснил я. — Моему консультанту. — Это было широко распространено и ничуть не выходило за рамки. Чтобы гарантировать предоставление кредита или низкую кредитную ставку, клиенты несли щедрые взятки своим консультантам, называя их подарками на день рождения или по случаю праздника, чтобы не всполошились наверху. Конечно, все знали, что происходит, но закрывали глаза, поскольку консультанты отстегивали супервайзерам, а те давали на лапу вышестоящему начальству. Длинная цепочка отката, как толстый слой смазки, облегчала скольжение по пирамиде вверх и вниз — второй Амвей,[5] может, чуть менее отмороженный.

— Он не просвечивается, — заявил охранник, хмуро глянув на монитор. — Вам придется открыть коробку.

— Это хрусталь, — терпеливо объяснил я, — с большим количеством оксида свинца. Поэтому он непрозрачен для рентгеновских лучей. Слушай, там все очень тщательно завязано, и если я начну…

— Откройте коробку, сэр, иначе мы сделаем это сами.

Я демонстративно вырвал коробку из рук охранника, хорошо сыграв возмущение потенциального покупателя, к которому прикопались на пустом месте, и начал тщательно развязывать запутанные узлы, которые сам накрутил не далее чем тридцать минут назад.

Прошла минута, другая, а очередь стоявших за мной жополизов не двигалась, ожидая, что меня либо пропустят, либо уволокут прочь, а я буду орать и сыпать ругательствами. Появились первые признаки недовольства — клиенты бурчали себе под нос что-то нелестное или вполголоса обменивались возмущенными репликами. Через три-четыре минуты бубнеж перерос в полноценный гул, на фоне которого то и дело слышались колкие замечания в адрес вашего покорного слуги, ретивого охранника и торгового центра в целом.

— А ну, поторопитесь, — угрожающим тоном начал офицер, и его рука двинулась к пистолету.

— Неужели застрелишь меня через коробку? — недоверчиво уточнил я. Стоявшие за мной отшатнулись, стремясь укрыться от брызг крови и мелких осколков хрусталя.

Но рука охранника, обойдя кобуру, нырнула в карман, и на свет появился карманный нож. Выхватив у меня «подарок», он мстительно перерезал ленту.

Из коробки на неподвижный конвейер с глухим звуком выкатилась пустая ваза. Над очередью прошла волна ощутимого облегчения. Секунду охранник пялился на глыбу хрусталя, решая, как действовать дальше, затем отошел от меня без всяких извинений.

— А мне теперь другую ленту покупать?! — повысил я голос, но он уже потрошил следующего хилого просителя.

Через тридцать минут я снова подошел к рамке. Та же очередь, тот же офицер за монитором, та же коробка у меня под мышкой, на этот раз еще более замысловато обвязанная. И вновь, когда я попытался пройти, подошел охранник:

— Опять вы?

— Мне пришлось заново все упаковывать! Вы же изрезали ленту!

Он уставился на монитор рентгеновской установки, на мутную серую тень на экране, и уголки его рта искривила гримаса.

— Ваза?

— Она самая.

Тупик. Я смотрел на охранника, он смотрел на монитор, зная, что никто никуда не двинется, пока мы не примем решение. Но если он попросит меня снова открыть коробку, развязывание узлов займет добрых пять-шесть минут, а если ленту перерезать, с меня станется и в третий раз появиться перед рамкой с упакованным подарком.

Я мог ждать хоть целый день.

Охранник — нет. Пока мы смотрели на монитор и коробку, лежавшую между нами, его окликали другие офицеры, прося помочь, словно они сами физически не могли заставить посетителей открыть сумки для осмотра.

Несмотря на напряжение и вполне реальную возможность быть разоблаченным и застреленным, чтобы мое вырванное из груди сердце плавало в каком-нибудь химическом дезинфектанте в лабораториях Кредитного союза, у меня на лбу не выступило ни бисеринки пота. Сотрудники отдела по возврату биокредитов — по крайней мере лучшие из них — не потеют. Десять секунд, которые меня промурыжил охранник, показались часом, но

наконец я услышал:

— Проходите.

И, едва сдерживая раздражение, он вновь повернулся ко мне спиной — надеюсь, последний раз за сегодняшний день.

Я сгреб коробку с конвейера, робко улыбнулся офицеру за монитором и поплелся в глубь торговых рядов, опустив плечи, стараясь не выказать торжества и не выдать в себе хозяина положения.

Свернув в ближайший туалет, я уединился в самой дальней кабинке, разорвал ленту зубами, достал хрустальную вазу и извлек из нее девятимиллиметровый «маузер».

Моя четвертая экс-супруга Кэрол когда-то держала в торговом центре свой магазинчик, но продала место Кредитному союзу задолго до того, как мы познакомились. Мудрое решение. Немногие упрямцы, цеплявшиеся за семейное дело, моментально вылетели из любого кредитного досье на планете и быстрее, чем можно сказать «Эквифакс», лишились возможности заниматься бизнесом какого-либо уровня. А продавшиеся за кругленькую сумму процветали. Как всегда и бывает.

Магазин Кэрол назывался «Все вещи хороши». Помню, я заходил туда однажды, еще до нашего знакомства и соответственно до того, как она вышвырнула меня из дома и развелась по высосанному из пальца обвинению в адюльтере. Я зашел в магазин, если не путаю, во время одного из редких часов отдыха поискать подарок на полугодовщину свадьбы для Мэри-Эллен, второй из моих прелестных жен. Это была единственная дата, которую мы отпраздновали, но в то время я не ведал о предстоящем разрыве, как-то не прислушиваясь к еженедельным угрозам Мэри-Эллен со мной развестись.

«Все вещи хороши» был декорирован тканью в красно-белую клетку с рюшами и плюшевыми медведями всех размеров, пялившимися на вас из витрин. По стенам висели свитера ручной вязки и плетеные коврики, а на полу стояли большие тяжелые деревянные лари, наполненные непритязательным товаром. Такое место встречи деревенской мыши с мышью городской, и я, помню, недоумевал, неужели это приносит какой-то доход.

Как позже я узнал, не приносит.

Но тогда, в магазине, за банками с домашними консервами и свежим хлебом, за брусками самодельного глицеринового мыла, от которого можно отрезать любой кусок и заплатить по весу, за пилеными фишками деревянных пазлов с ручной резьбой, пригодными для соединения тысячей способов, я нашел крайне заинтересовавший меня товар. За простеньким пологом оказалась

маленькая стеклянная стойка с длинными прямоугольными пластиковыми коробочками с двумя тупыми металлическими зубцами с узкой стороны. Они показались мне знакомыми, но после купания в море деревенского барахла мой центр восприятия ощутимо деформировался.

Я подозвал продавщицу — не помню, была ли то Кэрол, ее сестра или одна из старшеклассниц, которых они нанимали летом, и спросил насчет пластмассовых штучек.

— Это тазеры, — просто ответила девушка.

— Тазеры?

— Чтобы оглушать людей.

Назначение тазеров мне было известно — я использовал их почти каждую неделю. Если клиент выходил из-под контроля, то есть находился не в закрытом помещении типа машины или квартиры, эфирный наркоз не вызывал необходимого эффекта и тазер становился вторым из лучших методов обездвиживания. Чего я не мог понять, так это как электрошоковое оружие попало в уютно-домашний магазин.

— А я думал, здесь продаются ремесленные изделия.

Продавщица покачала головой:

— Магазин называется «Все вещи хороши».

— Стало быть, электрошок — хорошая вещь?

— Безопасность, — поправила продавщица, накрыв мою руку ладонью. — Безопасность — хорошая вещь.

Я бы мог полюбить подобную женщину. Если это была Кэрол, так в итоге и вышло.

Очередь в Кредитный союз оказалась короче, чем обычно. Как всегда, она начиналась на улице, но длиной была всего футов тридцать. В напряженные дни, какой-нибудь вторник после праздничных выходных, когда матерые воители, потрясая пивными чревами, буквально взрывали себя, сглупу играя в игры, для которых не годились и двадцать лет назад, «хвост» тянулся от входа футов на сто, извиваясь и закручиваясь по проходам торгового центра, как чудовищный жгут, сплетенный из людей. Администрация приглашала известного дизайнера луна-парков, чтобы как-то упорядочить движение очереди, но даже он оказался бессилен укротить непредсказуемые выкрутасы и повороты людских несчастий.

Но сегодня своей очереди за сверкающими белоснежными двойными дверями Кредитного союза дожидались не более пятнадцати-двадцати человек — недостаточно, чтобы затеряться в толпе. Даже с фальшивой бородой и усами меня легко узнают, а я

не мог позволить себе роскошь засветиться.

Я прошел мимо Кредитного союза к туалетам в конце коридора, где, как мне было известно, находился запасной выход, ведущий к погрузочной платформе. Несколько лет назад курильщики, которым не разрешалось дымить в здании, сообразили, как отжать дверь, не потревожив автоматическую сирену, и никто с тех пор не удосужился ее починить. Я планировал зайти на бывшую работу с черного хода и сделать все необходимое.

К счастью, я увидел еще лучший вариант. На краю грузовой платформы сидел, болтая голубыми мохнатыми ногами, Ларри-Легкое, вернее, его нижняя часть. Безжизненный верх костюма стоял на полу, а подросток, которого союз нанял поработать символом, устроил перекур. Он делал медленные, длинные затяжки, выпуская стресс из собственной сердечно-сосудистой системы.

Я подошел сзади и постучал долговязого пацана по плечу. Ростом он был примерно шесть футов и один-два дюйма и весил не больше семидесяти кило. Когда он повернулся, я вынул сигарету у него изо рта:

— Подаешь плохой пример, а?

— А тебе какое дело? — завел он. — У меня перерыв…

Тут он в первый раз поднял на меня глаза и намочил штаны — буквально, это не метафора. Несмотря на накладную бороду и усы, он сразу понял, кто перед ним, и его мочевому пузырю это не понравилось.

— Какая талия у этой фигни? — спросил я.

— Что?

— По поясу у твоих штанов какой размер, я спрашиваю?

— Двадцать восемь, — ответил он.

Вот чертов юношеский метаболизм… Я вырубил пацана локтем по башке и вытянул обмякшее тело из половины костюма. На нижних капиллярах Легкого проступили пятна мочи, но играть в брезгливость времени не было.

До дверей Кредитного союза оставалось не более тридцати футов, когда рыхлый толстяк с примерно такой же пухлой подругой жизни подрысили ко мне, тряся сиськами.

— Ой, Ларри, — затрещали они, — можно с тобой сфотографироваться?

Меньше всего мне хотелось ловить незабываемые моменты с пленкой «Кодак», но нужно было подыграть, раз уж ввязался в этот фарс. Я расставил легочные руки, оттопырив большие пальцы, ходячие пудинги сгрудились вокруг меня, и какой-то

потенциальный клиент щелкнул фотоаппаратом.

Отснявшись, толстяк не спешил уходить.

— Третья попытка за сегодня, — не очень весело сообщил он.

В здешних очередях люди часто откровенничают, я замечал. Делятся своими страданиями и способами победить хвори. Мечут бисер, так сказать. Все, что я мог сделать, это покачаться взад-вперед, изображая Легкое в печали. Примитивное искусство эта пантомима.

Толстяк бурно закивал, тряся вторым и третьим подбородками.

— Ей нужна поджелудочная. Сказали, рак. Мы утром два часа стояли к «Кентону», а они нам отказали. У «Гейблмана» тоже.

Есть же и другие фирмы, хотел я сказать. Вам нет нужды хвататься за союз как за соломинку. Компании-производители работают без посредников, там и проценты ниже, и, если до этого дойдет, льготные периоды больше. Всегда лучше попытать там, прежде чем идти в Кредитный союз.

Словно прочитав мои мысли, женщина пояснила:

— Мы уже получили много отказов. Еще один, и за нас никто не возьмется.

Да, здесь она права. Всякий раз, когда производящая компания или фирма-кредитор отказывали неперспективному клиенту, к его файлу немедленно прикреплялась черная метка, а сам файл выкладывался в информационное пространство для всеобщего ознакомления. Я не сомневался, что консультант Кредитного союза мельком взглянет на их досье, мягко покачает головой и нажмет кнопку «Не утвержден». Они могут обратиться в другие фирмы за частным займом на иных условиях, но надежды, честно говоря, мало. Мистер и миссис Пудинг свое отпрыгали. Ей осталось жить несколько месяцев.

«И сами лично выберем, сколько проживем!»

Не надо бы мне издеваться над отделами маркетинга: ведь это основной механизм, заставляющий крутиться колесики любой индустрии. Люди не понимают, что в бизнесе искорганов рулят маркетологи, а технология максимум нажимает на газ.

Скажем, корпорация «Таихицу» решила запустить совершенно новую серию искусственных селезенок. Решение принимается руководством, часто идея проекта — дитя мозгового штурма нового вице-президента, которому не терпится выделиться до почти неизбежного снятия с поста месяцев через восемь. Руководители голливудских студий ничем не отличаются от управленцев индустрии искусственных органов, когда речь идет о содержании резюме.

Но вернемся к селезенкам; сначала проект спускается в отдел маркетинга. Этих работничков не заботит медицинский аспект — какую роль селезенка выполняет, как она работает и почему, насколько может усовершенствоваться, потому что это проза жизни и для маркетологов скука смертная. Поэтому сначала они напряженно думают над деталями — какого цвета орган предпочтет клиент или должна ли селезенка обладать функцией антирадара. В бизнесе искорганов многое завязано на стремлении быть первыми; если одна компания предложит новую функцию, остальные непременно потянутся за ней. Насколько я понимаю, конкуренция в индустрии ожесточенная, отбирающая массу сил, так что занятые маркетингом товарищи то и дело уходят на ленч и не вылезают с конференций непременно на океанском побережье.

Разворачивается рекламная кампания, в ходе которой чаще всего обсасываются особенности нового дизайна. Можно устроить сенсацию на телевидении или засветить искорган в новом боевике, особенно если в сцене погони селезенка засекает полицейский радар. Печать возбуждает население, воздвигаются рекламные щиты, телевизор начинает трахать мозги каждые две минуты — кампания восхваления набирает обороты.

Сыплются заказы. Никто уже не хочет ходить со старым «Селезнем»; конечно, он помогает организму справляться с инфекцией, но что за польза в селезенке, если с нею нельзя безнаказанно выжать девяносто пять миль в час? Народ впадает в ажиотаж, и вскоре тысячи клиентов вносят резервные депозиты и платят аванс, а вице-президент, подбросивший идею новой селезенки, получает двухмесячный оплаченный отпуск на Фиджи.

Наконец идут к инженерам медицинской техники и говорят, что им придется создать чертову селезенку, используя рекламные листки в качестве рабочих чертежей. Очень важно, подчеркивают, сделать особый упор на антирадар. Если не получится — все, проект накрылся.

Каким-то чудом инженеры ухитряются кардинально изменить дизайн селезенки так, что новая модель действительно работает, и уложиться в сроки, успев за считанные дни до Рождества. Теперь чья-нибудь бабуля может победить изнурительный кашель и тащиться по тротуару, не опасаясь штрафа за превышение скорости.

А все благодаря корпорации «Таихицу» и ее невероятному сплину.[6]

Но прежде чем искорган будет доставлен и имплантирован в бабулю, он проходит через департамент безопасности «Таихицу». Здесь команда специально обученных ассистентов из службы по

возврату биокредитов за смешные деньги вплавляет в корпус органа пассивный передатчик — прямоугольный чип не больше волоска на тыльной стороне ладони. Его помещают на незаметном, почти невидимом участке; даже получи клиент каким-то образом доступ к искусственному органу в своей брюшной полости, он не сможет найти и удалить чип.

И сидит этот чип спокойно и счастливо в бабулькиной новой селезенке, пока мимо не пройдет со сканером специалист отдела по возврату биокредитов и не активирует его радиосигналом. На экране сканера тут же высветится производитель искоргана, дата установки и фирма-кредитор. Если наш специалист идет не по селезенку или не по конкретную бабульку, он прошествует мимо, тронув шляпу, и продолжит сканировать окрестности, уверенный, что вскоре отыщет должника.

Но ежели бабка неаккуратно выплачивает бабки…

Вот почему я редко выхожу на улицу.

Спустя еще двадцать фотосессий и пару младенцев, которых мне пришлось поцеловать через двухдюймовый слой меха и лайкры, я прошел через двойные двери в чрево исполинского чудища — Кредитного союза. Именно здесь я мог пропасть ни за цент и едва не пропал, так что слушайте.

Я искал стенд «Разыскиваются» со своим портретом. Объявление о моем розыске. Считать собственную персону достойной списка ста самых разыскиваемых Кредитным союзом лиц с моей стороны было безумием и непомерной мегаломанией, но у меня возникло ощущение, что они захотят как можно скорее найти своего бывшего сотрудника. Покамест я избегал их лап вот уже три месяца, просачиваясь, как вода между пальцев, оставаясь в живых дольше, чем девяносто пять процентов злостных неплательщиков, и от этих сухих цифр у руководства наверняка вскипала желчь.

Тяжелое металлическое ограждение змеей вилось по залу, регулируя движение очереди с ювелирной точностью, невиданной по другую сторону раздвижных дверей. Это напомнило мне поездку на Ближний Восток по душу задолжавшего союзу шейха, который смылся из страны, унеся в себе кишечник стоимостью в шестьсот тысяч, ему не принадлежавший. Шейх предлагал взятку, обещал немедленно погасить кредит и озолотить меня в частном порядке, но я тогда переживал паршивый период между двумя браками и пребывал в отвратительном настроении, поэтому забрал то, за чем приехал, и оставил шейха на полу облицованной мрамором ванной в его дворце в пустыне.

Я это к тому, что по дороге на Ближний Восток меня провели

чередой бетонных бункеров, построенных невероятно извилистой линией и на таком расстоянии, что границу невозможно было пересечь со скоростью свыше шестнадцати километров в час. Чтобы довести информацию до сознания последнего тупицы-туриста, на крышах бункеров размещались солдаты, поигрывая автоматами неопределимого производства. Одним нажатием спускового крючка они могли превратить мою машину в швейцарский сыр, поэтому я ехал медленно и осторожно, как хрупкая старушка из Пасадены.

Примерно так я чувствовал себя сегодня утром, зажатый между перилами высотой по пояс; наемники, бдившие за безопасностью союза, расхаживали туда-сюда, погавкивая, чтобы мы приготовили бумаги и не устраивали чего не надо в вестибюле. Я кое-как просачивался мимо разношерстных страждущих, пританцовывая а-ля Легкое, подражая движениям, которые в прошлом сто раз видел у настоящего Ларри. Если бы не мысль о тазерах и пистолетах у окружавших нас людей, я чувствовал бы себя полным идиотом, но в сложившейся ситуации был только рад анонимности, пусть и столь жалкой.

Если я когда-нибудь увижу пацана, носившего этот костюм, то буду к нему добрее. Периферическое зрение в этой штуке практически отсутствовало, и я мог лишь догадываться, что по ходу пьесы свалил с ног несколько больных людей. В какой-то момент я наткнулся на барьер и отлетел, по ощущениям, к стене. Правда, у стены оказались толстые от каменных мышц руки.

— А ну, с…лся с дороги, — послышалось рычание, и, еще не повернув затянутые тюлем отверстия для глаз к источнику звука, я уже понял, что совершил большую ошибку.

Маленькие глазки Тони Парка и его гигантский нависающий лоб уткнулись в ткань и мех костюма, словно он решил в него втиснуться.

— Извините, сэр, — промямлил я, подделываясь под ломающийся подростковый голос.

Тони и не подумал отодвинуться и пропустить. Наоборот, уперся еще сильнее, пахнув несвежим запахом тела вроде гниющих водорослей.

— Пяль гляделки на дорогу, когда прешь, не то я выбью их из твоей сраной башки!

Я самым дружелюбным образом оттопырил пальцы в больших меховых варежках и торопливо пошаркал прочь, чувствуя, как Тони сверлит мне взглядом затылок — в смысле затылок Легкого, но не остановился и не обернулся. Не стоило давать новый повод для наезда. Не то чтобы я не хотел врезать Тони Парку — его давно следовало поставить на место. Я просто не мог расходовать

пули — кто знает, когда они мне пригодятся.

В середине очереди ограждение шло ближе к стене, и я сумел изучить разнообразную информацию, вывешенную на гладком мраморе. В основном это были рекламные листовки, призывающие клиентов отказаться от природных органов в пользу более совершенных искусственных с длительным сроком службы. «А слабо вам пить, как в старших классах? — вопрошала темно-желтая, словно пиво, бумажка. — Попробуйте новую печень „Таихицу“!»

После рекламных листков и завуалированных угроз шла основная фреска этой мраморной стены — мрачные морды ста самых разыскиваемых клиентов. Каждый постер был примерно шестнадцать на одиннадцать дюймов, и, кроме цветной фотографии и основных данных дебитора, там значился последний известный адрес, номера телефонов, кредитных карт, записи из истории болезни, гигиенические привычки и размер ноги разыскиваемого плюс аналогичные данные на близких друзей и родственников. Когда в дело вмешивается союз, приватности можете сделать ручкой; бумаги, которые вас заставляют подписать в трех экземплярах, самым недвусмысленным образом дают это понять.

Неудачники висели рядышком. Десять десятков, коллаж из фотографий на документы. Лица юристов, плотников, стоматологов. Отцы, братья — не важно. Я немного удивился, увидев, что список возглавляет женщина — какая-то блондинка умудрилась чрезвычайно насолить союзу, однако вскоре мое внимание привлекла другая гримаса.

Двумя постерами ниже, во втором ряду слева я увидел знакомое лицо с широкой ухмылкой, в которой сквозила усталость, и выражение глаз типа «так-перетак этот мир и его мамашу»; все это принадлежало мне, и только мне, много лет назад. Снимок был из личного дела, и отчего-то меня обожгла мысль, что эти ублюдки использовали часть моей прежней личности против меня.

Я двенадцатый из самых разыскиваемых союзом беглецов. Черт, этим можно гордиться.

Я значился в списках союза и раньше — правда, по другую сторону красной линии. Во время моего брака с Мелиндой меня дважды называли национальным работником месяца за выполнение двух заказов в очень продуктивные для союза периоды, когда прибыли утраивались, а расходы сокращались вдвое.

Обычно за неделю я изымал два-три искоргана, а в те

сочившиеся баксами дни — минимум вдвое больше, рыская по городу каждую ночь и вылавливая нашу дичь. Расход эфира у меня вырос настолько, что дилер решил, будто я на него подсел и дышу парами. Лафа длилась пару месяцев; я профессионально обрабатывал поступающие заказы, принося до четырех искорганов за ночь. В качестве поощрения мне выделили место на служебной парковке.

Мелинда не пришла ни на одну из церемоний моего награждения. Она даже не ждала меня дома с праздничным обедом. Иногда зависть принимает на редкость уродливые формы.

При виде собственного лица с крупной надписью, даже не прочитав набранного внизу мелким шрифтом, я сразу понял — просто по расположению ориентировки, — что мне собираются присвоить пятый уровень сложности. Не так давно я и сам охотно взял бы такой заказ. Союз не жалел средств, чтобы меня найти; в тот момент я понял, что мне чертовски повезло так долго бегать и если я хочу продолжать дыхательный процесс и дальше, не стоит рисковать по-глупому, как, например, сегодня.

Но сейчас я был в стенах Кредитного союза; я был в стане врага. Здесь не принято гнать волну, если не хочешь нарваться на неприятности. Лезть без очереди — все равно что прыгать с «Титаника»: разобьешься ты или утонешь, по-любому кранты, но в последнем случае хоть побарахтаешься. Большинство бедолаг, которым требуется небольшое обновление организма, коней на переправе не меняют и чаще всего стоят до последнего, и, даже в обличье человеческого легкого, я решил не отставать от остальных. Покручусь по залу, помашу охране, продавцам и всем биокредитчикам, которых встречу, а затем в темпе свалю через служебный выход и забьюсь в свою гранд-дыру.

Я был уже в десяти жлобах от начала очереди, когда завыла сирена и в вестибюль вбежали крупные парни с автоматами. Десятка полтора — я не особо считал.

Из-за специфики профессии я постоянно имел дело со смертью, и хотя не совсем на ты с Потрошителем, мы много раз обменивались визитками и дружески кивали друг другу, приступая к работе. Поэтому кровь тяжелыми толчками пошла по венам не из-за шестнадцати карабинов, направленных в мою сторону, и не от вида вспотевших верзил, перепрыгивавших ограждение, как чемпионы мира в беге с препятствиями. Причиной тому стала реакция толпы — вроде бы собратьев по несчастью — на десант небольшой армии против беспомощных,

безответных людей, набившихся в зал.

Они ничего не сделали. Никто не дернулся прикрыть голову и не тряс в ужасе растопыренными пальцами перед лицом, никто не съежился и не взмолился о пощаде.

Я ожидал, что матери прикроют детей своим телом — в общем, типичной реакции добропорядочных обывателей, но тишину нарушали лишь приглушенные крики и плач, доносившиеся из кабинета выдачи кредитов, под аккомпанемент которых я лез без очереди. Если не считать отдаленных стенаний, стояла полная тишина, от людей веяло покорностью и печалью, и это меня ужаснуло. Даже овцы бегут спасаться, когда волки перепрыгивают через изгородь.

«Маузер» был у меня за поясом штанов, между давным-давно пустым животом и старым-престарым ремнем, который я стырил на домашней распродаже в каком-то гараже неподалеку. Едва охранники с хрюканьем и хаканьем начали сигать через барьер, целясь при этом в меня и держа пальцы на спусковых крючках, правая рука сама выскользнула из латексного рукава и плотно обхватила рукоятку «маузера», действуя быстро, точно и уверенно. Не отпуская пистолет, я сунул ствол в один из пальцев мохнатой перчатки — со стороны могло показаться, что Ларри-Легкое указывает на кого-то обвиняющим перстом. К тому времени, когда второй наемник Кредитного союза перемахнул через ограждение, мой палец уже чесался, лежа на спусковом крючке.

Подсчет шансов занял одну микросекунду. Шестнадцать бойцов, одиннадцать уже перескочили через перила, пятеро штурмуют барьер; новый отряд вбегает в зал из коридора, и каждый с оружием примерно в три раза мощнее моего «маузера». Считая народ вокруг себя группами по двадцать пять человек, я набрал одну, две, три с половиной — примерно девяносто гражданских на пути, девяносто потенциальных щитов. Естественных особенностей рельефа, пригодных для укрытия, в офисе не было, а металлические части слишком малы, чтобы за ними прятаться. Может, я и отощал на своем помойном рационе, но за шваброй меня все еще видно, и за барьерами я бы задницу не спас.

Возможный план отхода: выстрелом в кнопку пожарной тревоги в пятнадцати футах замкнуть цепь, включить противопожарные спринклеры и устроить небольшой дождик. Сгрести за шкирку какого-нибудь доходягу и сделать сальто, подставив его спину под выпущенные в меня пули. На пути к выходу швырнуть обмякшее и скорее всего окровавленное тело в

ближайшую фалангу атакующих. При необходимости повторить. Ловко уворачиваясь, пробежать по залу, как на отработке действий в условиях пожара, прикрывая собственное незащищенное тельце плотью гражданских, паля как попало в ходячие бронекостюмы, если они кинутся преграждать мне путь, стараясь попасть точно между глаз. Вывалиться в торговые ряды и организовать массовую панику с помощью пары выстрелов из «маузера». Воспользоваться всеобщим замешательством, избавиться от костюма, смешаться с толпой, вопя, выбежать из торгового центра с лавиной людей и раствориться в безымянных переулках, ведущих в мою надежную нору — заброшенную гостиницу.

Шансы, что все пройдет по плану: один на миллион.

Шансы в ближайшие десять минут оказаться в черном полиэтиленовом мешке на молнии: пресловутый «ясен пень».

Вот что сержант Игнаковски рассказывал о «ясном пне».

Заядлый игрок однажды ночью видит сон: идет он, значит, по лесу по своим делам, размышляя, на какую лошадь ставить, и тут пушистый маленький зайчик выпрыгивает из кустов, морщит забавный розовый носик и говорит: «На пятую!» Через несколько шагов бурундучок вскарабкивается по рукаву ему на плечо и шепчет на ухо: «На пятую!» Идет мужик дальше и вскоре видит кривое дерево, изогнувшееся в виде цифры «пять». Облака в небе тоже выстраиваются в пятерки, и вскоре птицы, звери и все живое кругом поет-свистит ему в уши: «На пятую, на пятую, на пятую!»

Просыпается мужик и думает: неспроста такой сон, надо сечь подсказку. Встает, отливает, напяливает штаны и рубаху, прыгает в машину и за пять минут проезжает пять миль до ипподрома. Входит, берет программку бегов и открывает на пятом забеге. И вот в пятом забеге на пятой дорожке значится пятилетний жеребчик, скаковой в пятом поколении, по кличке Жив Пятерка. Недолго думая, мужик идет в пятую кассу, подходит к пятому окошку и ставит большую часть нажитого за жизнь — пятьдесят пять тысяч пятьсот пятьдесят пять долларов — на Жив Пятерку в пятом забеге.

Ясен пень, лошадь пришла пятой.

Вот почему я никогда не заключаю пари, в котором ясен пень кто победитель, и предпочитаю рисковать: хорошо помогает при депрессии. Не догоню, так хоть согреюсь; раз уж все равно продувать, можно оттянуться напоследок.

Но не успел я достать «маузер» — палец начал давить на крючок, а рефлексы настроились на меткий выстрел и дождь с

ясного потолка, — когда какой-то тип из соседней вереницы просителей решил отобрать у меня главную роль в этой безумной пьесе.

— Это очередь на возврат? — вопросил он дрожащим от страха голосом. — Кто-нибудь скажет мне, где здесь очередь на возврат?

Он был средних лет, с сединой на висках и легкой хрипотцой в голосе, но в целом казался человеком отменного здоровья. Он пробирался вдоль вереницы кающихся грешников, раздвигая стоявших звонкими шлепками мощных ладоней. Клиенты Кредитного союза были просто счастливы подчиниться и Красным морем расступились перед этим недоделанным моисеем, отхлынув в обе стороны, чтобы не поймать шальную шрапнель.

— Вы можете сказать, где очередь на возврат? Я вас вежливо спрашиваю!

Рука сама отправила «маузер» обратно в его заштанную кобуру, и я вместе с остальными вжался в стену, открывая дорогу пулям. Независимо от возраста этого «возвращенца» его жизнь, вернее, то, что когда-то было нормальной человеческой жизнью, подошла к концу.

— Я… я хочу ее вернуть, — заикаясь, лепетал он, переминаясь с ноги на ногу, а спираль спецназа медленно сжималась вокруг него все теснее. — Я пришел… Понимаете, я пропустил несколько платежей… Чем вам меня искать, решил — явлюсь сам, что-нибудь придумаем…

Но бойцы спецподразделения, которых специально учили игнорировать любые поползновения и увертки на территории законных интересов Кредитного союза, продолжали надвигаться, держа клиента на прицеле. Один уже говорил по телефону, вызывая необходимую помощь и подкрепление:

— Мы нашли его. Он здесь, в зале. Встроенный передатчик сработал прекрасно. Пришлите специалиста третьего уровня.

Когда я снова взглянул на скорого экс-клиента, стриптиз уже начался: темно-синяя спортивная куртка распласталась на полу, а сам мужчина торопливо рас-стегивал пояс брюк, одновременно воюя с пуговицей под крахмальным воротником рубашки.

— Я не хочу затруднять вам задачу, — бормотал он. — Представляю, насколько вы устали от неплательщиков… Я знаю, как сложно сейчас вести рентабельный бизнес…

Не опуская ствол, командир отряда медленно пошел к не в меру сознательному неплательщику, вытянув свободную руку и старательно распространяя ауру поддержки и понимания.

— Сэр, прошу вас, успокойтесь, — начал он. — Здесь никто не хочет причинить вам вреда.

Но даже если бы изо рта охранника с керамическими коронками не исходило гнусное вранье, даже поклянись он пальцем не трогать бедолагу, тот уже сел на экспресс к последней станции рассудка.

— Я знаю, сколько вам приходится платить… за возвращение биокредитов, — выдавил он. — Вот и решил помочь вам, парни, думал, что приду на встречу, и мне пойдут навстречу, ха-ха…

— Сэр, прошу вас прекратить…

— Может, если я сам это сделаю… — Он судорожно сбросил брюки, чуть не грохнувшись навзничь, пока выпутывался из второй штанины, и в его руке сверкнул металл, отразив свет галогенок на потолке. — Вы дадите мне отсрочку…

Еще до выстрелов и истерических воплей сразу рассеявшейся толпы, еще до того, как полетели брызги крови, до меня дошел смысл этого цирка.

Сверкнув раз-другой, словно прилаживаясь, финка прорезала воздух и полностью скрылась в плоти — клиент направил оружие в собственное тело, сделав неровный надрез чуть пониже желудка. Хлынула кровь, извергаясь на пол густым темно-красным водопадом. Охрана, наученная сначала стрелять, а потом задавать вопросы, отступила на шаг, чтобы полюбоваться первым актом.

Негромко постанывая через сжатые губы, клиент глубоко погрузил нож в собственные ткани, наверняка задев желудок, но, видимо, мало заботясь о ловкости или точности. В толпе раздался гул, но больше из-за нездорового любопытства, чем отвращения. Я видел, как некоторые родители прикрыли детям глаза, но в основном всеобщее внимание было приковано к представлению.

Шагнув назад — ноги заплетались, словно у пьяного, — мужчина задрал свободную руку повыше, затем, все ускоряясь, повел вниз, очерчивая в воздухе полукруг, словно опуская топор, и сунул ее в новое кровоточащее отверстие на теле. С его губ сорвался громкий стон, резким толчком выплеснулась кровь, но он не остановился ни на секунду. Его шатало и носило по полу Кредитного союза, ноги подергивались в судорожном танце смерти, но неисправный должник что-то схватил, и схватил крепко. На последних каплях сил и воли мужчина сделал рывок.

Запинаясь, он на подгибающихся ногах пошел вперед, держа в вытянутой окровавленной руке «Маршодин РК-14», механическую полнофункциональную поджелудочную железу с автоматической секрецией сока. На титановых соединениях еще трепетали оборванные концы вен и артерий, и бойцы, даже бровью не поведя при виде охотничьего ножа с восьмидюймовым лезвием, настолько испугались клиента, возвращавшего

неоплаченный искорган законному владельцу, что предприняли полномасштабную атаку на человека, которому в любом случае оставалось жить несколько секунд.

Все шестнадцать карабинов выстрелили разом.

Толпу охватила настоящая паника — все побежали к дверям, давя друг друга. Кредитный союз не озаботился разработкой правил укрощения беспорядков в собственных офисах; более того, сотрудникам предлагается не вмешиваться и пускать эксцессы на самотек: вытирание ног о клиентов является залогом прибылей компании на следующем этапе. Не случайно несколько лет назад именно на деньги союза была инициирована попытка добиться исключения оговорки на «пожар в переполненном театре» из первой поправки.

Я пробирался к выходу, замешавшись в это стадо перепуганных овец, но продвигались мы достаточно медленно, и я заметил Фрэнка, спустившегося откуда-то с верхнего этажа в сопровождении специалиста по возврату биокредитов. Третий уровень, как и просили, в черной футболке, на шее татуировка союза с указанием профессии и звания. По-военному короткая стрижка, твердые накачанные мышцы, нарочито мрачный взгляд, жесткое лицо. Узкие, широко расставленные глаза, тупой нос. Раньше быть бы ему обыкновенным уличным бандитом, но на сегодняшнем рынке третий уровень ценился на вес золота, и его обладатель приближался к Мидасу настолько, насколько это по силам смертному. У меня вообще-то пятый уровень, но там было не время и не место строить младших по званию.

Биокредитчик поводил сканером над уже мертвым клиентом и подтвердил, что искорган действительно является собственностью Кредитного союза. Стоявший рядом Фрэнк некоторое время смотрел на изрешеченное тело мужчины, сжимавшего в вытянутой руке еще работающую «Маршодин РК-14», а затем резко повернулся к сгрудившимся охранникам, скривившись от злости.

— Кто проводил изъятие искоргана?! — взревел он, перекрывая гвалт обезумевшей толпы. — Кто изымал поджелудочную, я спрашиваю?

— Дебитор, сэр, — ответил один боец. — Своими руками.

— Дебиторы не изымают неоплаченные органы, — отрезал Фрэнк.

— А этот изъял, сэр. — Стволом карабина спецназовец указал на охотничий нож в руке мертвеца, словно предлагая Фрэнку увидеть очевидное.

Я был уже у дверей, но, выходя, услышал, как Фрэнк с

отвращением сплюнул:

— Совсем оборзели, в натуре! Как хотят, так и вы…ваются!

VI

Несколько слов о моем теперешнем обиталище: «Риц» видели? Совсем не похоже.

Если подробнее, то живу я в выгоревшем остове гостиницы на Тайлер-стрит, в прошлом заведения для бедных и очень бедных, которое и в свою функциональную бытность не могло похвастаться знаменитыми постояльцами, с полным отсутствием стандартных удобств. Здесь есть вестибюль с традиционной висячей люстрой (разбитой), шаткая лестница, ведущая в ветхие коридоры, по шесть санузлов на каждые двадцать четыре так называемых сьюта,[7] два из которых до сих пор работают. Гостиница относилась к разряду евроотелей, то есть, помимо всего прочего, еще и дешевле некуда. Никто из моих знакомых европейцев ни за что не остался бы в такой дыре дольше, чем необходимо, чтобы натянуть респиратор и выбежать обратно на растрескавшийся асфальт парковки.

Длинное узкое помещение с закопченными стенами и треснувшими потолочными балками на первом этаже прежде, видимо, занимало кафе, хотя наверняка сказать сложно при его теперешнем обугленном состоянии. Когда-то в гостинице на Тайлер-стрит было четырнадцать этажей, но тринадцатый они называли четырнадцатым, а четырнадцатый — пентхаусом, поэтому мое проживание на шестом этаже мало что значит, кроме замечательного обзора кирпичной кладки соседнего небоскреба.

Номер у меня площадью добрых семь метров — достаточно места, чтобы передвигаться, делать утренние отжимания, выпады и упражнения для пресса и уютно устроиться на ночь. Стены, когда-то оранжевые с бежевым, потускнели от копоти давно забытого пожара; впрочем, местами все же проглядывает оригинальный цвет, поэтому в целом похоже на бок чудовищного гепарда.

Мой арсенал хранится в развалинах туалета в коридоре, прикрытый сопревшим брезентом, который я нашел в мусорных контейнерах за спортивным магазином на Савуа-стрит. Пистолеты я обернул дважды; вряд ли это обеспечит оружию дополнительную защиту от сырости, но приходится обходиться тем, что есть.

Тот же брезент, который хранит мои единственные средства самообороны, защищает меня и от стихии. Это мой матрас, одеяло и подушка, и иногда, поздно ночью, мне почти удается притвориться, будто я сплю не на жестком холодном полу заброшенной гостиницы, а остановился в неудобном, но

приличном отеле на полупансионе с завтраком. Гарантия моей безопасности — самострел; ночами я держу его в руках, баюкая деревянное ложе, как ребенка.

Печатная машинка стоит ближе к центру комнаты. Пол в середине сгнил, и я боюсь, что однажды вернусь в гостиницу и найду ее тремя этажами ниже, разлетевшуюся вдребезги, а сверху — пробитую в падении кроличью нору в качестве эпитафии. Но близость к центру комнаты на некотором расстоянии от стен обеспечивает некое подобие звукоизоляции от окружающего мира, когда я печатаю эти строки.

Вот мы и подошли к главному: как я уже говорил, гостиница на Тайлер-стрит — выгоревшая, заброшенная, пустая скорлупа, которая служит в данный момент единственной цели — скрыть меня и мои грехи. Вестибюль пуст, номера не заняты, кабина лифта давным-давно лежит на дне шахты. Отель мой, и только мой.

Так я думал вплоть до того вечера.

Из торгового центра я вернулся извилистым серпантином, обрубая все возможные хвосты, которые могли отрасти при моем поспешном уходе оттуда. Шансов, что за мной идут, было мало — большинство спецов по возврату биокредитов не провожают клиента до относительно безопасного убежища — для выполнения заказа им отлично подходит любой переулок, поэтому сохранность всех моих органов, искусственных и естественных, через сто ярдов пути явилась хорошим знаком.

Однако на всякий случай я пересек город, заходя в паркинги, привычно заводя машины без ключа, накоротко замкнув провода, прячась в трубопроводах и ныряя в коллекторные люки при виде блюстителей порядка. Парни в синем не сотрудничают с Кредитным союзом, но, как и остальная часть общества, получают вознаграждение, стукнув куда надо о ходячем мешке неоплаченных искорганов; всегда лучше избегать встреч с копами — целее будешь.

На Тайлер-стрит я добрался уже к полуночи. Усталость давала о себе знать: мышцы казались вялыми, как китайская лапша, и я не рискнул идти обычным путем — вскарабкаться по стене заднего фасада, прыгнуть на пожарную лестницу, войти в гостиницу через окно третьего этажа и подняться в номер шестьсот восемнадцать. Я поступил как любой растяпа-биокредитчик в бегах: поперся через вход.

Основательно испортив себе настроение растущей тревогой насчет возможного хвоста и отсутствия осторожности на входе, я лишь через десять минут заметил лист бумаги, заправленный под

валик моей пишущей машинки. Листок, который я не вставлял.

Я двинулся к машинке. Механическое сердце получило сигнал ускорить перекачку крови. Это был не просто чистый лист бумаги, на котором так и тянет что-нибудь напечатать; он уже содержал послание — не четкими жирными буквами «Кенсингтона», а неистовыми каракулями, с нажимом выведенными красной ручкой. Я резко обернулся; ноги словно налились свинцом, а мир вокруг медленно закружился. Камера внутри моей головы производила панорамную съемку под разными углами, когда зрение сфокусировалось на незнакомом листке со свежей надписью.

Для простоты привожу здесь оригинал этого образца лаконизма. Там было всего одно слово:

Заткнись.

То, что на меня все же вышли и я больше не одинок, не вызвало ожидаемой паники; возможно, мысль о компании, пусть даже пока невидимой, притупила тошнотворный страх, что меня нашли и предлагают уняться самому. Вряд ли сюда наведался специалист по возврату биокредитов: они не оставляют записок, максимум коротенькие пояснения родственникам должника, что к чему. Разумеется, я не настолько разволновался, чтобы последовать столь доходчиво изложенному совету и соблюдать тишину. Если стук клавиш машинки мешает моему новоявленному соседу (или соседке), пусть перебирается в другое заброшенное здание. Даже будь у меня намерение сдаться, записка с коротким грубым предложением подлила масла в огонь под моей задницей, и я печатал всю ночь, изо всех сил ударяя по клавишам, пока костяшки пальцев не свело, а запястья не начало простреливать. Я всегда нарушал прямые приказы.

В первый же вечер за границей, забросив на плечо неподъемные сумки на ремне, мы с Гарольдом Хенненсоном сошли из грузового самолета на итальянскую землю и пробились сквозь толпу солдат к ближайшему наземному транспорту. Я почему-то думал, что у самолетных ангаров нас встретит толпа женщин с цветами, поцелуями и ключами от гостиничных номеров, но все достойные поп-звезды фантазии растворились в воздухе, едва открылись двери и в салон ворвался гул недовольных мужских голосов. Приказы полетели с молниеносной быстротой, и я не понял, какие адресованы мне, какие — Гарольду, а какие — остальным морпехам, бегавшим кругами по бетонной площадке. Пока раскумекал, что к чему, успел промаршировать с тремя разными взводами под бодрый припев «Гимна военной поры».

Командовавший нами лейтенант приказал мне убираться на хрен из аэропорта, но не переходить с бега на шаг, пока не найду взвода, к которому приписан. Но когда я припустил к двойным дверям, а мои получившие назначение соотечественники уже сидели в веренице открытых грузовиков, молодая красавица итальянка с черными как вороново крыло волосами заступила мне путь. Грудь у нее была небольшая, но так упруго натягивала майку без бретелек, что мои ступни будто примагнитились к земле, и я забыл о Соединенных Штатах, вооруженных силах и всяком понятии о сексуальной морали.

— Солдат, — сказала она, старательно выговаривая каждый звук большими пухлыми губами, — ты уезжаешь, чтобы умереть за меня! — И с этими словами буквально упала мне на грудь, крепко обхватила руками за талию и устроила моим гландам долгий, медленный и чувственный массаж языком.

Не знаю, то ли я ожидал демонстрации любвеобильных дам в аэропорту, то ли скучал по Бет, а может, хотел произвести впечатление на женщину своим чувством долга или просто был всегда готовым молодым парнем, застоявшимся в дороге, но я прильнул к этому рту и телу со всей молодой страстью, работая губами и языком в ритме ча-ча-ча. С тех пор видал я эти уличные нежности не скажу где.

Эта тварь стащила мой бумажник.

— Цыгане, — стращал меня Гарольд вечером, когда мы распаковывали сумки. — Ты с ними поосторожнее. Тырят все, что гвоздями не прибито.

— Она показалась мне классной, — защищался я.

— Сейчас она еще лучше, с лишней полусотней баксов в кармане.

Большая часть багажа Гарольда состояла из продуктовых запасов: металлические и стеклянные банки с белковым порошком и специальными энзимами и энергетические батончики с шестью разными добавками (на вкус все как один напоминали опилки). Во время разговора он вынимал это добро по штуке и расставлял под койкой ровными рядами.

— Морская пехота тебя как-нибудь прокормит, — сообщил я Гарольду. — Не обязательно давиться всякой фигней.

Но Гарольд был в своем репертуаре.

— В морской пехоте кормят хорошо, — согласился он. — Если ты смыслом жизни поставил себе стать морпехом.

— Метишь выше? — поинтересовался я.

— Я не хочу быть просто «одним из», — сказал он. — Я хочу быть лучшим.

Чем он в конце концов стал, так это красным пятном на желтовато-сером песке пустыни. Бедный Гарольд! На худой конец он согласился бы стать удобрением для пары кактусов, но взрыв танка начисто снес всю растительность в радиусе нескольких десятков метров.

Снимок попал в газеты под заголовком «Трое убитых на маневрах в Африке», и я уверен, что фотокорреспондент «Звезд и полос» запечатлел и мой левый рукав — я там скорбел по утрате товарища. На фото — выжженная земля с грудой искореженного, бесформенного металла в центре. Несколько солдат молча смотрят на место взрыва, не зная, что предпринять, обалдело переглядываются и пожимают плечами.

А тогда, в Италии, мы с Джейком заканчивали разбирать сумки, когда Гарольд приступил к своей первой порошковой трапезе за день. Шел уже четвертый час, но мы еще не видели командира — он куда-то уехал и, как нам сказали, не вернется до ночи.

В результате отсутствия сержанта наш взвод слегка расслабился по сравнению с привычным военным неврозом, привитым нам курсом боевой подготовки. С солдатскими шутками и солеными прибаутками мы познакомились с другими новобранцами, только-только расправлявшими крылья в условиях начала войны.

Рону Туми исполнилось девятнадцать, родом он оказался из Вайоминга, и была у него сестра — вылитый барельеф с горы Рашмор, не столько даже из-за каменной неподвижности физиономии, сколько из-за обилия растительности на лице.

Папаша Билли Брекстона торговал подержанными машинами в Альбукерке и посулил сыну директорское кресло, как только тот закончит старшие классы. В день получения аттестата папаша обещал передать ключи от офиса, когда Билли оттрубит четыре года в колледже; Билли подчинился. Потом был еще годик до магистра, второй до доктора, а папахен по-прежнему крепко держал бразды правления процветавшего предприятия. Когда за семейным обедом зашла речь о бизнес-школе, Билли спокойно встал, вышел из-за стола, из столовой, из дома, сел в драгоценный папашин «мустанг» шестьдесят четвертого года, разогнался на Мейн-стрит, въехал в будку таксофона, спокойно покинул дымящуюся груду металла, пошел пешком в местную призывную комиссию морской пехоты и подписал контракт. Ему было тридцать четыре — чуть не вдвое старше нас, и служба в армии стала его первой платной работой.

Бен Рознер был щупл, невысок и немногословен, зато его подружка появилась в декабрьском выпуске журнала «Мокрые киски», наделав много шума. Придравшись к тому, что на ней колпак маленького помощника Санта-Клауса, который под Рождество носили продавщицы ее универмага, и больше ни единой нитки на всем двухстраничном развороте, начальство уволило бедняжку, пообещав засудить «Мокрых кисок», но шумиха обеспечила девушке контракт модели для рекламных объявлений о сексе по телефону. Именно на нее вы смотрите, когда на другом конце провода шестидесятитрехлетняя карга пытается довести вас до оргазма. Бен гордо раздавал нам фотографии, как счастливый дедушка — снимки новорожденной внучки. Мы не преминули многократно воспользоваться снимками и прикопали их на будущее, зная, что в Африке долго не увидим женщин.

* * *

Я часто вспоминаю Билла Брекстона, морского пехотинца с докторской степенью — Доктор Морпех, как мы его уважительно называли, — и сказанное им однажды вечером, когда в казарме был потушен свет. Брекстон спал через койку от меня, и поверх храпящего Элиана Ортиса, колумбийца с запущенным апноэ, мы рассуждали о природе космоса и размере груди разных знаменитостей, причем чаще говорили о космосе.

Честно говоря, высказывался в основном Билл: он был чертовски хорошо образован, и хотя я понимал примерно половину из его слов, а запоминал и того меньше, время от времени ему удавалось загрузить меня всерьез и надолго.

— Есть такой ученый, — сообщил он мне однажды ночью. — В Германии или Голландии, не помню… Так вот, он предложил один эксперимент с кошкой.

— Что, давать мохнорылым наркоту или просто резать?

— Нет, — сказал Билл. — Дело совсем не в этом. Тот ученый — физик, он не проводил эксперимент, просто выдал идею.

— И какой от этого прок? — спросил я.

— Это теоретическая физика. Ей не обязательно иметь практическую пользу.

Я ощутил уважение, смешанное с отвращением.

— Неужели за это платят?

— Еще как. В общем, он предложил представить, что ты берешь кошку и сажаешь ее в коробку вместе с радиоактивным веществом, которое произвольно распадается и в процессе

распада выделяет смертельно ядовитый газ. Половину времени газ выделяется, половину — нет, но порядок здесь, повторяю, произвольный, и раз ящик закрыт, ученые не могут узнать, выделился ли яд.

То есть у исследователей нет способа узнать, жива ли кошка в ящике.

— А орать она не будет, что ли?

— Ящик звуконепроницаемый, с толстыми стенками. Так вот, если невозможно убедиться наверняка, жива кошка или нет, до открытия ящика она будет и тем и другим.

— Как это — тем и другим?

— И живой, и мертвой.

— Что, одновременно? — недоверчиво осведомился я.

— Вот именно.

Минуту я переваривал услышанное, пытаясь осознать ответ. Бессмыслица какая-то. Как можно быть мертвым и живым в одно и то же время?

— Это самая хитровые…нная штука на моей памяти, — признался я Брекстону.

— О да, — ответил Билл и замолчал. А я все никак не мог выбросить услышанное из головы. Что-то не давало мне покоя.

— Так что же вышло с кошкой в результате? — не выдержал я, нарушив тишину над рядами коек.

Билл вздохнул, и я услышал, как он заворочался, повернувшись ко мне спиной. Надоело парню метать бисер перед бестолковыми.

— Не было никакой кошки, — сказал он. — В действительности никакой кошки нет. Забудь об этом и спи.

Много воды утекло, а я все вспоминаю Билла с его кошкой в ящике и ломаю голову, где мое место в этом уравнении. Иногда мне нравилось думать, будто я — ядовитый газ, вершу правосудие, как его понимаю, вручаю смерть на тисненых приглашениях. В другие дни я полагал себя ящиком — на мне все держится, без меня кранты эксперименту.

Но сейчас все чаще чувствую себя кошкой, скребущейся, царапающейся, вопящей, старающейся выбраться из ящика, даже когда я вылизываю лапы, сворачиваюсь клубком и погружаюсь в мирную, приятную дремоту.

На базе Джейк Фрейволд угощал нас историями, которых мы не слыхали в тренировочном лагере.

— У нас в Нью-Йорке, — начинал он всякий раз, пытаясь заставить собеседника поверить, что он родом с Манхэттена, а не из городишки «два дома, три сортира», где его семья владела

одной из доживавших свой век частных молочных ферм на северо-востоке США. — Я схлопотал две пули, когда спер тыкву с веранды какого-то типа. Дело было на Хэллоуин. Подбегаю, значит, хватаю эту огромную тыквяру и не останавливаясь жужжу дальше. За спиной — крик, вопли, а я себе улепетываю. Сзади грохот, но со мной все в порядке, только что-то спина зачесалась, мурашки побежали, и тут как накатит боль… Очнулся в больнице, вокруг копы, и битых десять часов я отвечал на вопросы.

— И что ты им сказал? — спросил Гарольд.

— Соврал, — просто ответил Джейк. — Если бы я признался, что унес тыкву, ему бы разве что по рукам нахлопали — защищал свою собственность и все такое. А я сказал — ходил, дескать, по домам в костюме, говорил «Шутка или выкуп», а он в меня пальнул. — Джейк счастливо засмеялся, словно ребенок, вспомнивший свой первый поход в луна-парк. — Мужику дали шесть лет.

За два месяца, что мы были расквартированы в Италии, я почти не слышал итальянского. Местные охотно общались с нами по-английски, а я даже не задумывался почему. Наверняка этому способствовал тот факт, что я в то время грелся на теплой, уютной груди ВВС США.

Даже когда мне удавалось получить увольнительную, на улицах я видел одних морпехов, словно мы уже оккупировали южную часть страны, выбив к чертям макаронников, и заняли их места: вместо повара Джузеппе посадили Тони из Бронкса и решили, что одно другого стоит. Каким-то образом военные умудрились американизировать Италию до того, как я туда попал, так что любые уроки, какие я мог вынести из итальянской культуры, на корню отменило правительство США, из кожи вон лезшее, чтобы и на войне американские парни чувствовали себя как дома.

Впрочем, однажды я все-таки встретил итальянца, умудрившегося остаться аборигеном на родной земле. Это было возле магазина товаров повседневного спроса, типичного сельского универсама в двух шагах от Сан-Диего, единственного на много миль, где продавали не только американские сигареты. В столовой на нашей базе «Винстонов» и «Кэмелов» было хоть закурись, но Джейк принципиально смолил только табачную продукцию той страны, где расквартирован.

— Если уж я мотаюсь по свету, — говаривал он, — то чего ж свои легкие обижать?

Гарольд не мог постигнуть, почему человеку хочется кормить родные легкие ядовитыми смолами, но он вообще многого не

понимал из того, что делал Джейк. В отличие от нас с Фрейволдом Гарольд Хенненсон не стал бы хорошим биокредитчиком: человеку необходим некоторый стаж наплевательского отношения к собственному организму, прежде чем он потеряет уважение к телам других.

Магазин был маленький — шесть прилавков, — и ни одного автомата с охлажденными напитками, зато полки забиты разнообразной мелочевкой, втиснутой плашмя, стоймя и под неожиданным углом, сражавшейся за место в первом ряду, как рокеры на концерте. Единственная касса на шатком столе у дверей с кнопочным флажком «Не договорились» и заедавшим денежным ящиком, который нормально выезжал три раза из десяти.

Скетч, владелец торговой точки, был когда-то морским пехотинцем, ростом шесть футов пять дюймов, весом не больше ста восьмидесяти фунтов и тремя пучками рыжих волос, по странной игре природы сохранившимися на лысом черепе. Он смахивал на птицу из научных журналов, при виде которой зовешь в комнату обкуренных приятелей, и вы часами ржете над охрененным чувством юмора Бога Отца. Скетч прослужил четыре года, в основном на Средиземном море, и единственный выжил при взрыве подводной лодки, унесшем, как сообщалось, жизни девяноста восьми моряков. Кто-то оставил трубу торпедного аппарата открытой и затопленной, что строжайше запрещено при тралении на малых глубинах даже во время маневров. Через два часа, когда условная цель оказалась в пределах выстрела, никто не знал, что в трубу каким-то образом заплыл и застрял дельфин и боеголовка выпущенной торпеды взорвется при контакте, наполнив морские воды мясной кашей из дельфина и людей.

С тех пор Скетч воду даже не пьет.

Несмотря на снисходительно-взрослое отношение к сигаретам, Гарольд охотно отирался в магазине вместе с Джейком и мной, чтобы послушать, как Скетч рассказывает военные байки времен своей службы в ВМФ. Взрыв субмарины отнюдь не был единственной встречей этого дылды со смертью. Однажды он чудом не остался без головы, когда из-за лопнувшего каната двухтонная мачта качнулась прицельно на лысый кумпол; Скетча спасло только то, что он оступился на скользкой палубе и растянулся буквально за секунду до встречи с Создателем. В учебном лагере в Мэриленде его подстрелил ревнивый муж, искренне не веривший, что жене требуется больше любви, чем его законные два раза в месяц по пьяни, а еще через три месяца на

Скетча напал с ножом новый любовник той дамочки, не терпевший конкуренции.

— Скетч, ты вообще в настоящей переделке хоть раз был? — спросил однажды Джейк.

— А эти тебе игрушечные, что ли?

— Нет, я про реальный бой, — уточнил Джейк.

Скетч хохотнул и со звоном пробил пачку сигарет на старой немецкой кассе.

Но вернемся к тому итальянцу по имени Спутини. Раньше магазин принадлежал ему, а Скетч оставил заведению старое название и позволил прежнему хозяину свободно болтаться по его, Скетча, владениям, лежа в старом гамаке, подвешенном на крыльце. Всякий раз, заходя в «Спутини» за сигаретами, мы коротко кивали маленькому старому человечку, глазевшему на нас из гамака как на единственное развлечение за целый день.

Когда мы пришли в третий или четвертый раз, он наконец встрепенулся.

— Твоя голова слишком большая для этой шапки, — сказал он, когда я проходил мимо, и сел, хрустнув суставами.

— Чего-чего?

Он раздельно повторил, выговаривая каждый английский слог с замечательной четкостью:

— Твоя голова… слишком большая… для этой шапки.

Недолго думая, я снял стандартного образца кепку морского пехотинца, кинул ему на колени и пригладил волосы. Секунду он ее внимательно рассматривал — темные пальцы прошлись по оливковой ткани, — затем мотнул за козырек и лихо нацепил себе на голову. Кепка подошла замечательно, и старикан вновь улегся в гамак кемарить.

За утерю обмундирования мне влетело мама не горюй, но это ничего. Зато с того дня Антонио — так звали итальянца — стал моим лучшим другом и часто сообщал, что моя форма мне слишком велика или слишком мала и вообще ему пойдет лучше. Я несколько раз пытался втянуть его в разговор, чтобы понять, что он за человек, почему держится за магазин, который ему больше не принадлежит и скорее всего ничего уже не значит, но ни разу не продвинулся дальше «хеллоу»: старикан сразу заводил свою критику. Скетч рассказал, что купил дело у Антонио за пятьдесят тысяч американских долларов плюс старый цветной телевизор, настроенный на религиозный канал с передачами из Ватикана. Полсотни косых Антонио продул за месяц на севере Испании, неудачно ставя в хай-алай,[8] после чего вернулся в

Италию и открыл магазин стена в стену с прежним универсамчиком. Теперь он целыми днями качается в гамаке, смотрит на папу и болтает с людьми насчет их костюмов.

Такой жизни на пенсии можно позавидовать.

У союза тоже есть пенсионная программа, хотя я и перестал получать свои чеки. Насколько я помню, там все по-честному — с надбавками выходит намного больше, чем у швейцара или бухгалтера. Кожные трансплантаты — например, в случае появления возрастных пигментных пятен — и большинство искорганов можно купить по минимальной цене со склада союза. Проценты по кредиту, как я слышал, очень скромные, не доходят до тридцати, редко — до сорока. Наверное, сердце обошлось бы мне дешевле, накройся оно уже на пенсии, но моторчик перегорел, когда я еще не выработал стаж, и пенсионные льготы не вступили для меня в силу. Возможно, это несколько противоречит понятиям остального населения Земли, но руководство союза никогда особо не морочило себе голову социальными нормами.

В морской пехоте тоже есть отличный пенсионный план, но я зачеркнул любые потенциальные привилегии, когда связался с союзом. Видимо, роль киллера на пенсии можно сыграть лишь однажды.

Давайте я расскажу о нашем лейтенанте. Тирелл Игнаковски, попросту Тиг, квадратный, плотный, тяжелый, отличался короткой стрижкой, длинными руками и чувством такта, искать которое запарился бы и бладхаунд.[9] Если ты делал что-то неправильно, Тиг сообщал тебе об этом на шестистах децибелах в ту же наносекунду, невзирая на лица, случись рядом хоть твоя мать, подружка или фотограф из «Звезд и полос». И даже — особенно — если они были рядом.

Тиг не боялся унижать солдат, чтобы вбить их в идеальный, по его мнению, шаблон. На этом держалась теория Игнаковски о том, что концепция воспитания солдата — анахронизм и в современных вооруженных силах применяться не может.

— Это раньше, когда мы воевали с фрицами, — делился он со мной, — можно было взять новобранца, вытрясти из него чего не надо, приучить к чему надо и нежненько давить, как прессом, пока не получится образцовый солдат.

«Пушечный пластилин у тебя получится, а не солдат».

— Сегодняшних пацанов перевоспитать невозможно, — продолжал Тиг. — К пятнадцати-шестнадцати годам они уже не мягкая глина. Схватились, затвердели, нажим не помогает, это

как с вазой, которая десять раз побывала в обжиговой печи. Они есть то, что они есть. Единственный способ сколотить из них команду — это разбить затвердевшие формы, хорошенько перемешать крошку и склеить россыпь в любую фиговину. Если размолоть достаточно мелко, можно вылепить все, что угодно.

Нижеприведенный отрывок даст вам полное представление об отношении Тига к подчиненным.

Как-то раз в пустыне, после многих дней бесконечных учений, задолго до второй побывки, я в самом паршивом настроении бросал камешки в песок. От Бет я ничего не получал уже несколько недель, а мои письма возвращались из Сан-Диего с пометкой «вернуть отправителю», как в старой песне, от чего на душе становилось еще гаже.

Так я и стоял, бесцельно швыряя камни, нарушая песчаную гладь, представляя, что я в Сан-Диего с моей девушкой на берегу Тихого океана.

Тиг подошел сзади; я его почувствовал. Несмотря на малый рост, он, безусловно, обладал харизмой, внушал уважение и вызывал подсознательное желание повиноваться. У него было прозвище Сержант Лимбургер, потому что всякий за милю чувствовал — идет Игнаковски. Но то был не запах, а ощущение.

Понаблюдав за мной минуту, он констатировал:

— Ты не пытаешься во что-то попасть.

— Нет, сэр, — ответил я. — Просто бросаю камни сэр.

Он осторожно отобрал у меня последний голыш, усадил на теплый песок и, присев на корточки, сказал, пристально глядя мне в лицо:

— Сынок, швырять камни без цели — все равно что портить воздух. Если хочешь подрочить, нарисуй себе картинку. Если хочешь набить морду, найди плохих парней.

Я кивнул, не слишком высоко оценив совет, но понимая, что сержант пытается меня поддержать.

— Спасибо, сэр, — произнес я. — Спасибо, что помогаете мне.

Но Тиг покачал головой, услышав последнюю фразу.

— Ни черта я тебе не помогаю, — сказал он. — Пока ты сюда не попал, я для тебя был никем. Когда уедешь, снова стану пустым местом. Но пока ты здесь, ты мне как сын, и мой отцовский долг — говорить с тобой о вещах, которые самому тебе не постичь. — Он помолчал минуту и добавил: — Понял?

— Нет, — с надеждой ответил я.

Тиг засмеялся и пошел прочь. Через несколько минут я вновь принялся бросать камни.

Сержант оказался прав. Я ни разу не видел его после войны и, несмотря на самое теплое к нему отношение, счел бы неправильным общаться с ним теперь. Тиг был военным и принадлежал войне. Так он жил и иного не хотел; перенести его в другую обстановку было бы равносильно переселению снежного человека в Тихуану.

На второй день в Италии мы промаршировали через плац к низенькому зданию и спустились вниз на три пролета алюминиевой лестницы, шагая в ногу. Лестница ощутимо вибрировала под общим весом сорока пяти парней. Когда спуск закончился, нас разделили на три как бы случайно подобранные группы по пятнадцать человек, вызывая из строя, и развели по трем коридорам.

— Сегодня, — говорил в то утро за завтраком Тиг, — каждого из вас протестируют и посмотрят, кого куда сунуть в Африканской кампании. Вас будут прощупывать, зондировать и оценивать. Кому-то это даже понравится. После тестов вас распределят по родам войск, и соответствующий полигон станет вашим домом на ближайшие восемь недель. Назначение вам может не понравиться. Вы можете быть несогласными с таким назначением. Можете его не понимать. Но тут уж как в столовой — что дали, то и лопай.

Идя за ассистентом по лабиринту одинаковых коридоров и переходов, я думал, что тест станет путевкой в реальный мир: сдавшие поедут домой, а остальных пошлют в Африку. Но вскоре мы подошли к двойной металлической двери в стене, у которой нас ожидала молодая миниатюрная докторша. Кремовая блондинка с хвостиком, очки без оправы, носик-кнопка — в общем, ничего, — встретила нас приветливой улыбкой. Я подумал, не взять ли телефончик, чтобы приударить, когда закончится наш скорбный список, но оказалось, что по окончании теста я меньше всего на свете годился в мартовские коты.

— Заходите по одному, — сказала она моей группе. — Остальным ждать в коридоре.

Номера раздали как попало. Джейк оказался шестым, я — последним. Мы стояли за дверью, прямые как шомпол, стараясь произвести впечатление на цыпочку всякий раз, когда она выглядывала и вызывала следующего. Мне вспомнилась Бет, которая не писала уже месяц.

Через стену донесся приглушенный грохот — с ровными промежутками и нарастающей интенсивностью, словно великан

спустился с горы и грузными шагами приближается к городу. Но через минуту-две, когда мы уже решили дождаться следующего удара и выяснить, что, черт побери, у них там происходит, звуки стихли и докторица пригласила следующего. Все началось по новой.

И только когда Джейк исчез за двойной металлической дверью, я спохватился, что никто из вызванных обратно не вышел.

Если как следует вглядеться в закоулки и потайные щели нашей ежедневной преисподней, можно найти массу мест, работающих по принципу ловушки для тараканов: все заходят, никто не выходит. Кредитный союз тоже не чужд подобному подходу: в офисе есть так называемая розовая дверь оттенка пепто-бисмола,[10] предложенного каким-то выдающимся социальным психологом в те далекие дни, когда они еще утруждали себя внушением клиентам ложного чувства безопасности.

Розовая дверь часто использовалась в качестве последней любезности задолжавшим знаменитостям, которых не хотелось тащить в реальный мир за вывалившиеся кишки. Чем присылать биокредитчика и оставлять кровавое месиво в Беверли-Хиллз на радость папарацци, им с курьером доставляли тисненое приглашение в центральный офис Кредитного союза с тактично сформулированным требованием присутствия негодяя на так называемом арбитражном заседании. Вскоре выходили некрологи и уведомления о погашении кредита, и жизнь шла своим веселым чередом.

Тем не менее в офис клиента сопровождал специально выделенный биокредитчик — на случай, если возникнут осложнения. Однажды мне подфартило проводить в лос-анджелесский офис Кредитного союза Николетту Хаффингтон, наследницу империи программного обеспечения и бывшую актрису. С высоко поднятой головой она уверенно и непринужденно прошла сквозь сборище всякой шушеры, молящей о жизни, и, не замедлив шаг, скрылась за розовой дверью. Николетта уже не была сногсшибательной красавицей, как в юности; неумолимое время и избыток пластических операций взыскали суровую дань с ее увядающей плоти, но Хаффингтон всегда Хаффингтон, платит она за печень или нет, и я не удержался от искушения попросить автограф для Мелинды, моей тогдашней супруги.

— Всего одну строчку. — Я нашарил в кармане ручку и подложил под листок плотное приглашение союза.

Николетта издала свое знаменитое фырканье, смерив меня

взглядом.

— Нельзя ли отложить это на потом, милый? — вздохнула она, красиво отбросив тщательно уложенные волосы.

— Боюсь, что нет, — ответил я, подводя ее к ярко-розовому коврику перед дверью.

Мелинда показывала тот автограф всем и каждому.

Докторица спросила, удобно ли мне сидеть, и я ответил: «Еще как, учитывая обстоятельства». Обложенный мягкими подушками — голова опиралась на толстый подголовник, — я раскорячился в позе лягушки, с развернутыми бедрами и высоко поднятыми локтями, пристегнутый к металлической раме, удерживавшей меня в вертикальном положении и этой невозможной позе. Я чувствовал себя как на одном из первых американских мотоциклов, запрещенных много лет назад, — колени врозь, спина прямая, широко разведенные руки сжимают руль, только вот «харлея» подо мной не было.

— Что нужно делать? — спросил я, когда врачиха затянула последний ремень.

— Ничего, — ответила она. — Внимательно смотрите на стену.

— А куда пошли другие парни?

— Смотрите на стену, пожалуйста. Сосредоточьтесь.

Докторша вернулась в свою лабораторию, маленькую выгородку, отделенную от главного помещения шестифутовым освинцованным стеклом. Полупрозрачная стена была такой толщины, что комната за ней, с изменившимися странными, кривыми пропорциями по краям, суживалась и выгибалась, словно я смотрел через каплю воды.

— Вы не концентрируете внимание, — сказала докторша; ее голос скрипуче прозвучал из динамика, встроенного в подголовник, как раз за моим левым ухом. — Я же вижу данные. Пожалуйста, рядовой. Стена.

Я решил быть хорошим солдатом и слушаться приказов, но когда посмотрел, стены уже не было. Вместо нее передо мной простиралась бесконечная пустыня, бескрайняя бежевая гладь. Остальной кабинет остался прежним — я четко понимал, что в смежном закутке сидит врачиха, блуждая взглядом по моему телу, отвлекшись от бегущей строки с цифровыми данными обо всех моих физических секретах, но стеклянная стена была словно уничтожена опытными подрывниками, беззвучно и аккуратно.

— Вот так, молодец, — услышал я ее голос краешком сознания. — То, что нужно.

Вспышка вдалеке — взрыв над горизонтом. Синее небо озарилось оранжевым всплеском, и очень четкий взрыв — резкий, не приглушенный, как в коридоре, — эхом прокатился по комнате. Заинтригованный, я подался вперед в своих ремнях, пытаясь получше разглядеть, что там происходит в пустыне.

Новая вспышка света, на этот раз ближе, и грохот второго взрыва, отставший на микросекунду; звуковая волна прокатилась по телу. Внутри стало щекотно. Не успел я понять, что случилось, прогремел новый взрыв, на этот раз справа, и я едва метнулся туда взглядом, когда на меня рухнула новая стена низких басовых звуков, сотрясая руки и ноги в ременных путах и заставив дрогнуть мочевой пузырь.

— Подождите, — закричал я, но голос потонул в грохоте взрывов. Я уже не сомневался, что неприятель каким-то образом просочился в наш учебный лагерь, снес к чертям стенку корпуса и сейчас возвращается доделать начатое. Ослепительные вспышки мелькали почти непрерывно, слева и справа, акустическая волна с каждым взрывом докатывалась все ближе и сильнее, и голова то раздувалась, то сплющивалась, как воздушный шарик в руках ребенка.

В какой-то момент я увидел последнюю ракету, которая вот-вот накроет цель. Это, верите ли, было очень красиво — тонкая, словно проведенная карандашом, линия ослепительного света, аркой прочертившая небосвод. Огненный след становился шире по мере приближения ко мне, и даже не будь я фиксирован к шестистам фунтам металла, все равно не успел бы укрыться и спастись. Надвигающаяся смерть не лишена своеобразной красоты, которую способны оценить лишь маленькие дети и олени.

Я увидел вспышку, но взрыва уже не услышал.

VII

В жизни я терял сознание четыре раза. Про первый я только что рассказал, про второй и четвертый говорить еще не готов. Третий обморок случился много позже моего увольнения из морской пехоты, когда я еще проходил обучение в Кредитном союзе. Они прикрепили меня к специалисту третьего уровня, старому дураку, занимавшемуся исключительно изъятиями «Джарвиков» и цепной работой, которая, как известно, вообще не требует помощников. Проблема состояла в том, что ему было лень бегать на задание, в результате чего я очень скоро стал сам себе ученик и инструктор.

Однажды вечером мы получили заказ в районе складов — изъять пару почек у неисправного должника, торговавшего сантехникой. Никаких сложностей, нормальная оплата, вечером по телеку ничего хорошего, так что настроение не испортилось. Стандартные комиссионные — семьдесят процентов наставнику, тридцать мне. Такое разделение доходов меня вполне устраивало — в тот месяц я был между двух очередных браков и прекрасно обходился пастой и солеными крендельками.

Но когда пришла пора в темпе тащить задницы на задание, наставник меня кинул — пошел в кино, напился до остекленения и не явился на работу. Я мог дождаться, пока он протрезвеет, написав заявление о переносе сроков на день-другой, но конкуренция в нашей сфере довольно жесткая, и попробуй я открыть рот, заказ скорее всего уплыл бы к другим. Рассудив, что рано или поздно придется включаться в бизнес и мочить клиентов, а это дело ничем не хуже других, я решил не выступать и управиться собственными силами.

Первым шагом в работе специалиста по возврату биокредитов является составление плана. Каждый охотник желает знать, где сидит клиент, плюс окружающая обстановка, размеры дома, офиса, лачуги, в которой он прячется, наличие рядом других людей, телефона, оружия, могут ли они вызвать вооруженную помощь и тому подобное.

Я решил действовать по правилам. На карте, которую я добыл за взятку у секретаря администрации округа, склад значится размером восемьсот-девятьсот кубических метров — весьма внушительный тайник. Клиент оказался «один дома». Даже без мощного микрофона слышалось, как он возится внутри, но точно определить его местонахождение было трудно. На секунду я задумался, не применить ли альтернативную тактику задержания — у меня при себе имелись пистолет, заряжаемый

стреловидными поражающими элементами, и дальнобойный тазер, — но это менее надежно и в значительной степени зависит от меткости. А вдруг промажу? Первый самостоятельный заказ я решил выполнить образцово-показательно и выбрал эфир.

Включив фирменный карманный лазер-карандаш — выдавали в качестве бонуса при подписании контракта с союзом и оставляли даже тем, кто уходил из дела, — я вырезал маленькое отверстие в стекле над самым полом. Шланг, вентиль, поворот — и балдеж. Три канистры опустели одна задругой, а я терпеливо сидел в темноте, ожидая, пока клиент созреет. В отношении дозировки наркоза нас обучали почти как профессиональных анестезиологов, хотя вы никогда не услышите, чтобы почтенные матроны из какого-нибудь деревенского клуба уговаривали своих дочерей выйти замуж за нашего брата.

Через пятнадцать минут после того, как кончился эфир, я решил — пора войти и завершить дело. Я слышал глухой звук падения тела уже на половине второй канистры, означавший, что клиент лежит готовый к единственной хирургической операции, которой я обучен. У меня с собой был респиратор на случай, если остаток эфира еще не испарился, но я рассудил, что в помещении таких размеров надышаться невозможно.

Рассудил я, как тут же выяснилось, неправильно. Войдя, я с порога увидел, что склад, снаружи такой огромный, внутри поделен на множество офисов, каждый площадью не больше трехсот кубических метров. Я попытался повернуться к выходу — полагаю, в надежде выскочить на улицу одним прыжком, но загустевший, перенасыщенный парами тройной дозы эфира воздух выстрелил мне через ноздри прямо в мозг мощным залпом. Колени подогнулись, плечи обмякли, и я тяжело рухнул на пол, удачно попав на свои ключи. Синяк потом не сходил две недели.

Очнувшись, я увидел разъяренное отечное лицо своего наставника, от которого несло кислым молоком и скверным ромом; он орал, что я едва не упустил клиента и ему пришлось гоняться за говнюком по всему складу и вынимать почки голыми руками.

В Италии же, очнувшись, я увидел ясную фарфоровую красоту, склонившуюся надо мной; халат чуть приоткрылся, белый хлопчатобумажный лифчик почти сливался по цвету с кожей, а рука нежно гладила мой мокрый лоб. Едва не задевая кончик носа, врач обмахивала меня кожаным кошельком, от запаха которого разбежались бы скунсы; но я ощущал лишь тонкий аромат духов от ее шеи.

— Тихо-тихо-тихо, — удержала она меня, когда я попытался сесть. Я лежал на какой-то кровати, уже не пристегнутый. На соседней койке оказался Гарольд Хенненсон. Другие солдаты нашего взвода бродили по комнате, тряся головами и напряженно мигая, каждый в своем, индивидуальном грогги.[11] Только Джейк держался молодцом, перешучиваясь с медсестрами и посмеиваясь над нами.

— Нас что, бомбили? — спросил я у врачихи.

— Никого не бомбили. Ложитесь.

— Это был тест?

— Да, это был тест.

Тут Гарольд сел в своей кровати, подвинулся к краю и наклонился ко мне.

— Тест на контузию, — ровно сказал он. Я видел, как его зрачки метались в глазницах, произвольно меняя направление взгляда. — Хотели посмотреть, держим ли мы удар.

— Ты тоже упал в обморок? — спросил я.

Гарольд кивнул, не поднимая головы. Возможно, от стыда.

— Да, — подтвердил он. — Не очень удачно у меня вышло.

— Вот если бы они попробовали ударить тебя в живот… — начал я.

От этого он немного встрепенулся, и следующие двадцать минут мы пытались прочистить мозги фруктовым соком, пока нам не разрешили встать. Тогда мы принялись бродить по комнате в состоянии полуступора, изо всех сил пытаясь держаться прямо и с достоинством.

Были, конечно, и другие проверки — зрения, слуха, памяти, рефлексов, обоняния, вкуса, — тесты, которые тянулись бесконечно, и те, что заканчивались через пятнадцать секунд. По окончании тестирования всякий раз выдавали лист бумаги с цифрами, непонятными нам, но вызывавшие бурные охи и ахи наших командиров.

Через неделю нас построили и объявили новые назначения и полигоны, где нас будут обучать перед отправкой в Африку. Гарольд стоял через два человека от меня, Джейк — в следующем ряду.

Сержант Игнаковски скорострельной очередью пробежался по списку имен и назначений:

— Бернс — инженерные войска, Карлтон — пехота, Дуброу — пехота…

Нам с Джейком и Гарольдом предстояло водить танк.

Через полгода я наконец осмелился спросить Тига, почему

нас распределили в танковую часть, а не на какую-нибудь менее яркую и более расслабляющую задачу. Мы сидели в палатке в самом сердце африканской пустыни, ожидая приказа возобновить маневры, и пили воду из маленьких вонючих ковшиков, которые никогда не высыхали. Я старался впитать максимум влаги, пытаясь восстановиться после пятнадцати дней на стодесятиградусной жаре. Танки, может, и страшны в бою, но кондиционеры в них не предусмотрены.

— Вы попали в танковые войска, потому что начальство так решило, — сказал сержант. Он только что вернулся из штаба и еще не снял парадной белой формы, в которой подмышки и спина просвечивали сквозь мокрую от пота ткань. Капли пота Ниагарой падали на пол палатки.

— После тех тестов?

— Отчасти.

— А каких именно?

Сержант не стал сластить пилюлю. Он всегда резал правду-матку, не заботясь, понравится ли тебе ответ.

— Ударную волну помнишь? — спросил он. Я кивнул. — Вот после этого. Ты, Фрейволд, Хенненсон показали лучшие результаты, поэтому вас решили определить в танкисты.

Я все еще не понимал.

— Так мы что, не получили контузию?

— Да нет, — сказал Тиг. — Вы все получили контузию, и нехилую. Но вы вышли из реактивного состояния быстрее остальных, сразу начали контролировать свое тело. Видимо, у вас черепа побольше, чем у прочих, вот лишнее давление и отпустило быстрее. Или мозги поменьше. И в том и в другом случае вы и танки просто созданы друг для друга. Все, пора двигать.

Большие черепа и маленькие мозги — вот беспроигрышная тактика, благодаря которой мы и победили в Африканской кампании.

Только что поспал минут тридцать или чуть больше. Остается надеяться, что это скорее признак адаптации организма к обстоятельствам, чем симптом недопустимой расслабленности. Неужели в самых дальних извилинах зародилась мыслишка, будто отдых важнее бдительности?

Ослабление привычной настороженности могло быть вызвано и запиской, найденной вчера в «Кенсингтоне». Чем больше я стараюсь выбросить ее из головы, тем чаще возвращаюсь мыслями к загадочному «Заткнись».

Так коротко. Так безапелляционно. Не могу не думать о тех, кто ее написал, и где они могут быть. И почему они здесь. Отель

на Тайлер-стрит — отличное место, чтобы прятаться, но это мой схрон, и если здесь появились другие жильцы, я хочу с ними познакомиться. Может, я начну брать с них субаренду.

Если вдуматься, по ночам действительно кое-что происходит — изредка внизу хлопает дверь, скрипят половицы, словно кто-то ходит. Но эти звуки можно услышать в любой сгоревшей гостинице, построенной в двадцатом веке. И хотя желудок ухает в неведомые глубины при любом шуме, а руки автоматически хватают скальпели при малейшем треске, я и подумать не мог, что в конце концов шорохи старого дома подействуют на меня успокаивающе. Но я много месяцев был один, и хотя изоляция — обычный удел биокредитчика, всегда умел проковырять в ней дырки.

Я не питаю иллюзий по поводу своих способностей не свихнуться от одиночества. Я пятикратный победитель свадебных турниров; стало быть, существует какая-то причина, по которой не умею долго жить один.

Второй визит к психотерапевту с Кэрол. Тот же самый мозговед, утверждавший, будто у меня большой любовный потенциал, теперь внушает, что во мне гнездится масса глубоко сидящих страхов.

— Вы не забыли, как я зарабатываю на жизнь? — спросил я.

Он вежливо улыбнулся. Еще бы, такое забудешь.

— Но это не исключает тот весьма реальный факт, что у вас множество прочно укоренившихся страхов.

— Например? — хмыкнул я.

— Страх смерти.

— Ну, кто ее не боится… Дальше.

— Провалов в работе.

— А вас это, типа, не беспокоит?

— Одиночества, — сказал психознатец, лукаво подмигнув моей жене.

Это я отмел.

— Доктор, вы хоть знаете, сколько в мире людей? Восемь миллиардов! Даже прокаженный с двумя последними неотвалившимися пальцами не найдет укромного уголка — туда немедленно припрутся еще шестеро с тем же диагнозом. Не боюсь я одиночества! На земле не осталось такого понятия!

Позже я убедился, что это неправда. На девятый год работы в союзе мне достался заказ на изъятие искусственной ЦНС марки «Призрак» у Джеймса Бонасеры, или Ти-Боуна, в прошлом известного музыкального продюсера, выпустившего мои любимые

песни, которые мы с парнями напевали по межтанковой связи, когда заканчивался бой, особенно «Детка на моих руках» в исполнении «Сэмми-бренд трио». Несмотря на нежелание связываться с «Призраком», я чувствовал, что должен лично сказать Бонасере, как фанатею от его музыки, прежде чем вырву центральную нервную систему.

Я не люблю иметь дело с «Призраками». У меня даже лицензии на это нет, хотя настоящий биокредитчик выполняет любую работу, с правами или без. Я могу понять человека, которому нужна модифицированная поджелудочная железа или новые алюминиевые легкие, но когда кто-то изъявляет желание заменить или увеличить вещи настолько абстрактные, как чувства или память, предпочитаю отойти в сторону и отдать заказ «касперам». Не поймите меня превратно — даже кое-кто из моих знакомых пошел на апгрейд,[12] чтобы баловаться с «Призраками», но для этого нужно обладать толикой эмпатии, а я с детства не умею одушевлять неживые предметы.

Но комиссионные были слишком большими, а шанс встретиться с кумиром чересчур заманчивым, чтобы отказаться, поэтому я поехал в пригород, где жил Бонасера. Задрипанные городские улицы и тощие дворняжки вскоре сменились мощеными тротуарами и резвящимися детьми, а в воздухе повеяло запахом дубов и сосен. Начинался листопад, и хотя в городе деревья тоже стояли с красными и желтыми кронами, здесь они казались уместнее — так бутылка красного вина лучше на вкус в итальянской Венеции, чем в городке Венеция штата Калифорния.

Бонасера жил в дорогом особняке площадью двадцать тысяч квадратных футов. Последнее обстоятельство меня обрадовало. Будь дом поменьше, меня посетило бы искушение сразу пустить эфир, исключив возможность напоследок пообщаться с клиентом. Но в такие дворцы я с собой эфира не возил и волей-неволей выбрал персональный подход.

За коваными воротами начиналась аллея длиной в полмили, обсаженная фигурно подстриженными кустами, усыпанными ягодами. Ти-Боун по-прежнему жил на широкую ногу, хотя служба внутреннего налогообложения, тщательно изучив состояние его финансов, осталась в легком недоумении и тут же описала авторские гонорары за дополнительные тиражи последних десяти альбомов, приплюсовав для верности прибыль и от следующих десяти. Распродажа имущества была назначена через неделю после той среды. Дом, мебель, машины — Ти-Боун остался полным банкротом, у него забирали буквально все. Не отстали и мы.

Я нашел Бонасеру в музыкальной студии в восточном крыле дома, в наушниках, с закрытыми глазами, сосредоточенно слушавшего свою стереосистему с сорока треками. Я стоял в дверях добрых десять минут, глядя, как его пальцы летают по микшерному пульту, доводя до совершенства новую песню.

Наконец Ти-Боун выпрямился и снял наушники, аккуратно положив их на пульт.

— Добрый вечер, — произнес он, не повернув головы. Его голос оказался низким и мрачным, словно при барахлящем низкочастотном динамике. — Вы из налоговой?

— Нет.

— Слава Богу, — сказал он. — Эти кровососы все забирают.

— Я тоже, — признался я.

Он кивнул, переваривая новую информацию, и наскоро примирился с теми богами, с которыми счел нужным.

— Понимаю. Можно мне закончить эту песню? Пожалуйста!

Я посмотрел на часы. Оставался еще один заказ, но я мог перенести его на более позднее — или уже раннее — время.

— Конечно, — отступил я на шаг. — Я ваш большой поклонник. «Детка на моих руках»… Потрясающая песня. — Я с трудом удержался, чтобы не погрести клиента под лавиной давно копившегося обожания; это было бы непрофессионально.

Но он живо обернулся, быстро подошел ко мне — сухой, жилистый, дерганый — и за руку потащил к микшеру.

— Вот ты-то мне и поможешь, — сказал продюсер. — Я много месяцев работаю без ассистента.

Я запротестовал, поскольку в жизни не стоял за микшерным пультом, но Ти-Боун отмел возражения, заявив, что это не важно.

— Песня — это множество маленьких отрывков, — сообщил он, — гармонично связанных. Все, что от тебя требуется, — слушать части в составе целого. Если удалось расслышать отдельные фрагменты, хватай их и перемешивай, это улучшит общее впечатление.

Сложись жизнь иначе, я мог бы стать аранжировщиком.

Песня, которую я помогал микшировать в тот день — «Тейлор знает, что к чему» в исполнении оркестра Сьюзен Ланди, — стала посмертным платиновым хитом Ти-Боуна, и хотя мне мало кто верил, я рассказывал в союзе, что помогал с духовыми и виброфоном.

Через два с половиной часа мы закончили; звук получился легким, летящим, а продюсер принял достаточно «кью», чтобы и тяжеловоз копыта отбросил. Он то и дело предлагал мне блестящий красный порошок, всякий раз забывая, что я

решительно отказался десять минут назад. Вынув из него искусственную ЦНС, я не удивился, увидев, что центральный процессор покрыт коркой высохшей спинномозговой жидкости. У подсевших на «кью» это не редкость, и очень жаль, что даже после самой дорогой из имплантаций продюсер не смог перепрограммировать себя и побороть привычку.

Ти-Боун рассказал, что девять месяцев живет один — жена забрала дочек-близнецов и сбежала на виллу на Ямайке; с тех пор он не видел живой души, пока я не вломился в дом, чтобы украсть его мозг, как он выразился. Со звукозаписывающими компаниями, оркестрами и прочим внешним миром он кое-как общался через почтовую службу США — самый медленный из современных способ связи. В результате переговоры шли с черепашьей скоростью и всевозможными недоразумениями из-за трехнедельных сроков доставки корреспонденции, и это сыграло основную роль в окончательном отрыве Бонасеры от реальности. Истинное одиночество, как я узнал в тот день, — это не отсутствие рядом других людей. Это отсутствие оперативной связи с миром.

Хорошие новости: сегодня вечером я ходил в тайский ресторан, то есть без спроса вошел со служебного входа, украл форменную пару и проскользнул в кухню моего любимого заведения, одетый как обслуга. Я сунул под пиджак две порции «Пад-ки-мао» и курицу с карри «Пананг» и, прежде чем кто-нибудь из официантов или поваров заметил, что я не таец и вообще на тайца не похож, улизнул на улицу. Возвращаясь в гостиницу кружным путем и на ходу опустошая контейнер с лапшой, я глазел на небоскребы. Если пристально вглядеться, можно рассмотреть тени даже в неосвещенных окнах офисов и квартир, смутные силуэты, двигавшиеся в темноте.

Вместо того чтобы, как обычно, отправиться в свой номер, я присел на тротуар напротив гостиницы. Бетон был холодным, но нагрелся, пока я уплетал курятину. От огненно-острого карри на лбу выступили крупные капли пота. Я безостановочно обозревал обгорелую высотку, не задерживаясь подолгу на одном месте. Фокус видеть в темноте — без инфракрасного объектива, конечно, — заключается в том, чтобы водить глазами вправо-влево, горизонтально сканируя объект, прежде чем зафиксировать взгляд в какой-то точке. Этот навык мы приобрели в танковых войсках. Кстати, там же нас научили опорожнять кишечник, не присаживаясь на корточки, не издавая звуков и даже не снимая штанов, так что на гражданке свой военный опыт я применяю с купюрами.

Через сорок пять минут сканирования окон и всасывания скользкой лапши я решил отправиться на боковую, но едва отряхнул колени, прикидывая, как незаметнее проскользнуть в отель, резкое движение на верхнем этаже привлекло мое внимание. Я всмотрелся, отвел глаза, вновь уставился в ту же точку и, представьте, разглядел смутный человеческий силуэт, которого не было раньше. Он сразу замер, едва я его заметил, и у меня возникло ощущение, что мы пялимся друг на друга.

Я кинулся в вестибюль гостиницы.

В хорошем темпе пробежав тринадцать этажей, я с разбегу пнул дверь пентхауса. Распахнувшись настежь, она ударилась в стену. Можно было уже не таиться: время слишком позднее, чтобы жильцы соседних домов обратили внимание на шум, а напугать непрошеного гостя я был только рад.

Пентхаус оказался пуст. Из окон от пола до потолка — некоторые целые, другие частью битые — открывался прекрасный вид на центральные трущобы и заманчивые возможности для застройки чуть подальше, но в номере никого не было. Стены покрывала сажа, как и в моей комнате, с той разницей, что здесь под слоем копоти угадывался более нормальный цвет.

Пол, к моему удивлению, оказался чистым, как и прочие горизонтальные поверхности: ржавый металлический столик в центре комнаты был достаточно опрятным, чтобы на нем без отвращения пообедал завзятый микробофоб.

Секунду я раздумывал, не сбегать ли вниз за одним из немногих оставшихся у меня сканеров, например, за инфракрасным, настроенным на тепло тела, но понял, что за то время, которое уйдет на беготню по лестнице, я упущу все остальные следы, и так буквально остывающие.

Поэтому я выбрал старомодный обыск. Пальцами по полу, глазами по стенам. Ищем волосы, обрезки ногтей…

Волокна одежды. У самой двери в футе над плинтусом из стены торчал ржавый гвоздь. Присев на корточки, я, изо всех сил напрягая глаза, вгляделся в крошечную металлическую шляпку.

Бежевая, прозрачная, тянущаяся ткань. Крохотный клочок нейлона. Кто-то пробегал здесь второпях и порвал колготки.

Итак, как я уже сказал, хорошие новости.

Я снова живу с женщиной.

VIII

Танковый полигон находился в десяти милях от базы, на территории бывшего виноградника на побережье Амальфи. Рассказывали, что командование морской пехоты предлагало владельцу приличную сумму за эту землю, но он трижды отказался, хотя цену всякий раз поднимали. Винодел держался кремнем и всегда был вежлив с эмиссарами, приезжавшими с портфелями наличных, однако те уходили ни с чем, унося на спине тяжелый взгляд его верной двустволки.

На следующий сезон этот пожилой джентльмен с тремя детьми, восемью внуками и правнуком увидел, что его урожай пожран невиданным дотоле на итальянской земле виноградным жуком, особым штаммом, резистентным к любым известным пестицидам. Когда подошло время собирать плоды трудов, они составили всего какую-то сотню ящиков вина, тогда как в обычный год насчитывали примерно три тысячи.

Владелец продал виноградник через два месяца за половину изначально предложенной цены.

Но полигон получился отличный: широкий плоский участок обступали горы, в которых мощным эхом отдавался чудовищный грохот тяжелой артиллерии, — почти невозможно установить слежку, разве что со спутника. Мы проводили на полигоне по десять часов, за исключением отработки действий в боевых условиях, когда, бывало, не вылезали из танков по несколько суток.

Сразу по прибытии на полигон Тиг показал мне, Джейку, Гарольду и остальным счастливчикам наши спальные места. Билл Брекстон, чей папаша владел дилерской автомобильной фирмой, тоже был среди нас — его здоровенный череп бросался в глаза даже непосвященным (наверное, остальные все-таки относились ко второй категории — с маленьким мозгом). Здесь же жалась и горстка новичков, которых я встречал на базе.

Вместо стандартных военных коек нам, парням из танковой группы А, поставили кресла управления. Это были копии танковых кресел, хитровыгнутые штуковины с мягкой обивкой, напоминавшие о кошмарном тесте на контузию.

— Вы будете в них спать, — заявил Тиг, на корню пресекая любые комментарии. — И вам это понравится. Обещаю, что через месяц сна в кресле управления на базе и двух лет боевых действий вы ощутите, что другая постель вам просто не подходит. Когда выйдет срок вашей службы и вас вышвырнут в реальный

мир, вам захочется забрать кресло управления с собой. Вы будете лежать на спине и мечтать свернуться в клубок. Руки и ноги начнут непроизвольно подергиваться, и вы станете просыпаться в кухне, уютно устроившись на стуле, уперевшись локтями в стену, а коленями в грудь. Жена не поймет, отчего вы больше не спите с ней. Последуют ссоры, недоразумения, но вы не сдадитесь. Сейчас это покажется смешным, но кресло управления, джентльмены, превратится в ваше знамя.

Я возненавидел этого сукина сына сержанта, говорившего нам такие вещи.

Через два года я ненавидел его еще сильнее, поскольку он оказался прав.

Кстати, о жене и супружеском ложе, которое нам не суждено было разделить вновь.

Письма от Бет приходили все реже. Я говорил себе — это потому, что нас переводят из лагеря в лагерь, итальянская почта известна своей непунктуальностью, а сам я не забрасываю Бет посланиями. Но меня терзали подозрения и мучали сомнения.

Я не питал иллюзий, женившись на шлюхе. Я знал, что она встречается с незнакомыми мужчинами, которые платят ей за право делать неудобосказуемые вещи с ее телом, а для Бет это как рабочий день в офисе, сродни заполнению бухгалтерских ведомостей. Иногда от этой мысли меня мутило — к горлу подступала тошнота до настоящих рвотных спазмов, но большей частью я убеждал себя, что это всего лишь пошире раскинуть ноги — правую сюда, левую туда, — а остальное тело при этом немеет. Бет нужны деньги, а моего армейского денежного довольствия не хватало, чтобы содержать ее, как она привыкла, и позволять всякие роскошества вроде питания каждый день.

Но чем дольше я сидел в кресле управления, скрючившись вертикальным эмбрионом, не имея возможности поерзать, повернуться или почесать задницу, тем все более занимательные сюжеты рисовало воображение: Бет сбежала с очередным клиентом, или бросила свое ремесло и уехала в Арктику, или бесплатно дает «зеленым беретам».

Через неделю я получил короткое письмо — обычные новости о ее родителях, о Сан-Диего, о том, как она посетила уличную ярмарку и купила слоновье ухо, и вспоминала те несколько дней перед свадьбой, когда я обжег язык горячим маслом от жареного пончика — вылитое слоновье ухо, только с сахарной пудрой, и она хохотала, жаль, меня рядом не было и я не видел, но она очень надеется, что я скоро приеду.

От листка, как всегда, пахло духами, но в этот раз запах

показался мне странным. Он вообще не походил на что-то, чем Бет милостиво соглашалась пользоваться. Был грубее, чем ее обычный цикламен по десять долларов флакончик. Мужской одеколон. Откуда на письме одеколон? Неужели другой мужчина, не клиент, стоял за ее спиной, пока она писала, лаская ее груди, впиваясь поцелуями в шею, запуская ей пальцы между ног, вырывая страстные стоны у Бет, выводившей лживые слова своему мужу, воюющему за тридевять земель?

Так проходили мои ночи.

* * *

Утра, напротив, не оставляли времени для мучительных фантазий, заполненные нервным напряжением, которое испытываешь, сидя в танке и глядя на экран радара. Возможно, со стороны это кажется сказочными условиями для любителя грезить наяву, но ровный писк может в любой момент сорваться на истерические ноты, и если ты не выстрелишь по цели, тебе наступит хана в этом самом кресле.

Хана, конечно, в учебном смысле, но в Африке, как нам внушали, придется либо стрелять, либо быть подстреленным. Убийца или жертва, тут уж насколько повезет. Еще одна наскоро состряпанная военными ложь, как я позже узнал. В Африке можно было стрелять или сидеть и смотреть, как неприятель просирает победу, потому что руки у него растут из ж…, но в пластиковых мешках домой отправились только те, кто старательно гневил провидение.

На третий день маневров мы получили короткий, но доходчивый урок. Первые два дня шли занятия, нудные лекции, на которых мы сидели в гражданской одежде, делали записи и старались запомнить наиболее интересные оговорки наших инструкторов. Бумажные самолетики роем носились по классу. Один парень устроил перестрелку жеваной бумагой через трубочку с Биллом Брекстоном, который неумело отплевывался. Все было как в средней школе, но не стоило и ожидать чего-то другого: нам в голову пытались вбить все, от гидродинамики до баллистики, и я бы сильно удивился, если бы в памяти задержалось больше двух-трех битов информации.

Но на третий день нас подпустили к танкам, разделив на тройки, и мы кинулись к ним бегом, словно дети, отпущенные на перемену. На первом практическом занятии нам строго запретили к чему-либо прикасаться.

Мы должны были только посмотреть на оборудование боевой

машины, а не выяснять принцип его работы. Это, как нам сказали, придет со временем.

Я влез внутрь через задний люк, согласно приказу, прополз мимо всяческих приборов и на брюхе добрался до сиденья водителя. Три ночи никуда не годного сна по крайней мере познакомили меня с устройством кресла управления, так что я хотя бы смог по-человечески сесть и приготовиться, прежде чем все произошло.

Раздался грохот, крик, и в воздухе поплыл отчетливый запах дыма. А когда все кончилось, двадцатилетний рядовой, с которым я даже не успел познакомиться, был мертв.

Это оказался тот самый стрелок из трубочки. Задним числом приходит в голову, что вместо того чтобы слушать и запоминать, каких кнопок не трогать, он как раз отправлял очередной жеваный комок салфетки в волосатую руку Билла Брекстона. Не знаю, какого хрена он дернул ту рукоятку и с какой стати ему вообще понадобилось что-то в танке трогать, но, даже узнай я причину, парня уже не вернуть. Ничто не возвратит вас к жизни, если вы дергаете рукоятку катапультирования кресла, не открыв сначала люк над головой.

Пентхаус по-прежнему пуст. Я только что там был, разнюхивал обстановку. Прошло два дня с тех пор, как я снял с гвоздя улику. Два дня я гадаю, кто эта женщина, как она выглядит. Вопросы возникают сами собой — например, скрывается она или кого-то выслеживает и что за фифа носит колготки в заброшенной гостинице?

На полу пентхауса по-прежнему нет пыли, но я все же думаю найти след обуви на половицах и по его размеру определить, оставлен ли он таинственной незнакомкой. Которая незаметно возвращалась. Ненадолго.

Одним из немногих нехирургических инструментов, выданных нам в Кредитном союзе, был детектор движения, полезнейшая штука тысячи и одного применения. С его помощью я делаю все — от ловли животных до кражи газет. Хотя я редко им пользовался, пока не пришлось спасать собственную жизнь — Фрэнк считал, что излишнее упование на технические возможности расслабляет, — но сейчас был просто счастлив устроить практическую проверку и посмотреть, не вспугнем ли мы бродячую тварь.

Внешне детектор движения — это квадрат со стороной полдюйма и по существу невидимым световым лучом, исходящим из одной грани. Я говорю «по существу невидимым», потому что его можно обнаружить несколькими способами, например,

выпустив в воздух струю дыма. Мой приятель в Кредитном союзе погиб из-за того, что клиент заметил луч детектора движения благодаря своей поганой привычке курить сигары; этот неплатежеспособный гад тут же нацепил маску и отключил свой датчик, а когда специалист по возврату биокредитов наполнил дом эфиром и, ничего не подозревая, вошел, ему на затылок опустилась электрогитара «Фендер» 1959 года, изготовленная в ту эпоху, когда никто еще не слышал о легкомысленном рок-н-ролле.

Но вряд ли незваная гостья из пентхауса курит, а коли и так, это ей не поможет: я буду держать прибор низко, на уровне колен, и если она не лепрекон[13] или не танцует без перерыва лимбо,[14] дистанционный датчик в моем заднем левом кармане должен скоро подать сигнал.

А покамест я сплю с пистолетами в обеих руках.

* * *

Мэри-Эллен, моя вторая жена, терпеть не могла пистолеты, как, впрочем, и любое другое оружие, и хотя ее папаша был пехотным полковником и имел награды, нам запрещалось говорить обо всем военном за коктейлями, обедом и десертом. Если мы с ее отцом хотели обсудить «науку ненавидеть» — так называла военное дело моя любящая женушка, — нам приходилось выходить на крыльцо в холодный зимний воздух — наш брак не дожил до летнего тепла — и согреваться трубкой с дешевым табаком.

Когда мы познакомились, я третий год работал в отделе по возврату биокредитов и все еще переживал из-за развода четырехлетней давности. Я укладывал в койку всех женщин, с которыми знакомился, бороздя их племя, как дельфин волны, из чувства мести, чтобы сделать шлюху из каждой, но так и не нашел мою Бет. С Мэри-Эллен я познакомился однажды после работы. Знай она, где я был часом раньше, — не только не вышла бы за меня замуж, но выбежала бы из кафе, визжа, как шимпанзе.

Сонни Депримо был сыном Гарри Депримо, двоюродного брата Сонни Эбейта, главы второго по величине семейного гангстерского клана в Чикаго, и меня это не касалось. Но Сонни Депримо оказался никуда не годным гангстером, и родня, пустив в ход все связи, устроила его в Кредитный союз. В качестве специалиста по возврату биокредитов он оказался еще бесталаннее, чем гангстер, только с более серьезными

последствиями. Не иначе как по старой памяти, Сонни кромсал клиентов, не в силах усвоить, что ненужная кровища и ошметки плоти только затрудняют и без того нелегкую работу и делают союзу плохую рекламу, когда ему остро требовалась хорошая репутация. Пустил эфир, взял то, за чем пришел, и отвалил. Все.

Как нарочно, наставником Сонни стал не кто иной, как Тони Парк, который уже тогда неплохо зарабатывал на жизнь, блестяще отнимая чужие. Все худшие привычки Сонни расцвели пышным цветом под крылышком Тони, и вскоре он взял моду избивать клиентов, прежде чем изъять неоплаченный товар, и устраивать прилюдные экстракции, что не способствовало ни имиджу союза, ни его собственному. Последней каплей стало данное ему деликатное поручение забрать поджелудочную железу «Клондайк Р-14» у больной дочери одного из бывших мэров Чикаго, пользовавшегося заслуженной любовью в штате Иллинойс и за его пределами. Клиентка стояла уже одной ногой в могиле и готовилась опустить туда вторую недели через три-четыре; ее долг союзу был, безусловно, велик и неоплачен, но это вышло из-за общей стоимости лечения и нескольких поданных исков против волков из СМИ, которые иначе поживились бы добрым именем ее отца. Словом, простое изъятие без всякого шума стало бы самым мудрым выходом из ситуации, но в тот вечер дежурил Сонни-биоспец.

Он выволок ее из больницы, тридцать минут вез поездом по железнодорожной эстакаде, всю дорогу осыпая непристойностями, притащил к офису Кредитного союза и вырезал «Клондайк» не утвержденной к использованию финкой, оставив дочь мэра умирать в шести футах от входной двери на глазах шокированных потенциальных покупателей.

Союз остался недоволен Сонни. Мне поручили воззвать к его разуму.

Через час я вошел в закусочную на Федеральном шоссе в пропитанной кровью рубашке, прикрытой курткой, и познакомился с девицей, ставшей вскоре моей второй экс-супругой.

* * *

— Вы будете это доедать? — спросил я у нее. Девица не притронулась к половине своего сандвича с тунцом, а только что затраченные усилия разбудили во мне волчий голод. Лоскут кожи с шеи Сонни Депримо, аккуратно сложенный вчетверо, лежал в кармане куртки: союз хотел получить свою вытатуированную

эмблему назад. — Впервые вижу, чтобы так нянчились с сандвичем.

— А у меня незнакомые люди еще никогда не просили мою еду.

— Значит, нам обоим это в новинку, — заключил я, успев оценить девицу как легкую добычу. Она отличалась от моего обычного типа подзаборных дешевок, которых я водил домой: было в ней что-то от матери-земли, хотя, возможно, я ошибочно приписал ее характеру качества, ожидаемые от тела. В любом случае девушка определенно годилась для разового кувыркания в койке.

Не дожидаясь ответа, я схватил сандвич с тунцом с ее тарелки и сжевал его, не опуская глаз, и даже не вздрогнул, когда она отвесила мне полновесную пощечину. Так началась наша новая совместная жизнь: один крадет, другой дает по морде.

Жаль, что я не ощутил в той помордасине руку провидения.

Как правило, я приходил домой в два или три часа ночи, а Мэри-Эллен ждала меня, по-турецки сидя на кровати, в гротескном супружеском ложе с балдахином на четырех столбиках, которое она любезно принесла с собой в качестве приданого вместе с лампами, гардеробом и мыльницами на бронзовых ножках. Моя жизнь видоизменилась — по крайней мере стала не такой, как я предполагал, но я готов был прикинуться ветошью рядом с антикварной рухлядью, лишь бы второй брак оказался удачнее первого.

Ссоры начались не сами собой. К тому времени, когда я доползал до двери своей квартиры, выжатый после тяжелой ночной работы, мне хотелось одного из двух: секса или спать. Иногда и то и другое, порой сначала одно, потом второе. А Мэри-Эллен, несмотря на открытую неприязнь к моей карьере, вечно пробивало на вопросы.

— Кто на этот раз? — приставала она. — Где он жил? Какой орган ты забрал? Человек сопротивлялся? Ты плакал?

Последнее она спрашивала каждый раз, и я всегда отвечал отрицательно. Теперь мне кажется, она надеялась — однажды я признаюсь, что содрогался от рыданий, и она сможет давить на это, как на рычаг, чтобы поддеть и вытащить меня из Кредитного союза. Такого ни разу не случилось, но супруга не теряла надежды.

С каждым заданным вопросом я становился все тише, пока жена не взрывалась в полную силу, а я сидел в мягком кресле, закрыв глаза и подтянув ноги к груди — самая привычная и удобная после армии поза. Зайди к нам кто-нибудь, решили бы,

что Мэри-Эллен вопит над трупом.

Возможно, это тоже был намек свыше.

Живущие в соседних домах дети снова играют внизу на улице, прыгают через скакалку и что-то напевают. На этот раз мотив и слова другие:

Скажи маме, скажи сыну —
На закате в домовину.
Весь в морщинах, старый дед
На карачках на тот свет!

Нет здесь никаких старых дедов, хотелось мне рявкнуть на мелочь внизу. Старики все перемерли от сердечных болезней. А если и откопаете какого-нибудь старикана, у него наверняка уже искусственные суставы, так что полегче насчет карачек…

Я не знаю ни единого человека, умершего бы от старости, разве что вы рассчитываете оттрубить аредовы веки и дождаться, пока вас добьют из жалости. Мой отец скончался от аневризмы крупного сосуда мозга, когда я служил второй год, а через восемь лет и мама приказала долго жить — совсем еще молодая женщина, она слишком боялась одиночества. Вот интересно, в кого я такой смелый?

Гарольд Хенненсон наверняка не дожил бы до старости, как и тот меткий стрелок жеваной бумагой. «Катапультировал себя прямо в крышу танка, — сказали другие солдаты из его экипажа, — буквально с ходу плюхнулся в кресло управления, слишком сильно потянул какой-то рычаг и через секунду сидел с мясным фаршем выше шеи». Дым, который я учуял, шел из пиропатрона, подкидывавшего кресло вверх со скоростью свыше ста миль в час. Естественно, наш камикадзе ничего такого не набрал, просто до закрытого люка было всего три фута.

После практических занятий нам дали четыре часа на траур, которые мы в основном просидели в креслах управления, глядя в пространство и пытаясь сообразить, за какой же рычаг потянул тот идиот, обещая себе никогда, ну просто до скончания времен не делать ничего настолько идиотически глупого. К нам заходил капеллан утешить нас в час нашей скорби, предложив сопроводить его в часовню для проведения наставнической беседы. Мы подняли его на смех и прогнали прочь. Неплохой, кстати, был человек, просто в вооруженных силах мало проку от утешений. Когда мы подписывали контракт, каждый отдавал себе отчет в том, что служба в армии сопряжена с опасностью для

жизни, и потеря рядового, никому из нас толком не известного и на поверку оказавшегося таким кретином, не поселила растерянность в душах парней нашего взвода.

Мне нравится думать, что, если бы я катапультировался по ту сторону добра и зла, к капеллану потянулись бы десятки моих безутешных друзей, ищущих его общества и утешения, и длилось бы это не одну неделю, но в глубине души я знаю, что даже отец Макгиган[15] проделал свой долгий обратный путь в полном одиночестве.

Этот инцидент и встреча Грега Кашекиана, перса американского розлива со своим мусульманским Создателем или кто там у них, — явления одного порядка. Отличная байка для досужих сплетен, но я слышал эту историю от Тига Игнаковски, а у меня нет и не было причин сомневаться хоть в одном его слове, поэтому привожу рассказ сержанта почти дословно.

Мы уже были в Африке. Закончилось наше первое настоящее сражение. При шестерых раненых и двух убитых с нашей стороны мы устроили истинную бойню в стане неприятеля — такие огромные потери в живой силе мне доводилось видеть только в документальных фильмах.

Мыс Джейком лично несем ответственность по крайней мере за восемьдесят двух уничтоженных противников. Я знаю точно: при каждом удачном попадании Джейк испускал кошачий вопль и отмечал убитых на стене танка, ставя галочку несмываемым маркером, который он купил в Италии специально для этой цели. Команда из нас сложилась отменная: я вел танк, Джейк стрелял, вот так мы и оставили свой след в пустыне.

К утру бой закончился. Ликуя, мы вскоре упились за победу. Тиг не являлся поклонником неумеренных возлияний, но понимал, что солдаты сбрасывают напряжение разными способами, поэтому с легким сердцем позволил нам надраться до изумления, а сам сидел в уголке и посасывал бутылку с минералкой.

Гарольд, которому до смерти оставалось сорок два дня, естественно, этого не знал и был в тот день оживлен, как никогда. Командир экипажа, он гнал свой танк на полной скорости впереди головного отряда, не отрываясь от перископа и увлекая за собой остальных. Гарольд первым заметил странные точки на горизонте, и к тому времени, когда наши танки поднялись на гребень песчаной дюны, парень из Бронкса и его команда истребили два неприятельских батальона парой управляемых ракет и уже неслись к следующей сотне достоверно установленных потерь живой силы противника.

Мы веселились. Поднимали тосты. Распевали песни о нашем

мужестве и мужской силе. Мы были викингами и грабили и пьянствовали.

Тиг вышел из палатки отлить. Я отправился следом.

— Охренительная победа! — помню, сказал я. И пока мочился, песок под ногами расступался, словно ускользая, — либо от ветра, либо от запаха виски.

— Хороший был день, — хлопнул меня по спине Тиг.

— Да мы же их в порошок стерли! У них минимум двести пятьдесят восемь убитыми!

— Забудь о цифрах. Утром проснулся, вечером лег, значит, день задался.

В последние месяцы я целиком проникся философией Тига.

* * *

Потом разговор свернул на родные города и тому подобные семьи, и когда я сказал Тигу, откуда родом, глаза сержанта сощурились в узкие щелочки. Я сразу понял — название ему знакомо. Это было более чем странно, поскольку даже жители соседних городков за три-четыре поселка от нашего никогда о нем не слышали.

— И Кашекиана знаешь? — спросил Тиг.

— Как же, Грег, Тилли, знаю, конечно.

И тогда сержант рассказал мне, как этот гнойный пидор погиб на самом деле.

Грег Кашекиан пришел в армию примерно таким же, как закончил старшую школу, — выдающимся козлом с большим самомнением, но теперь у него появились оружие и форма, а вместе с ними и новый способ козырнуть своими габаритами и силой. Как и я, он поступил в морскую пехоту и так же, одним из лучших, прошел тест на контузию. Большие черепа с маленькими мозгами в нашем городке встречались чаще, чем в среднем по стране; не иначе в воде у нас что-то этакое.

Тиг сказал, что с первого дня Грег очаровал остальных парней своего взвода убогим остроумием и буграми мышц. Все вдруг стали его записными приятелями, всегда готовыми послушать истории о матчах, в которых он победил, и девицах, которых трахнул, и Тигу пришлось потратить немало времени и сил, чтобы вернуть подчиненных на грешную землю к неотложным боевым задачам, выбив из головы мысли о футболе и бабах. Тигу с первого взгляда не понравился мой бывший сосед, хотя долг обязывал сержанта относиться к Кашекиану как к любому новобранцу.

Наш перс-американо выказал себя с наилучшей стороны еще и в роли танкиста-стрелка, способного определить цель на невероятном расстоянии. Курс боевой подготовки Грег Кашекиан закончил с самыми высокими оценками, которые когда-либо ставили рядовому на этой базе, и званием капрала в кармане — обещали присвоить сразу по окончании первого срока в Африке.

Если я правильно помню, мамаша Кашекиан получила сертификат о посмертном присвоении звания капрала своему сыну вместе с его пеплом.

— В Африке тогда было потише, — рассказывал мне Тиг тем вечером. — Они еще не применили биологическое оружие, а мы не забросали их зажигательными бомбами. В Найроби обстановка оставалась стабильной: ни одного настоящего боя — все больше маневры, иногда легкая разведка. Танки ползали по пустыне, но оружие было на предохранителях; за две недели мы не причинили противнику ни малейшего урона. Восемнадцать дней без единой стычки, неприятеля и в глаза не видно, и парни перевозбудились. Какой-то друг приятеля одного из сержантов-снабженцев втихаря провез порножурналы; Кашекиан вообразил себя Санта-Клаусом, скупил всю партию и раздарил друзьям.

Посреди ночи мы объявили учебную тревогу. Взвод повскакивал с коек и прыгнул в танки, чтобы в темпе ползти по песку на разведбазу, которая у нас была в двадцати километрах к югу от лагеря. Я сел в полугусеничный вездеход и сопровождал группу, наблюдая за ходом учений и делая записи для командира части, отдавшего приказ о ночной учебной тревоге.

На полпути я услышал этот звук. Поднял голову и увидел белый шлейф инверсионного следа, взрезавший воздух, как пирог, — из ближайшего танка высоко вылетело кресло управления. Я видел, как оно зависло в воздухе на долю секунды и сорвалось вниз, словно подстреленный на лету воробей, с размаху шмякнувшись на твердый песок — чертов парашют не раскрылся.

Я — газ в пол, выкрутил руль, через пять секунд подлетел к бесформенной металлической глыбе на песке, а в голове крутилось: танки, катапульты под сиденьями, механические неисправности, недели муторного дознания и объяснений в ходе неминуемого следствия, быть мне в бумажках по самые яйца… Но, подъехав, я увидел, что этот Богом проклятый урод Кашекиан, изломанный и окровавленный, сидит в искореженном кресле управления, штаны на щиколотках, трусы на коленях, в одной руке намертво зажат журнальчик типа «Мокрые киски», в другой — собственный хрен. Может, он и помер, но морда у сукина сына

была счастливая.

Мораль: легендарные волосы на ладонях, ребята, могут оказаться самой пустяковой из ваших проблем.

Неофициальное расследование пришло к выводу, что Грег Кашекиан, университетский король, отец незаконнорожденного сына и американский патриот, использовал свои руки не по назначению и излишне резкий рывок при мастурбации со свистом послал его в небо навстречу судьбе. Официальное расследование, напротив, причиной несчастного случая назвало случайный отказ оборудования и проинформировало все заинтересованные стороны, что военные специалисты уже занимаются этой проблемой. Сообщение родственникам и знакомым, что их надежный, как скала, защитник оказался таким говном, дало бы пишу нежелательным толкам, поэтому дело уладилось и затихло быстро и хорошо.

Не могу сказать, что меня опечалила смерть Грега Кашекиана, но я не радуюсь его гибели или тому, как он умер. Поступать так означало бы не уважать всех служащих в вооруженных силах, и, несмотря на личную неприязнь к отдельному представителю ВС, я не стану стричь кувшинноголовых[16] под одну гребенку, лишь бы позлорадствовать по поводу перса, получившего повышение (правда, не такое, как надеялся).

По возвращении из Африки я сходил к нему на могилу и, увидев на надгробии поставленные кем-то банку вазелина и журнал «Мокрые киски», остро пожалел, что это сделал не я.

Кстати, о чтении: сегодня утром мне удалось тиснуть несколько книг из библиотеки, которые могут оказаться небесполезными в поисках второго обитателя гостиницы. «Отлов и выживание» Джеймса Маккуарри, которую я цапнул со стеллажа, отлично соответствовала теме: в названии сочетались две концепции, в настоящее время подчинившие мою жизнь. К сожалению, это произведение начала двадцатого века скорее тянуло на поваренную книгу белки, чем имело отношение к моей ситуации. В самом крайнем случае сойдет на закуску, если я когда-нибудь решусь развести огонь.

Еще у меня есть «Приключения швейцарской семьи Робинзонов». Это скорее развлекательное чтиво, не содержащее ценных для меня сведений, хотя, кажется, я помню один отрывок еще со школы.

Невероятно. Поразительно. И снова невероятно.

Час назад, когда я печатал последний абзац о семье Робинзонов, дистанционный датчик движения в моем заднем кармане завибрировал. Сначала я резко обернулся, решив, что какой-то бродячий пес проник в отель с Тайлер-стрит и приготовился попировать моей задницей, но тут же вспомнил, что означает это жужжание. Я вскочил на ноги и кинулся в коридор, по пути схватив «маузер» для обороны на расстоянии и удавку на случай рукопашной.

Припустив вверх по лестнице как можно тише, я перемахивал через три-четыре ступеньки. Поднявшись к пентхаусу, я уже задыхался — последние несколько месяцев наложили отпечаток на то, что когда-то было швейцарскими часами среди сердечно-сосудистых систем, — но мое прецизионное сердце по-прежнему функционировало, как обещали в рекламных буклетах. Я ступил на пол коридора верхнего этажа и взялся за ручку двери, ведущей в пентхаус, понимая, что с другой стороны может оказаться кто угодно — от садовой мыши до взвода спецов отдела по возврату биокредитов, явившихся, чтобы связать меня, вырвать сердце и отправить мои развороченные останки в ближайшую общую могилу для нищих. Внезапно я засомневался, вибрировал ли датчик вообще или мне показалось.

Выставив «маузер» вперед, я тронул кнопку предохранителя и с силой пнул дверь.

Из пяти моих жен четверо были болтушками — крупного калибра, на золотую медаль, все и каждая. Языки мели как метлы, когда обладательницы пребывали в хорошем настроении. Единственной молчуньей являлась моя третья бывшенькая, Мелинда; такой она и осталась до самого конца.

Не то чтобы болтовня не давала моим бракам рассыпаться, как хлебные крошки, но мне кажется, вербальный спарринг между мной и бывшими супругами добавлял немного перца в то, что иначе превратилось бы в пресный домашний уют. Я знаю, почти каждый брак заканчивается ворохом бумаг на развод, которые находишь в почтовом ящике, но начинались все мои союзы с пространных разговоров:

Бет: после секса — одного оплаченного и двух халявных.

Мэри-Эллен: после того как я тиснул ее сандвич с тунцом, а она влепила мне пощечину.

Мелинда: до того как я вломился в дом для престарелых, где она работала, и изъял «Джарвик-11» у ее любимой пациентки.

Кэрол: пока мы искали выход из горящего ресторана.

Венди: на кладбище, после похорон ее отца.

А теперь, раз уж зашла речь о великих разговорчивых женщинах в моей жизни, пора прибавить к списку еще одну.

Бонни: пока мы любовно держали друг друга на мушке.

IX

За стволом «маузера» я разглядел, что она стоит посреди сьюта, ноги на ширине плеч, правая рука вытянута вперед, левая поддерживает старый шестизарядный пистолет, стиснутый в пальцах, ствол идеально неподвижен. Тугой узел сияющих светлых волос на затылке окружает голову кудрявым ореолом, случайная прядь свисает на глаза, заставляя обладательницу то и дело отдувать ее, чтобы не мешала видеть. Поднятый воротник шерстяного коричневого жакета прикрывает длинную шею до линии подбородка — волевого, надо отдать должное. Удлиненное лицо с мягкими чертами и четкими скулами, странно знакомое, но, хоть убей, не знаю откуда. Синие джинсы обтягивают бедра и расширяются книзу.

— Вы в моей гостинице, — просто сказал я, делая шаг в комнату.

Она со щелчком взвела курок и сообщила:

— Уже четыре месяца. — Хотя голос был звучным и плавным, но показался мне чересчур резким. Неестественным. — А вы?

— Пять месяцев.

Я жил здесь около шестидесяти дней.

— Лжете.

— Вы тоже.

Мы по-прежнему держали друг друга на мушке. Моя рука, не привыкшая так долго целиться, начала уставать; трицепс мелко задрожал. Я не мог понять, как моей противнице удается держать свою машинку столь неподвижно.

Женщина смерила меня взглядом — не просто смерила, а обшарила, задержавшись в паху и на груди; с неожиданной для себя неловкостью я впервые понял, из-за чего возмущаются феминистки. Наконец ее взгляд остановился на моей шее. На татуировке. Нельзя не заметить, невозможно не узнать. Но если реакция большинства людей — это шок, страх, злость, она просто сказала:

— Похоже, ей много лет.

— Угадали.

— По-прежнему работаете?

— Там — уже нет.

Она кивнула:

— Я так и подумала.

Снова что-то странное прозвучало в ее голосе. Не в тоне, а в том, как она произносила слова. Отчетливо и правильно — даже слишком.

Выждав еще немного, я пошел по комнате, не отводя «маузера» и держа палец на крючке. С каждой секундой рука уставала все сильнее, и приходилось напрягать силы, чтобы держать пистолет ровно.

— Слушайте, — заговорил я. — Все это начинает утомлять…

— Если устали, можете опустить свой пистолет.

— И тогда?..

— Тогда я, наверное, застрелю вас, — сказала она. — А может, и нет.

Я поднял ствол выше и сообщил:

— Я здесь не для того, чтобы вас убивать.

— Какое облегчение.

Тринадцатью этажами ниже на углу улицы образовался затор, машины наперебой сигналили; жуткая какофония поднималась до пентхауса, обеспечивая сцене звуковой фон. Скорее всего авария, три машины столкнулись посреди дороги. Судя по сирене, к перекрестку пробивалась «скорая помощь».

— Много искорганов украли? — спросила она, сделав несколько шагов в моем направлении. Двигалась она уверенно, но странно жестко.

— В жизни не украл ни единого.

— Я почитала вашу рукопись, — сообщила она. «Джарвик» подпрыгнул и забился сильнее. Я-то надеялся, что она просто зашла в мою комнату, написала записку и вышла. Рыться в моих вещах! А еще приличная женщина! — Узнала, что вы здесь делаете и чем занимались раньше. Распинаетесь, выставляете себя этаким мучеником…

— Я просто описывал, как все произошло.

— Нет такого закона — писать мемуары, прежде чем сыграть в ящик, — произнесла она. При очередном ее шаге я отчетливо услышал знакомое похрустывание коленного сустава.

— Зато есть законы о нелегитимном владении оружием, где сказано, что сейчас мы стволы опустим.

Она надула полные губы и снова посмотрела на мой «маузер».

— Сначала вы.

Я кивнул.

— Если назоветесь.

— Бонни, — сказала она после паузы. — Надеюсь, это вас устроит?

Меня это устроило как нельзя лучше. Я опустил пистолет, в свою очередь представился, и мы продолжили общение.

Строго говоря, Бонни прожила в гостинице на Тайлер-стрит

чуть меньше пяти месяцев, и пентхаус был лишь одним из ее убежищ за этот период. Впервые заглянув в отель, она нашла двухкомнатный номер на девятом этаже, почти не пострадавший от огня, как ей показалось, но однажды, вернувшись из булочной, Бонни увидела, что половину вещей в большой комнате придется откапывать из-под груды гипсовых обломков. Она переезжала из номера в номер на разных этажах, и ни один не обеспечивал ей достаточного уединения: комнаты оказывались слишком близко к улице, где выгорела наружная изоляция, раскаляясь днем, сильно остывая ночью и отлично пропуская малейшие звуки.

— Но здесь мне нравится, — сказала она мне, когда мы разобрались с оружием и уселись лицом друг к другу на пол пентхауса. Она опустилась изящно, но с какой-то привычной опаской, словно была сделана из тяжелого фарфора и боялась отколоть края. — Я могу шуметь, не опасаясь, что меня услышат прохожие или другие постояльцы… Ну, вы еще не самый худший вариант.

Бонни говорила в основном о себе, ухитряясь не открыть практически ничего личного, с беззаботной непринужденностью, привлекавшей меня в других женщинах моей жизни. Пустившись рассказывать, она не заботилась о паузах, не дожидалась моего ответа, не спрашивала, не надоела ли своей болтовней, не отключился ли я ненароком и интересно ли мне слушать. И все же она не просто чесала язык, общалась с явным удовольствием, и хотя виной тому скорее всего были месяцы невольной изоляции, это тем не менее льстило самолюбию.

Мы проговорили часа два о внешнем мире, о частых авариях на перекрестке внизу, о том, что отель разваливается на глазах, о фильмах, музыке, искусстве и друзьях — о чем угодно, лишь бы не о себе, а потом я извинился и пошел в работающий туалет. Вернувшись в пентхаус, я обнаружил, что Бонни исчезла.

У меня слабость к женщинам, которые исчезают. Чем больше они меня сторонятся, тем сильнее я хочу их возвращения и взволнован перспективой увидеть. Мой идеал — цыганка из бродячего цирка, без дома и роду-племени, которая обожает исчезать в бархатном ящике фокусника, дилетантски имитируя собственную смерть, и по меньшей мере трижды арестовывалась за подделку удостоверения личности, однако всякий раз каким-то чудом сбегала из тюрем строгого режима, куда ее сажали.

Наверное, можно поместить это описание в раздел частных объявлений, но, боюсь, столь идеальная женщина никогда не придет ко мне на свидание.

У Бет тоже была привычка исчезать, но тогда, по каким бы увеселениям она ни порхала, мое молодое воображение сразу рисовало фантастические картины. Если она упоминала в письме, что едет на уик-энд в Тихуану, я немедленно представлял ее на местном ослином шоу[17] — как она тянет к себе на эстраду десяток парней по сто песо за палку. Если она писала, что собирается навестить мамочку, у меня немедленно возникала уверенность, что «мамочка» — кодовое обозначение нового бойфренда, и несколько дней для меня Бет не болтала с подружками и не бегала по магазинам, а лежала ничком в кровати какого-нибудь незнакомца, который яростно брал ее сзади.

Я отправлял открытку за открыткой, простые маленькие послания с ясным подтекстом. Я хотел получать от нее больше писем, больше сведений, что угодно, лишь бы ее почерком и с ее подписью внизу. Я жаждал иметь весточки шесть, семь раз в день. Мечтал, чтобы в нашей части наняли второго курьера — справляться с ворохом писем, которые приходили бы мне от обожаемой жены. Я желал погрести почтовую службу США под двадцатифунтовой грудой корреспонденции. Если Бет целый день будет писать письма, рассуждал я, у нее не останется времени на секс.

На каждые десять выведенных мною букв я получал в ответ одну. Я увеличил пропорцию в два раза, затем в три, но чем чаще посылал открытки, тем меньше писала Бет. Смею заверить, что за шесть первых месяцев в пустыне я нацарапал и отослал около трехсот открыток и писем любимой женушке в Сан-Диего.

Получил восемнадцать.

Однажды вечером, в приступе бессильной ярости и язвительной ревности, подогретой парами виски, я настрочил то, что стало бы моей последней открыткой, даже будь у меня команда лучших адвокатов.

> Дражайшая Бет,
>
> если тебе по сердцу, что твой муж гниет в пустыне, пока его жена трахается с другими мужиками со всей Южной Калифорнии, пожалуйста, дай ему об этом знать, не затягивая, и он примет на себя тяжкий труд помочь тебе в твоем нелегком деле.

Я, конечно, подставился как дурак. Ответ в тот раз пришел быстро:

> Да на здоровье.

К открытке были пришпилены бумаги о разводе.

Но пока продолжалось обучение танковым премудростям, я продолжал вкалывать, находясь под властью иллюзии, что мои письма домой служат благой цели — удерживают Бет в рамках, и настроение у меня от ежедневной эпистолярной практики было хорошее. Тиг и остальное военное начальство быстро поняли, что танки я вожу как бог, а со стрельбой только позорюсь, поэтому меня назначили вечным водителем и посылали на маневры с разными стрелками, чтобы посмотреть, с кем я эффективнее сработаюсь.

Однажды они посадили за моей спиной Гарольда, и, хотя я был рад компании, трения начались с самого начала.

— Бери левее, — кричал он сзади. — Я не могу целиться, когда ты едешь направо!

— Не могу я левее, — проорал я, перекрывая грохот шеститонной машинерии; нам еще не выдали шлемофоны, которые, кстати, чаще ломались, чем работали, поэтому ор в танках всегда служил наилучшим способом общения. — Там овраг слева.

— Тогда поверни, — велел он. — Поверни, я сказал!

Я нарочно поворачивал не в том направлении, чтобы показать Хенненсону, кто здесь главный.

Иногда я гадаю — может, не будь я таким упрямым козлом, Гарольд остался бы в живых. Если бы я шел навстречу и прислушивался к его приказам, его могли назначить в мой танк, а не в тот, где он погиб.

Нет, скорее всего Гарольд вскоре довел бы меня до ручки, и я на полном ходу погнал бы танк к обрыву ближайшей песчаной дюны.

По выходным нас, сук этаких, отсылали обратно на базу, видимо, не в силах больше слышать, как нам спится в креслах управления. Мы встречались со старыми приятелями, сутками колесили по итальянской провинции и пытались излагать свою концепцию создания мира. Разумеется, после бурных дебатов каждый оставался при своем мнении и поступал по-старому.

На фоне общей массы танкистов, относившихся к своему назначению более или менее спокойно, Джейк Фрейволд выделялся сияющей от счастья физиономией. Из тощего нью-йоркского остряка-самоучки он превратился в положительного раздобревшего солдата и с той же готовностью рассказывал про основной боевой порядок, как раньше отпускал сальность. Порой он делал и то и другое в одном предложении. Начальство

заметило его рвение и способности и подкинуло дополнительные обязанности в разведывательном взводе.

— Разведка — это круто, — сказал он мне однажды вечером, когда мы пили дешевое красное вино. — Совсем как в кино, только больше.

— Больше чего? — спросил я.

— Всего. Оружия. Тактики. В общем, там классно.

Я потребовал подробностей о профессии, казавшейся хрен знает насколько интереснее, чем танки, но Джейк был сдержан насчет всего, связанного с разведкой.

— Совершенно секретно, приятель, — заявил он, ставя мне новый стакан вина запить огорчение. — Я тебе так скажу: если мы оба выберемся отсюда живыми и будем общаться спустя десять лет, я поведаю тебе о разведке все, что спросишь, о'кей?

Так мы и порешили, скрепив уговор торжественным рукопожатием.

Это было четырнадцатого октября. Ровно через десять лет после того дня я напряг кое-какие свои связи в союзе, чтобы именно нам с Джейком поручили изъятие желудочно-кишечного тракта (целиком) у экс-футболиста в Милуоки. Месяц выдался напряженным, работы было невпроворот, и мы не виделись две недели, поэтому вначале поболтали, сообщив друг другу о последних успехах и заказах. В то время я был женат на Мелинде, и Джейк обожал безжалостно прохаживаться на мой счет за то, что я снова впряг своего коня в еле ползущую повозку.

Я подождал, пока мы стабилизировали клиента — шесть футов шесть дюймов ростом, двести восемьдесят фунтов весом — слава Богу, при нас имелся запас тазеров, потому что этот великан не моргнув глазом принял на грудь больше электричества, чем нужно рождественской елке в Белом доме, — и приступили к неаппетитному процессу изъятия, и я напомнил Джейку о важной дате.

— Как, неужели десять лет прошло? И ты все время ждал и помнил… — Он покрутил головой, пораженный больше моей памятью, чем мгновенно пролетевшим временем.

— Ровно десять лет, — подтвердил я, прилагая все усилия, чтобы аккуратно отсоединить катетер алюминиевого пищевода футболиста: мне не хотелось поцарапать искорган или вместе с ЖКТ принести союзу то, что им не принадлежало. — Да, я ждал все это время, гадая, каких чудес ты натворил или не натворил в тылу врага. Так что давай выкладывай: что такое разведка?

Джейк положил скальпель, пристроив его на гладком бледном лбу распластанного клиента, и тот медленно

покачивался.

— Тогда мне казалось, что это прикольно. Я думал, это опасно, волнующе — тайком пробираться через неприятельские позиции, преграждать доступ к объектам, определять противника — все, о чем мечтает каждый пацан, не имея, как правило, возможности воплотить мечту в жизнь… Но по сравнению с союзом, — искренне вырвалось у Джейка, — разведка — просто бухгалтерия.

Очередной крах иллюзий. У меня накопился длинный список несбывшихся надежд и неоправдавшихся ожиданий, поэтому я даже не рассчитываю на что-нибудь серьезное с Бонни. Во-первых, я ее вижу урывками, а, несмотря на мою слабость к исчезающим дамам, хроническая невидимость романам не способствует. Во-вторых, мы абсолютно не подходим друг другу. Я не менял одежды последние четыре недели; она переодевается в чистое всякий раз после ванны, а моется Бонни в десять раз чаще моего. У нее целая коллекция платьев под шесть пар разных колготок, в которые она облачается по меньшей мере через день, игнорируя тот факт, что при толике везения и правильном поведении ее никто не увидит. Кроме того, я минимум на пятнадцать лет старше и скрываюсь от Кредитного союза, так что кавалер из меня еще тот. Венди, моя пятая бывшенькая, быстро это раскусила.

Но я отнюдь не огорчился, когда Бонни сунула голову в мою комнату два часа назад и спросила, не хочу ли я с ней пообедать.

— Только скатерть захвати, — попросила она. — А то мой столовый гарнитур проржавел.

Я облачился в парадный костюм, состоявший из единственной хлопковой рубашки, от которой не несло за два шага, и летних брюк, почти не испачканных кровью, и потопал вверх по лестнице с брезентом под мышкой. Бонни уже зажгла пару грамотно расставленных свечек, неровно озарявших темные углы, оставляя середину комнаты в полумраке. На ее ярко-оранжевом платье на бретелях играли отблески и тени.

Я одним махом развернул принесенный брезент и накрыл им металлический стол в центре комнаты; небольшой предмет сверкнул в воздухе, пролетев мимо пригнувшейся Бонни, и врезался в стену.

— Извини, — сказал я, выдернув скальпель из сухой кладки и сунув за пояс. — Я думал, что все собрал.

Бонни варила макароны на маленькой банке сжиженного газа, а на меня возложила обязанность все покрошить. Она откуда-то взяла мечту бакалейщика — помидоры, лук, кинзу — и

решила научить меня готовить соус «Маринара». Сначала я мучился с пластиковым ножиком для масла, единственным режущим инструментом на столе, но потом вынул скальпель, и дело пошло. Бонни ничего не сказала, когда я виртуозно крошил оставшиеся овощи, но я поймал на себе несколько исподтишка брошенных взглядов.

Когда нёбо приучено воспринимать объедки из мусорного контейнера, отвоеванные у помойных кошек, как нормальный ночной обед, свежая паста с соусом «Маринара» становится просто оргазмом гурмана. Я практически не говорил, пока мы ели, втягивая макароны не жуя, стараясь поглотить как можно больше пищи за минимальное время.

— Где ты это взяла? — спросил я между глотками.

Бонни ответила:

— На рынке, в шести кварталах отсюда.

— Они выбрасывают такую еду?! Совсем уже…

Она как-то странно посмотрела на меня:

— Выбрасывают?

— О, — спохватился я под этим взглядом. — Значит, ты ее стянула? Браво!

И снова не угадал.

— Нет, нет, — запротестовала она. — Я сходила днем на рынок и все купила.

Как я могу мечтать о романе с этой женщиной? Мы даже говорим на разных языках!

Когда мы доели бисквит, который она купила — не украла, а именно купила, как я уже понял, в настоящем магазине — на наличные, с очередью к кассе и всем таким, я вновь обратил внимание на странную певучую ритмичность в ее голосе и не удержался от вопроса.

— Это «Воком», — ответила Бонни.

— Что?

— Моя гортань. «Воком экспрессор», одна из последних моделей.

Вот в чем секрет несколько механических интонаций и неестественно идеальной артикуляции, без малейшего намека на невнятность или заикание. Очень гладкая речь. «Воком» — первоклассная компания с образцовой службой по работе с клиентами.

Словно решив это доказать, Бонни полезла в карман и вытащила маленький пульт дистанционного управления, не крупнее, чем у моего «Джарвика», правда, с большим числом кнопок и тумблеров. Что-то нажала, где-то подкрутила, и когда

вновь открыла рот, уже не была Бонни.

— Здесь четырехшкальная частотная модуляция, — сказала она раскатистым басом.

— И часто ты так делаешь? — поинтересовался я.

— В последнее время — да, — проверещала она, выбрав частоту бурундучьего писка. — Говорить чужим голосом очень удобно, когда не хочешь, чтобы тебя обнаружили.

* * *

Мне случалось изымать вокомские системы, хотя эти заказы обычно отдавали «касперам» из-за способности таких искорганов записывать последние сорок восемь часов речи клиента вроде черного ящика на самолетах. Однако «Воком экспрессор» сохранял лишь слова, произнесенные своим хозяином, а не полный разговор. В результате расшифровка записей с «Вокома» представляла собой лишь половину диалога, а так называемым экспертам по прослушиванию оставалось только догадываться о репликах собеседника.

Однажды, ближе к концу моей карьеры, «Кентон» послал меня изъять мочевой пузырь у клиента, злоупотреблявшего их терпением уже четыре месяца. Мне сказали, что этот парень набрал кредитов по всему городу и навставлял себе массу искорганов других производителей, но мое дело вернуть «Кентону» их собственность, и больше ничего. Даже если, вскрыв клиента, я обнаружил бы искусственный желудок или легкое с просроченной оплатой, то не имел права их изымать. Есть всякие внештатники, вольнонаемные, которые вырывают из тела любой искорган и несут его фирме-производителю в надежде получить часть комиссионных, но я работал по правилам, и если в бланке заказа значился «Кентон», их мочевой пузырь я и брал.

Одни клиенты лежат неподвижно, когда их вскрываешь, другие дергаются, извиваясь по полу и ползая по всей комнате. На нашем жаргоне они называются соответственно «мертвой селедкой» и «живым тунцом». Тот парень был где-то посередине между двумя категориями со своими движениями засыпающей форели, зато болтал не закрывая рта в течение всего процесса, даже когда я по всем правилам усыпил его эфиром. Я уколол его торазином, еще раз применил электрошок, но и в бессознательном состоянии этот дурак не перестал лепетать, что виноват, но обязательно все исправит, даже когда скальпель глубоко вошел в его брюшину. Не знаю, о чем он говорил, и знать не хочу. Я предпочитаю работать в тишине, а этот тип испортил

мне день.

Мочевой пузырь был на месте, в целости и сохранности; взявшись за ножницы, я вдруг услышал женский голос, эхом отразившийся от стен. Моя окровавленная рука рефлекторно нырнула в карман куртки и выхватила «кольт», который я всегда носил на боевом взводе; одновременно я развернулся на сто восемьдесят градусов, готовый выстрелить, чтобы защитить себя.

Комната была пуста. Пожав плечами, я вернулся к изъятию и сделал новый надрез, но через секунду глубокий горловой вопль резанул меня по ушам, крик, полный тоски, пронесся с учетверенной скоростью, не меняя низкого тона. Я снова обернулся как ужаленный, с «кольтом» в руке, и снова никого.

Тогда я сосредоточился, махнув рукой на внешние раздражители, и внимательно вгляделся в клиента. Звуки — в смысле голос — исходили из него. Для проверки я полоснул скальпелем по горлу, вызвав кровавый водопад, и успел заметить металлический блеск «Вокома» в гортани. Не «Экспрессор» — эта модель недавно появилась на рынке, а старый «Коммуникатор», не подлежавший апгрейду. Под подошвой что-то треснуло, и я сообразил, что давно переминаюсь на пульте дистанционного управления «Вокома», меняя высоту голоса и пугая самого себя во время работы.

Каким-то образом я активировал режим воспроизведения, чем объяснялось упорное нежелание клиента замолкать: «Воком» работал как магнитофон, воспроизводя запись недавнего разговора. Не зная, как выключить гортань, я заканчивал работу под этот новый саундтрек, включенный на полную громкость.

Когда я уложил мочевой пузырь в пенопластовый контейнер, в котором он отправится обратно к папочке «Кентону», клиент был уже мертв — дыхание остановилось, руки и ноги перестали дергаться, пульс не прощупывался; лишь упрямый «Воком» продолжал болтать.

— Детка, ты же знаешь, как я люблю тебя! — вопил мертвец на полу, пока я шел к дверям. — Вернись! Клянусь, я никогда больше тебя не обижу!

Этими же словами я клялся Мелинде, когда она меня бросила, что никогда ее не огорчу, буду оберегать от боли, мук и лишений, связанных с вечно отсутствующим мужем с невидящим взглядом, хотя прекрасно знал: это обещание из разряда невыполнимых. Я всегда так поступаю с обещаниями: половина мозга отдает команду клясться, другая втихаря хмурит свои лобные доли.

Конечно, тогда я не подозревал, как сильно нарушу свои

клятвы Мелинде через двадцать лет. Да и не мог этого предвидеть.

Бонни обмолвилась, что «Воком» — не единственный ее искорган. Желая побольше узнать о соседке по гостинице, я невольно задался вопросом, уж не «Джарвик» ли у нее стоит до кучи. Но не успел убедить новую знакомую рассказать об остальных имплантатах, как ее брови сошлись на переносице, а шея чуть вздулась с одной стороны, как у собаки, издающей глухое рычание. Бонни оборвала меня на полуслове, прижав пальчик к моим губам, и на цыпочках подошла к окну пентхауса.

Я последовал ее примеру и впился взглядом в улицу внизу. Ничего необычного не заметил, но замер у окна из уважения к ее интуиции. Уличные фонари, кроме одного, были разбиты, темнота затопила район благодаря сознательным местным хулиганам, и тени ползли по тротуару, заслоняя все, что требовалось разглядеть.

— Ты не смотри, — одними губами сказала Бонни, — ты слушай.

Напрягая слух, я пытался мысленно перенестись на улицу внизу. Где-то далеко — тявканье дворняжки. Муж кричит на жену, что если бы она трахалась хоть вполовину так же хорошо, как готовит, он бы чаще ночевал дома. Визг тормозов с перекрестка — машину занесло на повороте.

«Ничего не слышу», — жестом показал я в ответ.

Бонни взяла меня за ухо — пальцы были холодными, словно длинные замороженные палочки впились в мою плоть, — повертела ушную раковину туда-сюда и прошептала:

— У тебя свои, что ли?

Я энергично кивнул.

— О, — негромко посочувствовала она, явно сожалея о моем первобытно-неухоженном состоянии. Сунув руку в карман куртки, Бонни покопалась там — металл звякнул о металл — и вытащила компактные наушники, провод и два кругляша.

Властно повернув мою голову, она притянула меня поближе и надела мне обруч, воткнув наушники поглубже, отрезая любой внешний шум. Слыша лишь собственное преувеличенно громкое дыхание, я кивнул Бонни в ответ на ее кивок. Провод наушников беспомощно повис, шнур питания царапал по полу.

Я покосился на улицу — нет ли там движения? Через несколько секунд слух вернулся, только на этот раз в нем появилась глубина. Диапазон. Звуки, которых я никогда не слышал раньше, просачивались в мозг, наполняя уши гулом. В доме со скандалящими родителями маленький ребенок просил их

прекратить ссору, умоляя папу не орать на мамочку; собака вдалеке лаяла на тихо мяукающего котенка.

Скосив глаза, я увидел, что провод от наушников идет вверх и скрывается в слуховом канале Бонни, вставленный плотно, словно змея, заползающая в свою нору. Подавшись ближе, я заметил, что ее ушная раковина немного разошлась, в ней появилось углубление — металлические грани сверкнули в лунном свете, а крышка панели возле барабанной перепонки сдвинулась, открывая гнездо для подключения провода. Из розетки сверкнул логотип корпорации «Воком», вытисненный на золотом листочке.

— У тебя искусственное ухо? — удивился я. Голос прозвучал вдвое громче, чем на самом деле, ударив по моей — вернее, нашей — барабанной перепонке.

— Оба, — похвасталась она. У ее слов появился особенный призвук, своего рода эхо, словно говорил я сам. — Теперь тише, слушай.

Я сосредоточенно прислушивался. Бонни с помощью крошечных инструментов возилась с панелью управления в ушной раковине, усиливая звуковой фон и отфильтровывая помехи. Наушники были удивительно мощными для своих размеров; один выскользнул из пальцев Бонни, и акустическое сопровождение полета чуть не лишило меня к чертям природного слуха, но леди была осторожна, и вскоре мы, отфильтровав собак, семьи и проезжавшие машины, сосредоточились на тараканьей отрыжке и мышином хихиканье.

Мы усиливали сигнал и сортировали услышанное, усиливали и сортировали — фильтры отсеивали обычные ночные шорохи, — когда один звук перекрыл остальные: высокий вой, монотонный, дрожащий, подчеркнутый ритмичным, настойчивым «пип», — работала электроника. Я сразу узнал его после многих лет применения устройства, подающего такие сигналы, прибора, которым столь дорожат специалисты из отдела возврата биокредитов и которого боятся все неплатежеспособные клиенты.

Кто-то проверял район сканером.

X

Выдернув наушники, я упал на пол, проверив магазин «маузера». Взглянув на Бонни, стоявшую у окна — такую легкую мишень ничего не стоит подстрелить, — я сделал ей знак пригнуться, схватил за руку и потянул вниз, где безопаснее. Но она вырвалась, смеясь и качая головой:

— Они далеко. Сканируют кого-то другого. Не нас.

— Да я же слышал, они внизу…

— Внизу, но за две мили. Это ухо у меня настроено на ближнее расстояние, а правое работает в расширенном диапазоне. Провод я вставила в правое. Они слишком далеко, чтобы нас засечь.

Надо идти собирать арсенал перед неминуемой стычкой. Бонни так ничего и не поняла.

— Не существует такого понятия, как «слишком далеко», — сказал я.

— Диапазон сканирования — одна восьмая мили…

— Стандартный — да, но с апгрейдом — намного больше. По стандартам никто не работает.

До нее наконец дошло. Бонни попятилась от окна.

— Сколько?

— Для нас достаточно.

Допустимый стандартный диапазон сканирования действительно составляет одну восьмую мили в одном линейном направлении. Верховный суд связал руки индустрии возврата биокредитов, запретив сканеры с большим диапазоном действия под предлогом неоправданного нарушения права на частную жизнь, сославшись на какую-то поправку к конституции — точно не скажу, — отмены которой союз добивается уже несколько лет.

Но мало кто из отдела по возвращению биокредитов тупо и честно использует стандартные сканеры. Существует черный рынок, процветающая индустрия, где подобные устройства можно разогнать так, что они будут брать в радиусе двух миль и проверять окрестности сразу в нескольких направлениях. Сканер, которым я пользовался в бытность биокредитчиком — я называл его Бет за способность обрабатывать множество людей одновременно, — был настроен на полторы мили и за долю секунды сообщал мне сведения сразу по пяти искорганам. На тюнинг его отдавал Джейк, организовавший все чуть ли не за десятую часть обычной цены.

Сканер самого Джейка брал на три мили. Если я не путаю, он заплатил больше пяти тысяч и уверял, что результат стоил

каждого потраченного цента. Говорил, будто может сразу засечь искорган с просроченной оплатой в любом направлении и ни разу не упустил клиента. Ни разу. Это еще одна веская причина не высовывать носа на улицу.

Пока я прикидывал, сколько времени уйдет, чтобы спуститься вниз и забрать арсенал, не зная, что лучше — организовать оборону с помощью подручных средств или все же бежать за оружием, Бонни перехватила инициативу. Сложив расстеленный на полу голубой брезент, она подхватила сверток и направилась в коридор.

— Ты уходишь? — спросил я.

— Не совсем, — уклончиво ответила она.

— Если будешь нарываться на стычку, ты ее получишь. Парни из Кредитного союза так просто не отвяжутся. Одним брезентом не обойдешься.

— Знаю, — отозвалась Бонни. — А еще мне известна моя гостиница. Пошли вниз, я открою тебе маленький секрет.

Сканер Тони Парка, как оказалось, имел радиус действия две и шесть десятых мили — более чем достаточно, чтобы засечь нас в тот вечер. Я услышал Тони прежде, чем увидел: громила топал по лестнице, вообще не стараясь как-то скрыть свое появление. Учащенный отрывистый писк сканера стал громче, когда Тони поднялся на площадку шестого этажа и пошел по коридору, отдуваясь, запыхавшись от усилий.

— Слишком шумно действуешь, — громко сказал я. — Я в шестьсот четвертом. На случай, если ты хочешь ускорить события.

В дверном проеме появилась цветущая, румяная физиономия Тони Парка; он с опаской заглянул в комнату из коридора, словно ожидая ловушки. Можно подумать, я из тех людей, которые подкладывают ближнему свинью.

Я по-турецки сидел на полу у противоположной стены с самым невинным видом. Справа от меня на голых досках лежал ничем не прикрытый тазер. Голубой брезент, который Бонни принесла из пентхауса, мы расстелили посередине комнаты, расставив на нем тарелки и разбросав ножи-вилки, словно после пикника.

— Отличный способ подставиться и быть убитым, — продолжил я воспитывать Тони, — это производить столько шума. Отныне и впредь научись довольствоваться простым фактом изъятия кардиоустройства. Первая заповедь биокредитчика: никогда не суетись.

Тони шагнул в номер шестьсот четыре.

— У тебя есть не принадлежащее тебе имущество. И я сейчас с огромным удовольствием заберу его назад.

Татуировка на его лбу претерпела некоторые изменения: там появился новый зигзаг молнии.

— Неужели тебя повысили, Тони? — спросил я холодным, как ноябрь, тоном.

— А вот утрись, повысили. С тех пор как один пидор не потянул платежей, работы прибавилось.

— Рад оказаться полезным, — отозвался я, вставая и демонстративно потянувшись. — Ну что, начнем, что ли?

— С наслаждением! — зарычал Тони и полез за тазером.

— Как ты банален, — вздохнул я и картинно прислонился спиной к гостиничному окну.

Верный себе, Тони остановился на полушаге. Он всегда считал, что я смотрю на него свысока, и, естественно, был прав.

— Чего?! Ты кого куда послал?!

— Ничего. Я говорю, ты меня нашел, в комнате только мы двое, не нужно заполнять ни протокола, ни формы, есть все шансы сделать то, что ты обычно делаешь, и все равно ты выбираешь самый легкий путь. Это как-то… слишком шаблонно, вот и все.

Наверное, он догадался, что я его дразню, но не придал этому значения. Тони Парк был тяжелее по меньшей мере на тридцать фунтов мышечной ткани; вряд ли у меня появились бы шансы в честном кулачном бою. К счастью, я не собирался драться честно.

Не затрудняясь поисками достойного словесного ответа, он взревел, как гиппопотам, наклонил голову вперед — набычился, я бы сказал — и стартовал, желая, видимо, сбить меня на пол и вырвать сердце голыми руками. Я стоял на месте, чуть присев, словно ожидая удара. Тони тяжелой рысью несся прямо на меня через всю комнату по голубому брезенту, уставленному посудой…

Он свинцовым грузилом ухнул вниз сквозь прогнившие половицы, утащив за собой голубой брезент — разлетевшиеся тарелки вдребезги разбились о ближайшую стену. Тони пролетел три этажа, сокрушая перекрытия своим немалым весом. Когда он звучно шмякнулся на пол номера двести четыре, я был почти уверен, что этот тип больше никогда не побеспокоит ни нас, ни кого-то другого. Оставалось спуститься на второй и убедиться, что с ним покончено, а если нет, то доделать работу вручную.

По крайней мере так мы планировали.

Бонни, стоявшая в темном дальнем углу с пистолетом в руке — на случай, если Тони обежит брезент, не наступив, — подошла к краю дыры и посмотрела вниз.

— Не шевелится, — сказала она, одарив меня такой прелестной улыбкой, что хоть беги за новой поджелудочной. — Это было… забавно.

Прежде чем я успел ответить, раздался громкий треск и из пола полетели щепки. Обернувшись, Бонни успела увидеть, что половицы под ней расступаются — гнилые доски не выдержали сотрясения от падения Тони Парка. Я не успел даже закричать «Осторожно!»: Бонни исчезла в мгновение ока.

Я уже говорил о своей слабости к женщинам, которые от меня бегают, но еще никто не делал этого в вертикальном направлении.

Она упала на Тони, что можно было считать двойной удачей. Во-первых, это смягчило удар, во-вторых, наверняка усилило массивное внутреннее кровотечение у гнусного амбала. Когда я скатился по лестнице на второй этаж и добежал до двести четвертого номера, из носа Тони Парка обильно текла кровь, а в груди что-то клокотало и хрипело. Я слышал это много раз — так человек захлебывается собственной кровью. Я не питал дружеских чувств к бывшему коллеге, но я не садист, и хотя громила явно был без сознания, все же ускорил процесс отточенным скальпелем. Через несколько мгновений Тони Парк испустил дух.

К счастью, с Бонни все обстояло иначе. Из раны на правой ноге вытекали, смешиваясь, кровь и суставная жидкость; у нее был шок от падения с высоты, а искусственный коленный сустав сильно помялся. При тусклом свете много не разглядишь, но я понял — в этих условиях ей не помочь. И еще одно я знал наверняка: если нас обнаружил Тони Парк — то есть у этого тупого терминатора с татуировкой на лбу хватило мозгов меня вычислить, — то и остальные доблестные кадры Кредитного союза не заставят себя ждать.

Пора менять квартиру.

XI

Видимо, раньше здесь была прачечная: стиральных и сушильных машин не осталось, но старые автоматы, многократно крашенные краской-спреем, до сих пор пахли стиральным порошком — запах не смогла перебить даже моча. Надежному укрытию в этой части города я обрадовался больше, чем рассыпанному кладу.

Я полунес-полувел Бонни по улицам, иногда прибегая к пощечинам, чтобы не отключилась окончательно. Чем дольше мы шли, тем выше становилась вероятность, что нам на хвост сядет какой-нибудь случайный биокредитчик, сканирующий прохожих для собственного удовольствия. Я сложил оружие (не забыв и надежную боевую подругу «Кенсингтон») в спортивную сумку и под тяжестью металла и почти теряющей сознание Бонни шел медленно.

Прачечная казалась достаточно безопасной — маленькая, с крепкими стенами, в глубине здания, рядом переулок — можно легко смыться в случае чего. Единственный вход с улицы через двери цельного тонированного стекла: удобно смотреть наружу и нелегко разглядеть что-нибудь внутри.

Бонни еще спит. Когда проснется, попробуем что-нибудь сделать с ее коленом. А пока я буду печатать. Чувствую, как с каждым прожитым днем петля сжимается все туже; в конце концов кто-нибудь выбьет из-под меня стул мощным пинком, но до тех пор я буду излагать свою историю на бумаге. Дедовский способ — да, но это все, что у меня есть. Сейчас я предпочитаю действовать по старинке, нежели оказаться забытым.

Получив по почте бумаги о разводе с Бет, я выпросил увольнительную на сорок восемь часов и ушел в самый глубокий запой, на который хватило здоровья. Большую часть увольнительной я изводил владельца местной винной лавочки просьбами продать мне еще спиртного, и после долгих споров он понял, что я не оставлю его в покое, махнул рукой и продал мне две пинты текилы, какой-то паленый скотч и ящик странного африканского пива, лишь бы я убрался из магазина. В состоянии пьяного ступора я, должно быть, наткнулся на Антонио, старого итальянца, которому так нравилась моя форма, потому что, когда вернулся на базу, бранясь и бушуя по поводу бросившей меня сучьей шлюхи, из одежды на мне не осталось даже нитки, а в африканской пустыне тогда было плюс два по Цельсию.

К счастью, Тиг увидел меня раньше начальства, перехватил и

отослал в казарму отсыпаться в кресле управления. Когда я протрезвел достаточно, чтобы меня слушались руки и ноги, сержант в качестве наказания отправил меня драить туалеты, что при моем чудовищном похмелье поистине древнеримских масштабов было идеальным занятием, в основном из-за близости волшебных фаянсовых резервуаров. Проблевавшись и отдраив унитаз, я вставал и шел осквернять следующий.

Все эти нюни и сопли из-за какой-то юбки — проститутки и шлюхи, если уж называть вещи своими именами, — могут показаться вздором человеку, который через десять лет без малейшего раскаяния вырежет имплантированное легкое у ребенка, чей папаша пустил по ветру ежемесячный взнос по кредиту на собачьих бегах, но в то время я был пацаном, потерявшим единственную женщину, которую, как мне казалось, мог любить до конца жизни.

Что ж, ночь всегда особенно темна перед рассветом.

День, когда погиб Гарольд Хенненсон, выдался жарким. Конечно, в пустыне в основном всегда тепло, но тогда стояла рекордная духота: пот капал со щек и подбородка, уже когда я спускался в раскаленное чрево танка. Мы съели обильный готовый завтрак в фольге, обмениваясь гипотезами о составе предложенной пищи, и получили приказ возобновить маневры, которые шли всю неделю.

Неприятель, как нам сказали, отходил быстрее, чем мы наступали, и нашему подразделению поручалось занять максимум территории, двигаясь с самой высокой скоростью, которую сможем развить. Командование не желало никакого мертвого пространства; оно смотрело на нейтральную зону как на вакуум, ждущий заполнения чуждыми интересами, и меньше всего, сказали нам, Америке нужны внезапные атаки врага, выскочившего словно из-под песка.

Мы преследовали неприятеля, постреливая из высоко поднятых пушек, видя в перископ только задницы противника, когда аборигены скопом бежали прочь. Лишь редкие снайперы и религиозные фанатики решались дать нам отпор. Я помню одного типа, который выпустил очередь из-за единственной в пределах видимости пальмы — повторяю, единственного дерева, одной лишь живой былинки на мили вокруг, — надавив до упора на спусковой крючок «узи», поливая цепь американских танков из своей стреляющей спринцовки и что-то вопя на родном языке — не то религиозный призыв к бою, не то колыбельную; я никогда не понимал чертовой местной тарабарщины.

Не знаю, кто выстрелил в него первым, но три из наших

танков выпустили самонаводящиеся на тепло ракеты стоимостью по миллиону долларов с разницей в долю секунды. Каждая взорвалась ослепительным фонтаном огня, превратив участок пустыни с пальмой в толстый твердый слой спекшегося в стекло песка без малейших признаков останков одинокого автоматчика.

Три ракеты на одного человека: современная морская пехота в действии.

В день гибели Гарольда не было перестрелок и героики; только цепь танков, ползущих по пустыне бок о бок, гигантская команда металлических болельщиц, гордо виляющих своими телесами перед черным континентом. Мы шли по восемь танков в ряд цепью три мили шириной; стрелки, сидя сзади, высматривали неприятеля, которого, мы не сомневались, нам и не понюхать.

Мое внимание было целиком сосредоточено на песке впереди и топографической карте перед лицом — плававшем перед креслом управления ядовито-зеленом трехмерном изображении, построенном методом рейтрейсинга.[18] Каждый танк в цепи обозначался точкой — синей для нашего, красной для Гарольда, и так далее, а песчаные холмы и долины возникали перед моими глазами задолго до того, как танк начинал подъем в гору или спуск, позволяя мне и другим водителям выбирать курс.

Шлемофоны нам снова выдали времен войны с фрицами: треск электрических помех сопровождал любую реплику, которыми мы пытались обмениваться друг с другом, а частоты ограничивались локальным диапазоном. В Африке это обычное дело; принято винить песок и песчаные бури. По мне, так причина технического головотяпства в войсках кроется скорее в подтасовках при получении военных контрактов, но свое мнение я держал при себе. В результате неполадок с наушниками я мог разговаривать с Джейком, засевшим у пушки, но не имел возможности передать информацию другим экипажам.

Временами, когда электрический треск вдруг стихал, я ловил обрывки разговоров в соседних танках и с облегчением слышал, что, полагая себя в безопасности за толстой броней, остальные болтают о той же ерунде, что и мы: деньги, девки и способы их получения.

— Как сзади? — спросил я по рации у Джейка, убивавшего время, высматривая и прихлопывая насекомых, которые на свою беду пролетали в пределах досягаемости.

— Чисто. Как всегда. Вторая линия танков вообще потеряла строй. Идут, как гонщики перед финишем. Тиг им навешает много и сильно, он все видел.

— Не наша проблема, — сказал я. — Пока мы держим линию,

к нам претензий нет.

Я помню появление второй картинки на топографической карте: маленький дисплей замигал, возникнув рядом с первым. Оригинальная карта разворачивалась вперед, а эта — назад, показывая пройденный нами путь. Вторая линия цветных мигающих точек пересекала пустыню, только изогнута она была, как Джейк и сказал, просто из рук вон. Совершенно потеряли строй.

В наушниках вновь затрещало, и я услышал, как сидевший рядом наводчик, парень из Омахи по имени Перси, который после службы в армии большую часть жизни провел в военной тюрьме, сказал:

— Слышу ответ от второй цепочки. Они замедляют ход на правом фланге.

— Почему?

— Не разобрать. Вроде у них там… упал кто-то, что ли?

На экране появилась третья карта — сверху над двумя первыми: снова пустыня, график высоты отчего-то резко идет вверх. Я повернул ноги так, чтобы панорама сместилась вправо. Спокойные голубые цифры на альтиметре карты быстро темнели, наливаясь ярко-красным, а на сдвинутом на девяносто градусов изображении появился крутой ядовито-зеленый горб, повисший в воздухе в тесном пространстве танковой башни, повторяя очертания самой высокой, как мы узнали позже, песчаной дюны в Африке. Танк Гарольда на полном ходу чесал по ее отвесному склону.

— Они не поворачивают, — поперхнулся Перси. — Они ее не видят!

— Они не могут ее видеть, они на ней, — вмешался другой наводчик, которого я едва расслышал — так усилились помехи. — Она огромная… Не видят… Но это же…

Танк Гарольда, не сбавляя скорости, пер вверх по песчаному склону, не зная, что до гребня им подниматься триста метров, не подозревая, что впереди вообще будет гребень. Топографическая информация поступала на наши карты с межтанковой радарной сети, что обеспечивало водителям полный, трехсотшестидесятиградусный, обзор местности. Если сеть вдруг отключалась, что, как предположили позже, произошло с экипажем Гарольда, участок непосредственно перед танком, особенно если там был уклон, превращался в мертвую зону для водителя. Радар не умеет заглядывать за угол и не разгоняет тучи.

На секунду в наушниках перестало стрелять, и я воспользовался секундой нормальной связи, чтобы панически

набрать частоту Гарольдова танка, надеясь предупредить водителя. Но едва произошло соединение, как треск возобновился, и хотя до меня доносились обрывки их разговора, я знал, что меня они не слышат.

— На такие мускулы западают красивые девчонки… — хвастался Гарольд перед своим экипажем; статические помехи обрывали окончание фраз. — …Обзаведусь… когда вернусь домой… подружкой. Эй, ты думаешь… с той же самой… я прав? Знаешь… ну, водителя через три танка от нас? Он мой приятель, у него отличная девчонка в… может, у нее есть подруга…

Я тыкал кнопки, крутил рукоятки, вопил, кричал в этот чертов ларингофон, зная, что ни Гарольд, ни его водитель не слышат ни звука. В последней отчаянной попытке я пошел на грубое нарушение устава: отстегнул ремень, выбрался из кресла управления — Джейк заорал на меня, чтобы я сел и продолжал вести, ради всего святого, продолжал вести, — открыл верхний люк и выбрался наружу, надеясь как-нибудь спрыгнуть на песок, догнать Гарольда, забарабанить по броне, забраться наверх, проникнуть внутрь и самому нажать на педаль тормоза, прежде чем танк закончит свой безумный путь.

Ну и как водится, я открыл наш люк и высунулся как раз в ту секунду, когда Гарольд, его товарищи и оборудование на пятьдесят четыре миллиона долларов камнем сорвались с гребня песчаной дюны и пролетели двести футов вниз, врезавшись в песок и взорвавшись от удара.

Песчаная буря, вот кто виновник, сказали нам. Испортила связь, отключила топографические дисплеи. Миллиарды крохотных частиц, не больше блошиной сопли, подточили мощь наступающей армии. Может, чем уповать на дорогое вооружение, неприятелю имеет смысл подчинить себе силу пустыни? На поверку здешний песок мало чем уступает современной технике в поражающей силе. Возможно, в следующий раз аборигены поумнеют и попытаются обратить нас в камень.

Для разнообразия — ностальгия по приятному.

Питер, мой сын, делал доклад в третьем классе о дисциплинарных взысканиях в различных культурах Древнего мира. Вообще я не помогал ему с домашними заданиями, но в те выходные он находился на моем попечении: согласно предписанию суда, я был обязан заботиться о маленьком негодяе минимум два дня раз в две недели. Питер еще не научился меня ненавидеть, и мне нравится думать, что не просто так: на том этапе жизни я ничего не сделал, чтобы навлечь на себя его гнев.

Я сидел в своем кабинете, заканчивая заполнять бумажки на последний изъятый искорган, когда пришлепал Питер — по случаю позднего времени в пижаме и босиком.

— Я почистил зубы, — объявил он. — И умылся.

На этих процедурах строго настаивала Мелинда; я всякий раз забывал о них, но Питер был хорошим ребенком и напоминал сам.

— Молодец, — похвалил я. — Беги спать, утром поговорим.

Но он мялся, стоя с листком бумаги в руке.

— Пап, — начал он, — а почему римляне превращали людей в камни?

— Потому что у них не было пистолетов, — нашелся я.

По-моему, сын получил тогда четверку.

Когда Питер был младше — совсем крохой он неохотно засыпал, предпочитая танцевать и играть с мамулей и папулей, — мы с Мелиндой убаюкивали его всевозможными дурацкими песенками. Его никогда не интересовали традиционные колыбельные, но он послушно закрывал глаза и начинал сопеть носом под наши импровизации.

У Мелинды получалось гораздо лучше, чем у меня: в ее сочинениях по крайней мере был смысл. Но любимой песенкой Питера, которую он требовал снова и снова, когда немного подрос и научился выражать просьбы словами, стала бессмысленная рифмовка, сочиненная мной одним беспокойным вечером, когда малыш температурил, кашлял и ни в какую не желал засыпать.

Это была своего рода джазовая импровизация на гавайские мотивы, без четкой мелодии, мягкая и забавная, и я до сих пор помню слова:

Я хочу поплавать в море
С говорящими колибри,
С гризли, козами и львами,
Знающими все слова.
Разговорчивые доги
Пусть плывут с мартышкой рядом,
Кенгуру плывет с павлином,
А я — кругами, как пчела.
Буду плавать с барсуками,
Лишь бы только мы болтали.

Мы с Мелиндой пели ее друг другу уже после того, как первое отделение нашего брака подошло к концу, и лишь любовь

к сыну все еще связывала нас. Вот интересно, помнит ли ее Питер? Помогает ли она ему заснуть? Не забыл ли он, что песенку сочинил папа?

Тиг попросил меня написать что-нибудь родителям Гарольда, чтобы приложить к урне с прахом.

— А что тут писать, — сказал я, — особенно родителям? Да, мы вместе развлекались, ходили в бары, клубы и бордели. Воевали бок о бок, говорили о том, чего хотим в жизни и как будем этого добиваться, куда катится мир и куда не катится, станем ли мы аутсайдерами или преуспеем. Но ведь такое не пишут родителям погибшего бойца, верно?

В конце концов я сочинил:

> Дорогие мистер и миссис Хенненсон, Ваш сын Гарольд был самым лучшим человеком, которого я знал за свою жизнь. Он был храбрым, сильным, мужественным, и если бы не он, не писать бы мне Вам этих строк. Я и остальные парни обязаны своей жизнью Гарольду, и Вы всегда должны помнить, что он был настоящим героем.

И затем, просто чтобы внести хоть долю правды в эту маленькую элегию, я написал постскриптум:

> А еще у него был потрясающий пресс.

На улице шум. Кто-то кричал?

Мы с Бонни уходим из прачечной. Только что пришли и уже уходим, но выбора нет. Иначе наша первая ночь станет последней.

Она уже проснулась и ждала меня в темном переулке, с перетянутым коленом. Я выскочил на улицу со скальпелем в одной руке и «маузером» в другой.

— Ты слышал? — спросила она. Я заметил, что Бонни тоже вооружена: тонкая рука сжимала пистолет тридцать восьмого калибра, длинный ноготь лежал на предохранительной скобе.

— Да. Идти можешь?

— Вполне.

И снова неподалеку раздался вопль, явно женский, явно панический, явно не мое дело.

— Не надо вмешиваться, — сказал я. — Нам лучше сидеть и не рыпаться.

— А если ей нужна помощь?

— Наша помощь никому не нужна, — напомнил я. — Если ей требуется подкрепление, придет и поможет тот, кто не в бегах.

Бонни на это не повелась. Она сверлила меня взглядом, под которым мне полагалось почувствовать себя голубиным пометом, и это немного сработало.

— Это не биокредитчик, — произнесла Бонни. — Иначе она бы не кричала. Просто отключилась — ты же знаешь, как это делается.

Тут она была права. Но мне не улыбалось объясняться с полицейскими, которым непременно захочется узнать, с какой радости по улицам района притонов шатается ночью пара приятных людей вроде нас. Допрос плавно перейдет в задержание, придется ехать в центр города, а там всплывет мое кредитное досье, что повлечет за собой…

— Полиция сюда не приедет, — заверила Бонни, читая мои мысли. — Они давно махнули рукой на этот район.

Новый вопль прорезал ночь, подтвердив ее слова, и в следующую секунду мы уже шли через улицу вопреки моему трезвому расчету.

* * *

Альтруизм, как бы моден он ни был в современном обществе, нельзя считать полезным качеством для специалиста по возврату биокредитов. Личностное тестирование, которое проходят при вступлении в союз, направлено на выявление девиантных патологий, маниакальных склонностей и хорошей порции здоровой клинической апатии — это так по-научному называется, когда человек на все кладет. Проситель, прошедший чернильные пятна и свободные ассоциации, допускается в подготовительную программу, но за ним будут наблюдать, чтобы убедиться — его сдвиги не выходят из-под контроля, заставляя биохимию мозга метаться из крайности в крайность. Союзу нет нужды выдавать скальпели социопатам.

Но главы об альтруизме не найдешь ни в одном из учебных пособий Кредитного союза, и неспроста. Нет времени разводить политес, когда на кону твоя задница; с высокой вероятностью альтруизм тебя убьет. Напустил эфиру, изъял и отвалил — вот мантра биокредитчика.

Каюсь, я нарушал это правило. Разумеется, из-за женщин.

Тенденция, однако.

Здание через дорогу от прачечной было когда-то офисным

комплексом, но серия городских пожаров, разорившая Тайлер-стрит, не обошла и здешний деловой квартал. Широкий открытый двор с купами деревьев, диким виноградом и сверкающими фонтанами — классное местечко для отдыха у белых воротничков, расслаблявшихся здесь в течение пятнадцатиминутного перерыва на обед, — был теперь черным и грязным, через трещины проросли сорняки и колючие травы, царапавшие ноги. Мы с Бонни прошли через главный вестибюль — Бонни прихрамывала, болезненно морщась, — в глубину здания, откуда доносился крик, ускоряя шаг с каждым новым воплем. Но чем быстрее мы шли, тем чаще доносились крики и тем больше мне хотелось повернуть к выходу и укрыться в прачечной. Это не была трусость; это была интуиция.

Половина трехэтажного здания обрушилась, и пол в комнатах первого этажа завалили мелкие обломки. Мы стояли в дверях, ожидая новых криков, чтобы понять, куда идти. Я сжимал тазер в правой руке, «маузер» в левой. Скальпель я заткнул за пояс, чтобы сразу выхватить в случае чего; кончик лезвия слегка впивался мне в пах. Бонни по-прежнему держала в руке свой тридцать восьмой, но небрежно, явно не веря, что им придется воспользоваться. Ну и глупо. Всякую секунду нужно ожидать перестрелки или рукопашной. Иначе по закону подлости обязательно нарвешься.

Крик донесся из комнаты прямо перед нами.

— Там, — сказала Бонни и уверенно двинулась вперед. Пригнувшись, она миновала частично обрушившийся дверной проем и исчезла в темноте. Я нажал на кнопку предохранителя, опустил руку с «маузером» и последовал за Бонни.

От его шеи мало что осталось. Понятно, почему девушка так вопила.

— Успокойся. — Я попытался оттащить ее от лужи крови и малоаппетитного месива на месте гортани. — Тише, перестань кричать. Возьми себя в руки.

Но мои медвежьи объятия только усилили истерический припадок: ее голова моталась вверх-вниз, подбородок ударялся в грудь, длинные светлые волосы так и летали в воздухе (несколько попало мне в рот, пришлось отплевываться).

— Можешь что-нибудь сделать? — спросил я Бонни, но она только стояла рядом, поглаживая девушку по руке и что-то шепча ей на ухо.

Парень на полу был мертв, вне всякого сомнения, и, насколько я мог разглядеть, не имел щитовидной железы. Щитовидка, конечно, маленькая, но когда знаешь человеческую анатомию так, как я, в частности, где должны быть непонятно

почему отсутствующие органы, то кровь и месиво развороченных тканей вам не помешают. На шее парня зияла дыра, которой по идее быть не должно, и через это отверстие щитовидку и вынули. Вернее, искусственную щитовидку.

— Расскажи, что случилось, — попросила Бонни.

Девушка немного пришла в себя, но все еще хватала ртом воздух, всхлипывая без слез, порываясь сообщить сразу все.

— Он… он… Я принесла ему… Принесла ему ленч… Захожу… А он лежит… Лежит вот… вот так… — Она снова разревелась, и Бонни крепко обняла ее.

Я почувствовал себя лишним. Стоять и смотреть, как обнимаются две женщины, оказалось ничуть не возбуждающе. В углу, рядом с перевернутой коробкой с пятнами от еды, я заметил знакомый желтый листок со следами окровавленных пальцев на полях. Лезвием скальпеля подцепил бумажку и повел по стене на уровень глаз, чтобы толком рассмотреть.

«Кредитный союз, официальный возврат кредита», — гласило название, а ниже значилось: «Одна щитовидная железа. Просрочка платежа сто двадцать дней». Дальше шли имя и возраст клиента, последний известный адрес и место работы.

Не успел я дочитать, как девушка сорвала листок со стены и оттолкнула скальпель, порезав при этом большой палец. Кровь закапала с ее руки в огромную лужу на полу.

— Вот что они мне дали, — всхлипнула она, размахивая бумажкой в воздухе. Бонни, с мокрыми глазами, подошла к ней.

— Это квитанция, — пояснил я. — Тебе нужно ее сохранить. Для отчета.

Она не успокаивалась:

— Дали это, а забрали моего парня…

— Они забрали щитовидку твоего парня, — поправил я. Слова вылетали изо рта с ураганной скоростью — шквал фраз, которые я повторял сотни раз за время своей карьеры. — Они не забирали твоего бойфренда. Только свой товар, и у Кредитного союза есть право на этот товар, так же как у тебя есть права на твое имущество. Если они не будут отбирать неоплаченные органы, корпорация разорится и люди, нуждающиеся в медицинской помощи, не смогут ее получить. Кроме того, согласно Федеральному кодексу искорганов, раздел двенадцать, параграф восемнадцать, они и/или их агенты по закону не имеют права реанимировать пользователя упомянутого товара, если платеж не был произведен им…

На этом она снова разрыдалась. С женщинами вечно одна и та же история.

Федеральный кодекс искусственных органов был священным писанием для тех из нас, кто жил под его защитой. На шестистах с лишним страницах детально разбирались все возможные ситуации с участием производителя, торгового склада, субъекта прямого маркетинга, клиента и органа; кодекс служил нам последней инстанцией во всех случаях ошибок или недоразумений. Много раз мне приходилось сидеть в незнакомой гостиной и зачитывать статью за статьей какой-нибудь вдове или вот-вот вдове, получая в результате лишь удары, пинки или выстрелы, хотя мне немалого труда стоило заучить этот талмуд наизусть.

Я допускаю, что у некоторых были законные основания для недовольства, и могу лишь надеяться: те, кому по службе положено разбирать претензии, получают хорошее жалованье. Внизу квитанции указан телефонный номер — подчеркиваю, бесплатный телефонный номер — и часы работы с девяти до пяти с понедельника по субботу; в случае возникновения проблем вас выслушают, вникнут в ситуацию и во всем разберутся в течение нескольких недель.

Однажды я изымал тонкий кишечник «ИС-9», который «Кентон» до сих пор выпускает. В результате канцелярской ошибки мне не выдали эфира, поэтому я обездвижил клиента с помощью тазера и вколол ему несколько инъекций торазина, чтобы отключился на время изъятия. Но надо же такому случиться, чтобы посреди процесса домой вернулась его жена и подняла крик, мол, они внесли все месячные платежи, это у нас напутали в бумагах и произошла ужасная ошибка. Я сочувствовал, но она не давала мне делать мою работу, поэтому снова пришлось применить тазер. Это разрешается законом — раздел десять, параграф три Федерального кодекса искорганов, препятствование лицензированному специалисту по возврату биокредитов, — но мне, сами понимаете, это радости не доставило.

Ну, в общем, изъял я «ИС-9», принес его в «Кентон», получил комиссионные, а спустя два месяца меня вызывают и говорят — это действительно была канцелярская ошибка, клиент не только вносил проценты в срок, но даже немного переплатил в итоге. Нормальный честный покупатель с безупречной кредитной историей, просто чей-то ляп в записях. Его жена позвонила по тому бесплатному номеру, когда я ушел, и вечно бдящая, как водится, служба по работе с клиентами не успокоилась, пока все не выяснила. «Кентон» послал меня извиняться.

Я пришел в тот дом с корзиной фруктов, подарками для детей клиента и бесплатными сертификатами на искорганы для

вдовы. Ей возместили полную стоимость того, что они уже выплатили за орган, плюс несколько тысяч долларов сверху — полагаю, в качестве бальзама на раны. По правилам Федерального кодекса, в случае ошибки полагается всего лишь возместить выплаченную сумму в полном объеме, и материальная помощь лишний раз доказывает, какие все-таки прекрасные люди работают в «Кентоне».

Я чувствовал себя Санта-Клаусом, вручая подарки детям и деньги вдове.

Комиссионные мне оставили.

Но эта девушка не желала ничего слушать: ее крики перешли в рыдания, вскоре сменившиеся всхлипываниями. Я предлагал ей встать, встряхнуться и приободриться, но девица была безутешна. Бонни, лежавшая рядом с ней на полу, пытаясь отвлечь от горестных мыслей, поднялась и резко отошла. В руках у нее была желтая квитанция.

— Вроде все чисто, — сказала она. — Джессика говорит, они скрывались несколько недель. Ее приятель электрик… то есть работал электриком, но попал под сокращение, деньги ушли на еду и оплату жилья, а щитовидка… ну…

— Знаю, знаю, — хмыкнул я. Слышал все это раньше. Еда, вода и крыша над головой — этому детей учат в школе. Три кита, на которых все держится; заботься в первую очередь об этом, а остальное приложится. Вранье. — В общем, их нашли.

Бонни кивнула:

— Сегодня утром, когда она вышла за едой. Они слышали шум, но надеялись, что в здании безопасно. Она купила хлеба и сыра дальше по улице, вернулась и увидела… это. Она отлучилась впервые за десять дней.

— Да здесь можно в десять минут уложиться, — сказал я. — Щитовидку вообще за пять достают.

Девушка вновь затряслась в рыданиях. Бонни пошла к ней, а я внимательно вчитался в оставленную квитанцию. Никогда не мог понять, почему люди выбрасывают деньги на искусственную щитовидную железу, когда существует отличная альтернатива — таблетки. Зачем связываться с заменой органа и наживать себе головную боль, если дважды в день можно проглотить тридцать миллиграммов левотироксина и забыть о проблеме?

Внизу квитанции ставится специальный код, который могут расшифровать только работники Кредитного союза. Из аккуратной цепочки цифр у нижнего края я узнал, что кредитный рейтинг клиента, когда он брал щитовидку, составлял восемьдесят четыре и четыре десятых — вполне надежный

уровень при сегодняшнем финансовом климате, и ему решили предоставить кредит под тридцать два и четыре десятых процента на сто двадцать месяцев. И снова все честно, учитывая обстоятельства. Свой «Джарвик» я брал под двадцать шесть и три десятых процента, но это специальная ставка, на которую пошли мои бывшие работодатели, которым я все равно не пошлю открытку на Рождество, скупердяям.

А вот и причина, по которой мы переезжаем, хватаем сумку и летим впереди собственного визга из прачечной и вообще из этой части города, едва забрезжит рассвет и ищейки-наблюдатели отправятся на боковую. В правом нижнем углу желтой квитанции стояла подпись. Там расписывается ответственный исполнитель, удостоверяя, что искорган возвращен союзу, клиент полностью оплатил свой долг, и счет с этого момента считается закрытым.

Мне хватило доли секунды, чтобы узнать почерк: я сотни раз выводил рядом собственную фамилию.

Я меньше всего хотел повстречаться с этим человеком, имеющим больше всего шансов меня найти.

Это была подпись Джейка Фрейволда.

XII

Однажды вечером, когда я еще был женат на Мэри-Эллен, Джейк зашел на ужин. После сложного заказа — изъятие целой респираторной системы, включая оба легких, — я пригласил его в гости, не спросив супругу. Мы с Мэри-Эллен пребывали на стадии медового месяца, поэтому она не стала устраивать сцену, когда я нарисовался с приятелем.

— Ну, Джейка ты помнишь, — начал я, пропуская его в дверь, отчего-то засомневавшись, знакомы ли они вообще. — Он мой товарищ по работе… — Я хотел сказать, что знаю Джейка с раннего детства и мы вместе служили в Африке с первого до последнего дня, но вспомнил, что военную тему в присутствии Мэри-Эллен лучше не поднимать, поэтому закончил так: — и до этого.

— Конечно, — кивнула она. Может, притворялась. В армии ей ставили бы высшие баллы за маскировку. — Входите. Я сейчас принесу третий прибор.

Обед получился светским раутом, полным отвлеченных разговоров о фильмах, политике, религии и прочих нейтральных тем, но за кофе с десертом кто-то бросил спичку на фабрике фейерверков. Джейк завел речь о работе, о клиенте, у которого недавно изъял мочевой пузырь, и Мэри-Эллен завелась с полоборота, осыпая Джейка градом словесных ударов и временами нанося хук с разворота:

— И вам не стыдно убивать людей?

— Как вы можете приходить домой и спокойно спать ночью?

— И долго вы потом отмываетесь под душем от крови?

— Где ж ваше чувство приличия?

— Человек вы или нет после всего этого?

Больше я гостей домой не приводил.

Но Джейк отбивал удары с ходу, отвечая на каждый вопрос Мэри-Эллен, и чем тише я становился, тем больше горячились они, устроив настоящий словесный поединок. Джейк отступал в угол, затем отталкивался и с боем прорывался к победе, но тут же начинался новый раунд. Наблюдать за ними было утомительно, и по истечении трех часов я отключился в мягком кресле, с пивом в руке, накрыв голову подушкой.

Вечером, когда Джейк ушел домой и мы остались вдвоем, я извинился перед Мэри-Эллен за то, что все вышло из-под контроля.

— Мне очень жаль, — сказал я, понимая, что больше мне не

позволят привести в гости лучшего друга. — Наверное, ты его возненавидела.

Помню, она уже откинула одеяло, готовясь лечь, но тут, помедлив секунду, повернулась ко мне и ответила:

— Вовсе я его не возненавидела.

Я удивился:

— После всего, что он сказал о союзе?

— В нем есть страсть, — объяснила она, забираясь в постель и натягивая одеяло до подбородка. — Не туда направленная, к сожалению, но он горит своей работой, а это я умею уважать.

— Значит, он не вызвал у тебя отвращения? — Я хотел услышать это отчетливо, даже записать на магнитофон.

— Страсть меня никогда не отталкивала. Отвращение вызывает апатия.

«Ух ты, — подумал я, — а она начинает меняться. Может, этот брак и вправду окажется удачным?»

Только когда мы выключили свет и почти погрузились в сон, я догадался спросить:

— Слушай, а я? Моя страсть тебе нравится?

Ответа не последовало. Наверное, Мэри-Эллен уже спала.

Джейк присутствовал при рождении моего сына. Я тогда вкалывал по двадцать часов кряду, отлавливая клиентов из списка «Сто самых разыскиваемых» и вспарывая худших из неплательщиков. Когда мне позвонили, я потащился в больницу и тупо смотрел, как Мелинда выталкивает Питера в реальный мир. Пока я вытирал полотенцем ее влажный лоб, на пейджер пришли три сообщения от моих наблюдателей, обнаруживших клиентов.

Слава Богу, Джейк тоже поехал со мной в больницу. Мы спросили его, не хочет ли он быть крестным, и как только он согласился, я поручил ему заботу о новорожденном и молодой мамаше и уехал на работу. Неделя выдалась весьма и весьма напряженная.

На скромных военных похоронах Гарольда говорил только Джейк. Я никогда не умел хорошо выступать на людях, а кроме меня, лишь он знал Гарольда дольше полугода. Джейк на один день прилетел в Намибию из нового разведподразделения в Северной Африке — он по-прежнему не имел права рассказывать, чем занимался, но мы воображали себе шпионские интриги и рискованные операции, — чтобы достойно проводить товарища в последний путь. Прах собрали в маленькую керамическую урну, хотя Тиг признался — полной уверенности, что внутри оказались исключительно останки Гарольда, ни у кого нет.

— В танке было три человека, — объяснил он нам с Джейком, когда мы шли в палатку, наскоро превращенную в часовню. — А осталась тошнотворная каша. Пришлось собирать как попало, а потом раскладывать на три кучки.

На церемонии Джейк произнес очень трогательную речь. Он говорил о любви, чести и мужском братстве, о дисциплине, боевой выучке и знаниях, которыми Гарольд послужил своей стране.

— Я лишь хочу, — закончил он, озорно подмигнув мне, — когда придет мое время оставить цветущую, зеленую землю, чтобы меня, подобно Гарольду, окружали друзья в смерти, как было и в жизни.

— Аминь, — дружно ответил строй.

Наверное, Мелинду тоже кремировали. Питер не рассказывал мне о похоронах. Он даже не позвонил. Я точно знаю, потому что в те дни сразу хватал трубку, надеясь, что звонят с тотализатора или какой-нибудь лотереи с хорошими новостями. Последние адресованные мне слова сына были: «…в этом-то и проблема», — прежде чем он выбежал из «Снэк шэк». Дальше — тишина. Интересно, придет ли он на мои похороны? И возьмет ли вообще трубку?

Но я помню наш с Мелиндой разговор в первые годы брака. Питер еще не родился, он даже не был зачат, и мы с женой болтали после особенно неистового занятия любовью. Нам всегда нравилось поговорить в постели, пока еще не начались вечерние ток-шоу.

— Как ты думаешь, в раю есть секс? — спросила она.

Я утвердительно промычал.

— А как тебе кажется, для этого нужно иметь тело?

Я пожал плечами, переключая каналы с дистанционного пульта.

— Тело всегда нужно.

— Но не в раю, — возразила жена. — Там только души.

— Если нет тела, — начал я, — значит, нет секса. Половые органы — на теле, рты — на теле. Нет тела — нет половых органов, тогда какой смысл заниматься сексом? Да и вообще никакого смысла.

Но Мелинда не согласилась. Полулежа на подушке — упругие груди двумя холмиками выделялись под простыней, — она привстала и постучала мне по лбу. Она всегда делала это ласково — по крайней мере в то счастливое время, давая мне понять, что я олух и ничего не смыслю.

— Ты балбес! Тело просто домик для души. То, чем ты

зарабатываешь на жизнь — ну, всякие искорганы, — все это вспомогательное оборудование, система поддержки того, что действительно заставляет нас поступать так, а не иначе.

Мне хочется думать, что она была права. И я бы ответил, но тут началось ток-шоу, и мы перестали волноваться за себя и начали переживать за звезд.

Мой искорган, в двух словах:

Одна (1) система «Джарвик», тринадцатая модель.

Стандартные характеристики: выполняет все функции человеческого сердца, включая насосную и распределительную. Соединения со всеми крупными венами и артериями стандартные, выполнены из титанового силикона. Выпускается в четырех цветах — «кардинал», «лайм», «сосна» и «синяя птица». Автоматический монитор частоты сердечных сокращений самостоятельно определяет степени активности и состояние организма и соответственно регулирует кровоснабжение. Имитация естественных звуков и ощущение биения сердца. Гарантия пять лет, то есть сто пятьдесят миллионов сокращений.

Дополнительные функции «Джарвика-13»: пульт управления, укрепляемый на бедре клиента, позволяет произвольно увеличивать или снижать ЧСС до установленных верхнего и нижнего пределов. Перезаряжаемый аккумулятор, расчетный срок службы — сто лет. Музыкальный плеер с памятью на шесть терабайт с записью восьми тысяч любимых песен клиента; музыка транслируется методом проведения звуковых волн к внутреннему уху через костную ткань нижней челюсти.

Стоимость по накладной дилера — сто пятьдесят две тысячи долларов. Стоимость с дополнительными функциями — сто восемьдесят три тысячи долларов.

Прямое финансирование через Кредитный союз, годовая ставка кредита двадцать шесть и три десятых процента или двадцать пять и восемь десятых при расчетах через автоматизированную систему. Первый взнос двадцать процентов — около тридцати шести тысяч долларов, остаток задолженности — сто сорок семь тысяч долларов, страховка искоргана — четыре тысячи восемьсот долларов в год.

Сумма ежемесячных платежей (по основной сумме и процентам): три тысячи восемьсот пятнадцать долларов шестьдесят два цента.

Внесено на сегодняшний день: тридцать девять тысяч четыреста тринадцать долларов.

Внесено процентов: тридцать шесть тысяч сто три доллара.

Внесено по основной сумме: три тысячи триста десять

долларов.

Не погашено: до фига.

Чуть не забыл самый важный пункт.

Месяцев просрочки платежа: достаточно.

При выдаче кредита вам доходчиво разъясняют наказания за опоздание с платежами, ставя в известность о методах давления и возможном изъятии неоплаченного товара — закон есть закон, в конце концов, — но большинство клиентов, получив кредит, пребывают в эйфории и готовы подписать почти любую бумажку, оказавшуюся перед ними на столе. И все равно это лучше, чем раньше, когда очередной невезучий здоровяк погибал какой-нибудь ужасной смертью и его печень пересаживали нуждающемуся, причем в восьми из десяти случаев организм отторгал трансплантат.

На обучающих семинарах в рамках программы возврата кредитов на наши головы обрушивалась статистика. Из тысяч сразу забывшихся цифр одна все же застряла в памяти: до того как силами Кредитного союза широко внедрили трансплантацию искусственных органов, только в США сто двадцать тысяч человек каждый день ожидали, чтобы кто-то умер и сдал товар. Несмотря на впечатляющие способы, которыми люди убивали себя в былые времена, соответствующих критериям доноров никогда не хватало, поэтому невероятное число граждан — хороших и плохих, но одинаково умирающих, — были попросту предоставлены своей судьбе из-за отсутствия нескольких сотен граммов особым образом организованных клеток.

Я считаю это анахронизмом: сегодня лишь беднейшие или злоупотребившие кредитом настолько, чтобы попасть под уголовную ответственность, не могут получить искорган в рассрочку. Некоторые компании, занимающиеся продажей уцененных товаров, обслуживают в том числе клиентов с небезупречной кредитной историей, принимая в качестве залога даже вещи. Слышал об одной фирме за границей, где раздают «Джарвики» направо и налево: все, что нужно сделать, — это подписать контракт на десятилетнее рабство. Десять лет работы за путевку в жизнь — не самая плохая сделка, а?

Поэтому когда сотрудники Кредитного союза приближаются к вам с ворохом бумаги и ручкой, вы инстинктивно хватаете их и судорожно подписываете одну за другой. Так поступил и я.

Хочу заранее предупредить, что я:

а) Не питал иллюзий. Я знал о наказании в случае

неплатежей. Знал о нем, подписывая бумаги. Знал, когда перестал высылать чеки. Знаю и сейчас, сидя в заброшенной прачечной.

б) У меня не было выбора. Я полулежал на больничной койке в объятиях морфина, мерно капающего в трубке капельницы, с новым «Джарвиком-13» в груди, имплантированным бригадой врачей, которые приняли решение за меня и без меня, когда я умирал на каталке. Джейк и Фрэнк стояли в палате с улыбками на физиономиях и цветами в лапах, радуясь, что видят меня живым, что я снова в команде. Искорган был внутри, своего сердца не осталось, что мне оставалось делать? Вырвать его из груди? Тут у меня опыта не имелось.

Только что Бонни приходила из смежной комнаты сообщить, что ложится спать. «О'кей», — говорю. Она пожаловалась, что устала, а после ночного сна, глядишь, и посвежеет. «Правильно мыслишь», — похвалил я. Она что-то мнется — пол, мол, холодный, не знаю, как согреться. Я говорю: «Нет проблем, забирай брезент». Она вздохнула и вышла.

Через пять минут до меня дошло. Я дал себе кулаком полбу, но это, как вы понимаете, никакого сравнения.

После гибели Гарольда война превратилась в длинную череду безликих дней, сменявших друг друга. Мы ни разу не брали город штурмом, не разоряли поселений, не совершили ни одного из чудовищных зверств, о которых кричат в теленовостях, равно как и героических поступков, вдохновляющих родной город смельчака на стихийный парад с серпантином и конфетти. Танки ползали по пустыне, пожирая пространство, продвигая передовую линию американских войск чисто по инерции, и день за днем враг любезно отступал без особого сопротивления.

Одной апрельской ночью я переехал танком двух змей и неизвестную пушную тварь. Это были единственные нанесенные мною Африке подтвержденные потери за ту неделю. Экипаж устроил пирушку в мою честь.

В ту же самую ночь за восемь тысяч миль от Африки мой папаша пристроил ноги на обитую зеленым вельветом оттоманку в своей отделанной деревом «берлоге», наслаждаясь бренди с молоком, собираясь немного посмотреть ночное шоу и уснуть еще до второй рекламы, когда крупный сосуд его мозга разорвался и отправил папу из нашего измерения в невозвратную даль. Когда мать нашла его две минуты спустя, мозг уже умер. К моменту приезда «скорой» папа умер целиком.

Мне оплатили трансатлантический перелет, хотя я предпочел бы остаться в пустыне. Не то чтобы мне не хотелось проводить

папаню — мы любили друг друга в неправильной современной манере, но в старом родном городишке я чувствовал себя чужаком. Где песок? Где испуганные местные жители? Где мое кресло управления?! Кровать казалась слишком плоской и пугающе простой — где подлокотники, поддерживающие меня в одной позе?

Сэм Дженкинс, папин сослуживец, мужчина средних лет, имевший привычку объедаться пончиками, запивая их диетической колой, и угощать меня малоинтересными, но многократно повторяемыми рассказами о своих дочерях-близнецах, на похоронах встал за моей спиной и похлопал мясистой рукой по плечу. Изо рта у него разило подсластителем-сахарином.

— Как ты, держишься? — спросил он, стиснув мое предплечье.

— Я в порядке, сэр, — ответил я.

— Молодец. Что тебя заставляют делать в пустыне? Убивать ради нас всяких бяк?

— Типа того, — согласился я.

— Молодец.

Следующие несколько часов я стойко держался, терпеливо высидев надгробные речи, демонстративно пряча слезы, когда гроб опускали в могилу, поддерживая мать, если ее требовалось поддержать. Но после похорон, когда очередь соболезнующих оказалась поистине бесконечной, во мне что-то взорвалось против всех этих стандартных фраз и умильных слов, будто отпущенная штора светомаскировки взвилась к потолку.

— Дорогой мой мальчик, — томно протянула моя двоюродная бабка Луиза, которая через восемь лет унаследовала крупную сумму на рынке ценных бумаг и сделала себе все существующие пластические операции. — Как прия-а-атно тебя видеть. — Тогда, до пластики, она быстро приближалась к точке распада: кожа заметно пожухла после многих лет старательного загорания и сомнительных гелей для душа. — Мальчик мой, я хочу знать, что они там с тобой делают.

— Ничего не делают, — поклялся я. — Это просто работа.

— Ничего себе работа — людей убивать, — фыркнула она. — Ты же не убиваешь людей, дорогой мой?

И у меня вырвалось, прежде чем я успел прикусить язык, с другой стороны, даже обдумывай я ответ битых шесть дней, все равно сказал бы то же самое:

— Отчего же, тетушка? Голыми руками, при малейшей возможности.

Командование разрешило мне съездить в Сан-Диего перед отправкой обратно в Африку: я соврал, что там у меня похороны двоюродного брата, умершего как раз в тот день, и меня позвали нести гроб. Я даже просмотрел газетные некрологи и выбрал подходящего к легенде покойника.

Сойдя с трапа самолета, я заловил такси и велел ехать в район красных фонарей. Меня удивило, что ладони остались сухими, а сердце билось ровно. Аллюр, которым я прежде спешил в тот квартал, а кишки, по ощущениям, скручивались в тугие узлы, пропал, как не бывало. В тот раз я замечал и облезлую краску, и морщинистую кожу. Заманчивые неоновые огни оказались просто трубками, пустыми и ничего не значащими. Несмотря на мой так называемый брак с Бет, я никогда раньше не бывал на ее рабочем месте средь бела дня. Несколько раз, навещая квартал под палящим солнцем, я, строго говоря, шел не в массажный салон. Я шел к Бет, то есть уходил в другой мир, пахнувший сиренью, где бешеные поцелуи вызывали настоящее торнадо.

Бумаги о разводе валялись у меня уже несколько месяцев, но я еще ничего не подписал: в душе поднималось мучительное волнение всякий раз, когда я подносил ручку к красной линии, и даже после сотни попыток я не смог доделать дело. Рука дрожала, тряслась и отказывалась ставить подпись.

Но у меня была задумка. Я привез бумаги с собой в США и сейчас, выйдя из такси в центре Сан-Диего, прокручивал замысел в голове, как генерал — план будущей битвы. Я ворвусь в офис к Бет — в те дни я предпочитал называть место ее работы именно офисом, — вышвырну того, с кем она будет встречаться в ту минуту, сгребу ее в охапку и поцелую со всей силой, на которую способны мои губы, мы рассмеемся и вместе порвем эти бумажки — она возьмется слева, а я справа. Затем закат, дети и хеппи-энд.

Как говорят военные, миссия завершилась с пятипроцентным успехом. Я отлично ворвался в ее офис, в этом нет сомнения.

Но там я увидел Дебби, прелестную восемнадцатилетнюю уроженку Техаса, делавшую первые шаги на новом поприще, а рядом двух здоровенных парней, которых Дебби одновременно обслуживала за триста баксов с каждого. И от этого зрелища я второй раз в жизни потерял сознание.

Больше я ее не видел — я имею в виду Бет. И Дебби тоже. Надеюсь, что безобразная сцена в массажном салоне навсегда отпугнула малышку от проституции. Квартиру Бет, как я вскоре выяснил, уже сдали другим жильцам, и в своих излюбленных кабаках она перестала появляться. Никто не хотел помочь мне

отыскать ее; им явно много чего напели в уши. Похоже, моя женушка все предусмотрела.

Я бродил по городу два дня и две ночи, траля улицы и показывая фотографии Бет всем встречным и поперечным. Большая часть снимков была будуарного характера, но я рассудил, что если кто-то ее и узнает, то именно в таком виде. Городские легенды о ненормальном психе, который шляется по Сан-Диего, приставая к прохожим с непристойными фотографиями, возникли благодаря вашему покорному слуге. Однажды я вроде бы заметил знакомый силуэт — Бет сворачивала за угол, виляя задом, но когда добежал туда, в переулке никого не оказалось, за исключением сморщенной приземистой бродяжки, предложившей подрочить мне за порцию моцареллы.

Я подписал бумаги о разводе на борту самолета, летевшего в Африку.

За столько лет я позабыл, как она выглядела. Вспоминается какой-то стереотип — длинноногая, фигуристая, грудастая блондинка. Типичная шлюха, только без чулок в сеточку: сетчатые чулки Бет на дух не переносила.

Зато я помню Мэри-Эллен. По крайней мере ее длинные ноги и руки и то, как живот под ребрами проваливался маленькой ложбинкой, а к бедрам выпукло округлялся — восхитительная пригоршня плоти, которую я тысячи раз целовал в те шесть месяцев, которые мы прожили вместе. И я помню упрямый подбородок Мэри-Эллен, ее вздернутый нос и ярко-голубые глаза, и даже если все подробности не складываются в единый облик, разве это хуже, чем помнить саму Мэри-Эллен?

Конечно, я помню Мелинду. В конце концов, я видел ее сравнительно недавно.

Я помню Кэрол и то, как она заставляла меня чувствовать, что мне нельзя всего этого забывать. Я помню, как она притягивала меня к себе посреди ночи и отпихивала, едва я начинал ощущать себя комфортно в такой близости. Я помню Кэрол, поскольку она ни за что не хотела менять эту привычку.

А Венди, которую по идее должен помнить особенно четко, ведь такую я искал полжизни и потерял всего через несколько лет, вспоминается реже и реже. Я могу вызвать ее в памяти и рассматривать как вздумается, но лишь по частям. Если пробую вспомнить Венди целиком, образ расплывается и приходится начинать все заново. Я могу представить себе ее панорамной съемкой — камера медленно поднимается от ступней до волос, как снимали инженю в старых фильмах, или плотоядно поводить объективом от грудей к лицу и обратно, но ничего целого, все

неуловимо-мимолетное.

А теперь Бонни, ходячая загадка. Сейчас она в соседней комнате, но хотя до нее всего шестьдесят футов, мне трудно отделить ее облик от моих бывших жен. Как видеосъемка со спецэффектами — нос от одной, губы от другой, и выходит не женщина, а новый Франкенштейн.

Однако что-то в ней постоянно заставляет меня вспоминать прежнюю жизнь, пытается помочь мне соединить ее с теми, кого я знал, и тем, что я делал. Я еще не понял природу этого явления. Часто кажется — вот-вот вспомню, но стоит погнаться за мелькнувшей мыслью, как она ловко уворачивается, словно дети от водящего в «салках». Ничего, пойму рано или поздно.

Конечно, я мог бы сходить в другую комнату и посмотреть, как выглядит Бонни. Спросить ее, почему, черт побери, она кажется мне такой знакомой. Вряд ли она станет возражать. Я бы не стал.

Но уже поздно. Я устал. А завтра переезд.

XIII

Характеристика современного Человека-биокредиты-возвращающего выглядела бы примерно так:

По природе всеяден, почти обязательно мужского пола, чаще всего одинок. Питается готовой пищей и напитками или остатками съестных припасов в доме клиента, когда ограничен временем. По привычке то и дело поглядывает через плечо, опасаясь нападения. Осторожен, умен, хитер. Носит часы, иногда двое, всегда синхронизированные по местному времени. Со стандартным комплектом оборудования Человек-биокредиты-возвращающий способен видеть в темноте, сканировать незнакомые объекты на большом расстоянии и обгонять клиентов почти в любом забеге на длинные дистанции. Нередко слишком много пьет и курит, растрачивая и прожигая здоровье любыми способами, которые приходят в голову, а когда фантазия истощается, спрашивает у других, чем бы еще позлоупотребить.

Идя по следу, Человек-биокредиты-возвращающий сливается с тенью, приглашая ночь в партнеры. Мало кто его видит. Еще меньше людей могут от него спастись. Единственный звук, который он издает, — шипение эфира, исходящего из переносных канистр, и к тому времени, когда клиент догадается о природе тихого свиста, обычно бывает уже поздно. Визитная карточка Человека-биокредиты-возвращающего — желтая квитанция, оставленная на поверженном теле, подписанная в трех экземплярах.

Человек-биокредиты-возвращающий — ночная птица.

Это, кстати, следовало бы положить на музыку, лучше торжественно-минорную: Человеку-биокредиты-возвращающему необходим ореол таинственности.

Прожив, таким образом, большую часть жизни, я накопил достаточно опыта, чтобы покинуть прачечную днем, когда все порядочные биокредитчики отсыпаются дома без задних ног. Когда часов в шесть выглянуло солнце, мы с Бонни крадучись выбрались из полуразрушенного здания и попытались смешаться с остальными обитателями городского дна, начинавшими свой длинный рабочий день попрошаек. Бонни, чье лицо с каждым часом, проведенным вместе, становилось все более знакомым — наваждение какое-то, честное слово, — одолжила мне большую спортивную сумку, в которой я нес свой арсенал, за исключением скальпелей и «маузера», рассованных по карманам. Бонни тоже

шла не с пустыми руками, хотя я затруднялся определить, что у нее есть и где; оружие бесследно исчезало под облегающим пальто.

Через двадцать минут пути нам попалась захудалая, плохо освещенная забегаловка. Сев за стол у дальней стены, мы заказали тосты и яичницу — платила Бонни — и стали соображать, куда, черт побери, идем.

— Надежный приятель, у которого можно отсидеться, — предложил я.

Бонни пожала плечами:

— Я растеряла почти всех друзей.

— А у меня никогда не было много приятелей. Только в союзе, но к ним мы не пойдем.

Она кивнула, поджав губы.

— Насколько ты просрочил?..

— Достаточно, — ответил я. — Спустя три месяца уже не важно, сколько именно.

Она отпила глоток теплой воды из-под крана, которую нам принесли.

— А ты пробовал поговорить с менеджером по кредиту?

Неожиданно для себя я засмеялся:

— Кредитный менеджер — мой прежний босс. Раз я у него больше не работаю, с чего бы ему идти со мной на сделку… А ты?

— Разумеется, — сказала она. — У меня было три кредитных менеджера…

— Впервые о таком слышу.

Бонни улыбнулась, и обшарпанная забегаловка исчезла. Осталась только эта улыбка, остальное потеряло всякое значение.

— А я полна сюрпризов. Они очень хотят тебя поймать?

— Я в сотне наиболее разыскиваемых, — ответил я, чувствуя себя как-то странно, словно хвастаюсь этим.

— Ах ты проказник!

— А то!.. Под номером двенадцать.

Если на Бонни это и произвело впечатление, то виду она не подала, продолжая потягивать воду и разглядывать обстановку, — осталась спокойной.

— А в тебе что новенького? — спросил я. — Я знаю про «Воком», про уши — а еще?

— Есть кое-что, — проговорила она. Дразнит меня, что ли?

— Например?

Ее глаза сузились в маленькие щелочки. У меня возникло ощущение, будто она снова меня изучает, пытаясь отгадать, что я за человек. Готов поклясться, долю секунды я слышал едва уловимое жужжание сфокусировавшихся механических линз, тут

же уехавших в обратном направлении.

— Можешь спросить о трех органах, на выбор, — сказала она.

— У тебя еще три искоргана?!

— Выбирай.

Масса органов, мало времени. Я уже знал об ушах и глотке новейших и самых дорогих вокомовских моделей, поэтому решил далеко не искать.

— Глаза, нос, рот.

И вот что она ответила.

* * *

— Оба моих глаза — «Маршодин динамикс», каждый со стандартным стократным увеличением и оптимизированным восприятием спектральных цветов. В левом имеется дополнительная линза, которая устанавливается, если я моргну три раза подряд; с ее помощью можно увеличить удаленные объекты в триста раз, но тогда у меня начинаются головные боли. В правом глазу есть функция двухсоткратного макроувеличения, позволяющая видеть как в микроскоп, но от этого меня начинает тошнить. Если применить эти функции одновременно, дело кончится тем, что я буду ходить кругами, глотать аспирин пачками и блевать. Кредит у «Маршодин» получен через Кредитный союз под двадцать девять и восемь десятых процентов годовых.

Носовой хрящ силиконовый, производства виргинской корпорации «Бун», но сенсоры и нервные проводящие пути — дженерики[19] Кредитного союза. Возможности у этой модификации скромные, но я могу блокировать определенные дурные запахи и усиливать некоторые приятные. В последнее время это просто неоценимая функция. Прямой кредит через союз по специальной ставке двадцать семь и четыре десятых процента годовых.

Мой рот — настоящий универмаг фирменных искорганов, но раз уж ты интересуешься, устрою тебе бесплатную экскурсию. Губы мои собственные, но сенсоры в них — «Кентон», под тридцать два процента; язык — регулируемый полимер, содержащий в четырнадцать раз больше вкусовых сосочков и блокировку наподобие носовой, тоже дженерик Кредитного союза, под двадцать восемь и четыре десятых процента. Искусственные зубы изготовлены ортодонтом, без процентов. Я ответила на твой вопрос?

* * *

И тут все встало на свои места. Пока Бонни долго и подробно распространялась о своих искорганах, она подалась вперед долить себе сока и нетерпеливо отбросила рукой выбившуюся прядь, упавшую на глаза. Прядь свесилась набок, впервые после нашего знакомства я наконец-то смог толком разглядеть лицо Бонни и вдруг как-то сразу понял, отчего она кажется такой чертовски знакомой.

— Номер один, — вырвалось у меня. На нас обернулся кто-то из посетителей. Спохватившись, я понизил голос: — Ты возглавляешь список…

— Не обязательно объявлять об этом окружающим, о'кей?

— Я видел перечень должников, — продолжил я шепотом. — В офисе в торговом центре. Я искал свое имя…

— Я действительно номер один в большой сотне. Или ты думаешь, я прожила столько времени, не зная элементарных вещей?

Я не успел ничего добавить — подошла официантка с нашим завтраком, грохнув на стол тяжелые тарелки. Прежде чем продолжить, я набил рот беконом.

— Сколько ты в бегах? — негромко спросил я. — Должно быть, немало, раз поднялась на такое почетное место?

— Это не из-за времени, — поправила меня Бонни. — А из-за количества. Когда-нибудь я разрешу тебе спросить о моем теле.

Мои любимые рекламные ролики Кредитного союза, в произвольном порядке:

1. «Что в тебе новенького?» Хотя эта фраза в наши дни прочно вошла в обиход, я удивлюсь, если кто-нибудь помнит саму рекламу. Это был один из первых роликов Кредитного союза, где трое детишек разных рас пели о своих недавно имплантированных искорганах. Они отбивали чечетку на фоне мировых исторических памятников, неся жизнь и любовь жителям всех стран. Новая поджелудочная у Тадж-Махала, усовершенствованный мочевой пузырь у подножия Биг-Бена, и каждый пациент демонстрировал отличное здоровье после легкой операции и быстрого восстановления. Больше, чем сам ролик, меня впечатлила легкость, с какой фраза пошла в массы. Сейчас вопрос «Что в тебе новенького?» почти заменил традиционное «привет». Уверен, за свою изобретательность сотрудники отдела маркетинга получили большие годовые бонусы.

2. Появление Гарри-Сердца и Ларри-Печени. Я знаю, что это старье, эта реклама достала и всех уже тошнит при виде

мультяшных персонажей, мягких игрушек, тематических луна-парков и ресторанов фаст-фуда с навязанными в нагрузку куклами, но я обожаю приключения этой плутовской анимационной парочки. «Волшебное путешествие Гарри и Ларри» было первым шестиминутным информационным роликом, ставшим хитом на рынке и сотворившим чудеса для имиджа Кредитного союза. Лучшая часть — когда Гарри и Ларри жмут друг другу руки на боксерском ринге, огороженном бинтами, осознав наконец, что вместе они работают лучше, чем по отдельности. Еще и урок морали для детей.

3. «Спроси меня о моем мозге». Возможно, самый смешной ролик, придуманный нашим отделом маркетинга, хотя фактически это была реклама первой кентоновской ЦНС «Призрак». Там парень с невероятной памятью бегает по городу — снято ускоренной видеосъемкой в десять раз быстрее обычной, — и когда возвращается в свой офис и его спрашивают, где был, он отбарабанивает свои приключения без единого упущения. Этот ролик сделал популярным аналог фразы «Что в тебе новенького?», создав возможность для пациентов с искорганами непринужденно упомянуть обновку в разговоре. В конце концов, нет ничего постыдного в том, чтобы жить с трансплантатом.

Эти три рекламных ролика запомнились, может, потому, что остальные я забыл. Память уже не та, что раньше; вероятно, имело смысл поставить себе «Призрак», когда была возможность. На сегодняшний день я могу сказать лишь «Спроси меня о моем сердце», но теперь, спустя год после операции, гламур заметно потускнел.

Забавно, что первый рекламный ролик Кредитного союза я увидел во время повтора «Человека на шесть миллионов долларов».[20] Не оригинального сериала, конечно, и не обновленной версии, но третьего сезона второго ремейка, после того как упразднили программу. Реклама была про сердце, кажется, про уникально высокую безопасность имплантации «Джарвика». Ирония ситуации не столько позабавила, сколько испортила настроение: даже с безукоризненной кредитной историей, которой, без сомнения, отличался Стив Остин, в наши дни черта с два он выбрался бы из больницы меньше чем за двенадцать миллионов.

Ни у одной из моих жен не было искорганов, за исключением Мелинды, да и тот она вставила уже после развода. В годы нашего брака у нее было все свое, чем она немало гордилась, презрительно фыркая в адрес клиентов, в чьи дома я еженощно

наведывался.

Но когда Питеру исполнилось двенадцать, как-то раз в выходные, которые он проводил у меня по пригово… в смысле предписанию суда, он проболтался, что мама легла на операцию.

— Какую? — спросил я.

— Почки, — невинно ответил он, вытаращив глаза от искреннего восхищения. — Ей вставят новые.

— Какие? — поинтересовался я по возможности равнодушно, еще не зная, что двенадцатилетним незнакомо равнодушие.

— «Гейблман», — с гордостью сообщил он. — Мне все друзья завидуют.

Вот так я узнал, что Мелинда решилась на апгрейд. Скорее это хорошо, что я узнал тогда, а не потом, но я все равно гадаю, изменилось бы что-нибудь, если бы Питер не проболтался?

Пожалуй, нет. Я все равно убил бы ее.

У Бонни было надежное место, куда мы могли пойти. Вернее, у нее имелся друг, который знал, где можно отсидеться. Я радовался и этому — у меня идеи кончились.

— Значит, ты ему позвонишь? — спросил я, когда мы отошли от кафе на несколько кварталов. Я напряженно разглядывал толпу, пристально ища на лицах застывшую улыбочку осведомителя Кредитного союза, ожидающего сигнала сканера и высветившейся информации, чтобы нас сдать.

— Телефона нет, — отозвалась Бонни. — Мы к нему съездим. Он и с коленом что-нибудь придумает.

— Нет, — взвился я, — мы не можем довериться постороннему…

— Он надежный, — заверила Бонни. — Не из союза.

«Не из союза» — обтекаемое название дилеров черного рынка, и хотя я иногда выполнял для них изъятия, мне аутсайдеры не по нутру. Обычно это бывшие кредитные инспекторы, заключившие сделку с дядей не самых честных правил на фирме-производителе; они крадут искорганы с полок и продают по сниженной цене и под небольшой процент. Порой эти типы без комплексов, но с манией величия идут к клиентам с лицензированными специалистами по возврату биокредитов, ждут, пока за них сделают грязную работу, и, так сказать, обшаривают тело изнутри в поисках оставшихся искорганов. Служащий Кредитного союза изымает трансплантат согласно наряду; аутсайдеры растаскивают остальное.

Но что касается нашей личной безопасности, дело было верное. Рыльце у этого друга наверняка в пушку и нет интереса доносить про нас в Кредитный союз, сколько бы денег ни

обещали за наши головы.

Да и что нам оставалось? Мы пошли к аутсайдеру.

Большую часть своей профессиональной жизни я костерил аутсайдеров последними словами; это были конкуренты, выхватывавшие кусок из нашего рта. Специальные оперативные группы постоянно вели поиск и нередко накрывали их «малины», но чаще возвращались с пустыми руками. Мы были львами, они — стервятниками. Но если бы не их мышиная возня, я не познакомился бы с Мелиндой.

Шел седьмой год моей карьеры в союзе, Мэри-Эллен давно превратилась в зыбкое воспоминание, от которого слегка сжималось в животе, вроде как при несварении желудка. Работа шла хорошо: мне присвоили третий уровень, что позволяло проводить изъятия, которые раньше делать законно я не имел права. Это означало доступ в круг квалифицированных профессионалов и знаменитых клиентов, а также выполнение деликатных заказов.

Вечером Фрэнк вызвал меня к себе в кабинет и вручил тощую папочку, где, как нарочно, собрались все возможные осложнения. Пожилая леди, прожившая столько, что всем бы нам так, прекратила перечислять взносы за свой «Джарвик» несколько месяцев назад; Кредитный союз хотел вернуть свою собственность до того, как старушка преставится и заберет дорогостоящий прибор с собой в могилу. Подобное случалось и раньше — безобразные ситуации, требовавшие хлопотных эксгумаций и повергавшие в истерику наш отдел пиара, поэтому мне поручили забрать прибор до того, как события примут нежелательный оборот.

Дом престарелых находился на окраине города рядом с безликими многоэтажками с дешевыми квартирами, наискосок от бензозаправки. Мусор на тротуарах, покосившиеся заборы, машины, мчавшиеся по оживленной улице рядом. Трехразовое питание — жидкая овсянка, комната отдыха с двумя настольными играми, в которых не хватает трети фишек. Сюда любящие детки отправляли своих родителей, дедушек и бабушек в отместку за то, что много лет назад не получили на Рождество заводную машинку.

Пара слов для Питера.

Убей меня, если хочешь. Нет проблем.

Выследи меня и отомсти. Пытай. Заставь визжать. Я пойму.

Но если отправишь в подобное заведение, если заживо похоронишь в такой вот дыре, где меня будут поддерживать в

добром здравии шестнадцать таблеток в час, тогда хрен тебе в завещании, сынок.

У миссис Нельсон стоял «Джарвик-11», недорогая модель без всяких наворотов. Точная информация о «Джарвике» была заложена в мой сканер, чтобы я легко вычислил старушку в дебрях бесчисленных искорганов, в доме-то престарелых. Я не задумывался всерьез о том, чтобы наполнить помещение парами эфира: во-первых, я его с собой не брал, во-вторых, вряд ли старики способны дать адекватный отпор. Ох, не люблю я проводить изъятия у пожилых. Их дни сочтены, они уже собираются в дорогу, а тут я набрасываюсь и отнимаю у них последние отпущенные минуты, это с одной стороны. С другой — надо вовремя оплачивать счета.

Я вошел через парадную дверь и миновал приемную, призвав девицу за стойкой к молчанию, приложив палец к губам (своим). Она, видимо, была новенькой и при моем появлении будто прикипела к стулу. Из озорства я включил сканер. Он пискнул. Девушка подскочила. Я послал ей воздушный поцелуй и пошел дальше.

За несколько лет до этого Джейк отдавал модифицировать мой сканер, поэтому я сразу набрал массу информации, бродя по коридорам. В тот день было жарко, и я пришел в черной футболке; татуировка Кредитного союза на шее действовала на людей как беззвучный взрыв. Обитатели шаркали туда-сюда, некоторые с «ходунками», другие самостоятельно, и смотрели на меня, что-то бормоча себе под нос. Некоторые отворачивались в тщетной попытке скрыть неоплаченные искорганы.

— Я не за вами, — говорил я самым испуганным. — Идите по своим делам.

Это их успокаивало. Возможно, они станут моими клиентами через неделю или месяц, но не было никакой необходимости им об этом сообщать.

Сигналы приходили со всех сторон, и я бегло просматривал данные в поисках «Джарвика-11» миссис Нельсон. Здесь было слишком много трансплантатов, чтобы увидеть все сразу. Уменьшив поле сканирования, я остановился посреди одного коридора, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, стараясь изолировать сигнал. На дисплее мелькнула цифра одиннадцать, я быстро включил обратную перемотку и захватил цель. Когда на экране побежали подробные характеристики искоргана, я был уже в комнате.

Две женщины. Одна старая, другая молодая. Одна с искорганом, другая без. Одна в кровати, другая в кресле. Одна

спит, другая бодрствует с широко раскрытыми глазами. Понять все это было нетрудно.

Молодая — сиделка, как я предположил, — попыталась мне помочь.

— Вы ошиблись дверью, — сказала она. — Прошу вас выйти.

— Извините, мэм, — ответил я, — но мне надо сделать кое-какую работу для Кредитного союза. А вот вам действительно лучше выйти. Это зрелище не для женщин.

Ничуть не испугавшись, она решительно приблизилась ко мне вплотную. Я и не думал отступать. Она была высокой, почти моего роста, с узким заостренным лицом, копной огненно-рыжих волос и царственной осанкой.

— Я знаю, кто вы и что делаете, и еще раз повторяю — вы ошиблись дверью. Это Сельма Джонсон, у нее нет того, что вам нужно.

Я взглянул на сканер — с дисплея мне подмигнул искомый «Джарвик-11». Одна из первых моделей, без дополнительных функций, два желудочка и два предсердия качают кровь до бесконечности. Устройство отчего-то не давало серийного номера и имени владельца, но заново откалиброванные сканеры порой начинали глючить. Взаимные уступки технологий.

— У нее «Джарвик-11», за которым я пришел, — сказал я, пытаясь обойти сиделку и подойти к лежавшей на постели. — И он нужен мне до полуночи. Работа есть работа, леди.

— Я знаю, что это ваша работа, и все же вы ошиблись, балда. — В первый раз Мелинда назвала меня этим ласкательным прозвищем, и даже тогда, задолго до нашей свадьбы, у меня по спине побежали мурашки от удовольствия.

Именно в тот момент я впервые убедился, какой упрямой бывает моя третья бывшая жена. Выстрелом из тазера я мог отправить ее отдыхать, но отчего-то предпочел беседовать без электростимуляции. Мне словно хотелось ссоры с этой женщиной — в центры удовольствия моего мозга поступали настойчивые импульсы, словно именно этой выволочки мне и не хватало всю жизнь.

Терапевта Кэрол это немало повеселило.

— Она приобрела «Джарвик» у аутсайдера, — призналась наконец Мелинда. — Ясно? Вы не можете его забрать, поскольку это не собственность союза.

— А сканируется одинаково.

— Можно подумать, с одним искорганом ходят два человека, — саркастически покивала она. — Вы в состоянии считать серийный номер?

— Ну, нет, но…

— Потому что он с черного рынка. Это я помогла ей найти аутсайдера, который согласился помочь.

Я онемел. Во-первых, большинство людей попросту боятся разговаривать со специалистами по возврату биокредитов, а эта не моргнув глазом признается, что помогла клиентке связаться с аутсайдером. Но девица — женщина — буквально клубилась праведным гневом. В комнате вдруг стало жарко.

— Не хочешь пойти со мной на ленч? — спросил я.

— Тогда вы покинете эту комнату?

— Да.

— Хорошо, схожу, — сказала Мелинда.

И после того как она провела меня по лестнице тремя пролетами выше в двухместную палату к миссис Нельсон и постояла рядом, сложив руки на груди, пока я изымал «Джарвик-11», действительно принадлежащий Кредитному союзу, у меня состоялось первое настоящее свидание с третьей бывшей женой. Мы сидели в кафе, ели сандвичи и говорили о прошедшем дне. Сердце я оставил в «бардачке».

Кстати, о судьбоносных трапезах.

Через три дня после окончания войны я впервые попробовал африканскую кухню. Мы пробыли там почти два года, следовательно, не считая приемов пищи во время маневров, у нас было примерно двести двенадцать шансов попробовать местную еду, но я ни разу не отваживался на это до тех первых послевоенных дней.

Мы добрались до Виндхука, столицы Намибии, уже за полночь, въехав на танках на узкие мощеные улочки, приветственно махая руками удивленным горожанам, пока наши гусеницы превращали их дороги в щебень. Мне и нескольким парням, проехавшим последние километры до Виндхука, дали сорок восемь часов на разграб… в смысле повеселиться в городе, который не видывал дискотеки за всю тысячелетнюю историю своего существования. Но мы поставили себе задачу найти способ развлечься и должным образом отметить окончание африканского конфликта.

Квартала красных фонарей там не оказалось, что я воспринял с облегчением. Мне не нужна была еще одна жена.

Зато мы нашли круглосуточный ресторан, тесный, с портьерами, где подавали огромные миски дымящегося мяса, щедро политого густым соусом. В этом море плавали какие-то шишковатые овощи вроде картофеля, их несрезанные коричневые корешки царапали горло, когда я глотал угощение. Мясо было

жесткое и с душком, но неплохое, и даже когда один из наших стрелков, немного говоривший на африкаанс, выяснил, что это козлятина, я продолжал жевать и глотать, жевать и глотать. «Вот чем следовало заниматься все эти ночи в маленьких берберских поселениях», — думал я, набивая живот жарким, согревавшим меня изнутри. Официанты суетливо сновали, поднося тарелку за тарелкой, и я, вдруг устыдившись своей пищевой этнофобии за время войны, уминал все не жуя, как отчаявшийся сиделец на диете, получивший последнюю отсрочку.

Двенадцать часов спустя я сгибался пополам над старым добрым американским унитазом, вторично разглядывая жаркое из козла, вместе с остальными парнями, откушавшими в том богопротивном заведении. Мы стерли с лица земли их родные города, а они в отместку захватили наши пищеварительные тракты.

Бонни тоже рассталась со своим при неизвестных обстоятельствах. По пути из кафе я уломал ее позволить мне угадать еще три органа и на этот раз копнул глубже, назвав желудок, печень и почки.

— Мой желудок, — вздохнула Бонни, словно возвращаясь к давно надоевшей теме, — «Кентон ЕС-18», модель «Таинственная леди», емкость три целых две десятых чашки. В свое время это была лучшая модель, но у нее нет регулятора расширения-сокращения, как у новых. Когда я съем достаточно пищи, чтобы наполнить искорган, он посылает сигнал пищеводу — тоже «Кентон», кстати, — который эффективно блокирует глотательный рефлекс. Цвет мой любимый — «яйцо зарянки». Когда я легла на операцию, на желудки была распродажа, поэтому ставка прямого кредита у «Кентона» составляет двадцать два и шесть десятых процента.

Печень от «Гекса-Тан», специализированной датской фирмы, умеет только выводить токсины из моей системы. Кредит получен через несколько международных посредников, работающих с Кредитным союзом, поэтому годовая ставка — тридцать четыре и две десятых процента. При регулярных выплатах снижается на одну десятую процента в год.

А почки у меня двух разных моделей. Левая — дженерик Кредитного союза, под двадцать четыре процента годовых, в последнее время начала барахлить, но страховка закончилась, и я не могу лечь в больницу, чтобы ее проверили. Правая, которую я имплантировала через полгода после первой, — это лучшая модель «Таихицу» со всеми дополнительными функциями — от встроенного кентонового монитора для диабетиков до

маленького устройства, которое добавляет в мочу нетоксичный краситель, чтобы можно было приколоть друзей — дескать, я писаю кровью, или черничным соком, или еще чем-нибудь. Я этой функцией еще не пользовалась. Кредит брали под восемнадцать и две десятых процента, самый дешевый во всем теле.

У меня создалось впечатление, что она может продолжать до бесконечности.

Водители такси широко известны своей привычкой стучать в Кредитный союз; некоторые больше девяноста процентов заработка делают на вознаграждениях. У меня тоже была своя сеть осведомителей, не возражавших прибавить пару баксов к дневной выручке, подняв трубку и сообщив, где они только что высадили клиента, который числится в розыске. А некоторые особо умные таксисты, узнав лицо с объявления и почуяв, что дело пахнет баксами, «срезали путь», доставляя клиента тепленьким прямо к служебному входу Кредитного союза. Я приближался к бровке тротуара с тазером ближнего действия прежде, чем тот успевал понять, что пора улепетывать, как испуганная газель.

Однажды, буквально за пару дней до конца, когда Венди дожала-таки меня со своей идеей перехода в отдел продаж, мы устроили барбекю перед домом. Я, Джейк, Фрэнк и еще пара наших биокредитчиков перебрасывались мячом и дурацкими репликами. К услугам гостей были пиво, хот-доги, стейки и приятное времяпрепровождение на любой вкус. Даже Питер был с нами — к тому времени он уже ходил в школу, а Мелинда уехала в одну из своих поездок и еще не вернулась. Мы с Питером уже начали волноваться, но у Мелинды и раньше случались закидоны. Через несколько недель она объявлялась, взахлеб рассказывая об увлекательной поездке в Перу или помощи семье аборигенов в Луизиане.

Словом, мы отдыхали и резвились на заднем дворе, когда мне позвонили. Я ответил. Это оказался таксист, ходивший у меня в осведомителях; он сказал, что у него мотор немного перегрелся — кодовое выражение, обозначающее желание привезти кого-то в Кредитный союз.

— Я не на работе, — объяснил я, помахав Венди, болтавшей с Питером. — Сейчас неудачное время…

— Мне кажется, выше нормы раз в шесть или семь, — сказал таксист. Стало быть, просрочка платежа — шесть-семь месяцев, согласно нелицензированному сканеру, который я дал бомбиле несколько лет назад. Такой заказ принес бы серьезные деньги союзу, даже если официальное изъятие поручат не мне. Я не

нуждался в деньгах, но трудно отказаться от наличных, когда они сами плывут в руки.

— У калитки через пять минут. — И я назвал ему свой домашний адрес.

Повесив трубку, я вернулся к Венди и Питеру и чмокнул жену в щеку:

— Мне нужно отъехать, взять еще пива. Я быстро.

Я кивнул Джейку, тусовавшемуся на другом конце двора. Он с полувзгляда усек ситуацию и пошел за мной через дом к калитке, прихватив с мангала нож для филе с лезвием, запачканным говяжьим соком.

— Разве это гигиенично? — не удержался я.

— А мы ему антибиотиков вколем. — Джейк никогда не лез за словом в карман. — Выше нос, вон они едут.

Пролетев по подъездной аллее, такси затормозило с душераздирающим визгом. Пассажир уже что-то заподозрил и начал скандалить. Он едва успел вякнуть «нет», когда мы открыли дверцу машины и вырубили его тазером. Пока мы с Джейком работали, находя и вынимая почку с полугодовой просрочкой взносов по кредиту, таксист подглядывал в зеркало заднего вида.

Я бросил ему двести баксов за доставку и еще пятьдесят, чтобы избавиться от тела. Но когда вылез из такси в домашнем фартуке, окровавленном и испятнанном, то увидел, что в дверях стоит Венди и смотрит на нас с самым разочарованным видом. Заметив мой взгляд, она круто повернулась и ушла в дом.

— Брось, малышка, — окликнул я ее. — Не надо дуться. Это всего лишь почка.

— Ну, — поддержал меня Джейк. — У него другая осталась.

Ни Бонни, ни я не желали рисковать жизнью и ловить такси, но ее приятель жил на другом конце города, а идти сотню кварталов со спортивной сумкой-арсеналом, понятное дело, не хотелось. В результате мы остановились на общественном транспорте как на единственной альтернативе. Одно из первых правил, которому нас научили на семинарах, гласило: метро — излюбленное убежище неисправных должников, поскольку толпы людей затрудняют сканирование — невозможно выделить один искорган из массы других. Высокая плотность окружающей среды — вот что нам требовалось. Мы направились под землю.

Я предложил перепрыгнуть через турникет на входе, но Бонни снова заплатила за нас обоих и мы вышли на платформу как приличные граждане. Я не знал, сколько у нее карманных денег, но понимал — это наверняка гроши, иначе она оплатила бы свои органы давным-давно.

На шестом году карьеры я получил заказ от корпорации «Бритхелт» съездить в пригород и изъять пару неоплаченных легких. В то время «Бритхелт» была еще новичком на рынке. Ходили слухи, что большая часть их капитала получена в обход закона, из дополнительных источников, заинтересованных в отмывании денег до золотого блеска, но мне было все равно — они платили комиссию на шесть процентов выше стандартной ставки союза, поэтому я охотно заткнулся и с улыбкой взял заказ.

Я бывал в пригородах по всей стране. В силу специфики профессии биокредитчик всю смену кочует из одной вонючей дыры в другую, но Рейган-Хайтс, кишевший ордами грызунов и паразитов, вызвал отвращение даже у меня. Казалось, это крысы арендовали район, зараженный людьми. Я припарковался вторым рядом на кладбище самодвижущихся одров: сорокалетние ржавые развалюхи отечественного производства догнивали на улице, и после смерти их ожидал трехколесный рай.

Федеральное министерство жилищного строительства и городского развития давно почило в бозе, а пришедшие ему на смену госдепартаменты не сумели быстро внедрить в пригородные гетто функциональную эстетику. Я прошел мимо многоэтажных башен, теснивших и подавлявших маленькие низенькие строения, заслоняя им свет и лишая застройку последнего подобия целостности. Розовые, зеленые и желтые фасады, все выцветшие, облупленные, развязавшие настоящую войну против газонов, гниющих и нестриженых. Номера домов и названия улиц давно обвалились вместе со штукатуркой, затрудняя и даже делая невозможным ориентирование.

Но я знал, куда иду. Мне нужен был человек из дома с порномагазином.

Я не стал пускать эфир — несколько зданий соединялись общим воздуховодом и отчетливо слышался визгливый детский гам. Меньше всего новой компании вроде «Бритхелта» требовалось появиться в вечернем эфире в связи с усыпленными эфиром невинными крошками. Я сковырнул замок, неслышно вошел в квартиру и увидел клиента, рассевшегося в шезлонге с намерением поразвлечься.

Я ждал в тени, глядя, как он положил раскрытый порножурнал на хлипкий журнальный столик, расстегнул засаленные джинсы и спустил их до щиколоток. О, даже обездвиживать не придется.

— Как дышится? — спросил я, выходя на свет. Клиент рухнул в шезлонг, его плечи задрожали. Лучом фонарика я посветил ему в глаза, заставив зажмуриться. Без штанов, дрожащий,

ослепленный — да, это был не лучший момент его жизни.

— Я… я полицию вызову, — забормотал он, делая слабые попытки дотянуться до телефона через полкомнаты. Я вынул «люггер», которому в то время отдавал предпочтение, с длинным навинченным глушителем и трижды выстрелил в телефон. Задымившийся аппарат грохнулся на пол.

— У вас есть кое-какая собственность, которая вам не принадлежит, — пояснил я, спокойно доставая бумаги из внутреннего кармана своей кожаной куртки. — Я пришел ее забрать.

Раз уж обошлись без эфира, всегда лучше заставить клиента расписаться на бланке об изъятии неоплаченного товара — так выйдет меньше канцелярских заморочек, но вообще это редкость.

Однако либо клиент был на наркоте, либо в ту ночь я выглядел менее внушительно, чем обычно, но сукин сын реально попытался навязать мне бой. Когда я подошел к этому трясущемуся желе с желтой квитанцией и ручкой в одной руке и «люггером» в другой, он откинулся на спинку шезлонга и отчаянно брыкнул голыми ногами, попав мне под ложечку. От удара я согнулся. Всего на секунду, но клиент каким-то образом выкарабкался из шезлонга и запрыгал в спальню. Я выхватил тазер и выстрелил; стрелы, пролетев по комнате, вонзились в дверной косяк, где только что был этот тип. Вздохнув, я неторопливо пошел к спальне, на ходу перезарядив тазер новыми элементами.

Клиент так и не натянул штаны и сидел на полу в трусах, торопливо открывая банку за банкой, наполненные мелкими монетами. На полу уже образовался бассейн из пяти- и десятицентовиков, и новые водопады шуршащими каскадами обтекали его ноги.

— У меня есть, есть деньги, — заикаясь, бормотал он. — Все здесь, вот здесь…

— В мои функции не входит считать мелочь.

— Я сам все посчитаю, — канючил он.

— И я тебе не доверяю. — Я уже хотел применить тазер, но меня остановила одна мыслишка. Я не очень хорошо помнил политику «Британхелта» в отношении просроченных платежей. «Кентон», например, скорее предпочтет, чтобы биокредитчик взял деньги — если там полная сумма, — нежели изъял орган. Я не хотел запороть первое поручение от новой фирмы, но гордость не позволяла звонить в офис и расписываться в собственном невежестве, поэтому я решил подстраховаться.

Часом позже мы были в местном банке. Я украл несколько наволочек у рассеянных обитателей Рейган-Хайтс и заставил

клиента пересыпать туда монеты. Получилось шестнадцать застиранных мешков, и я держал должника на мушке, когда он подтаскивал свою мелочь к банковскому окошку, защищенному пуленепробиваемым стеклом. Кассир плохо умел считать деньги, не сложенные в бумажные пачки, но после любезной беседы с управляющим и раздачи пары бесплатных кредитов на искорганы все уладилось: нам дали в помощь заместительницу директора и посадили в служебное помещение.

Согласно квитанции, вместе с пенями за просрочку с клиента причиталось чуть больше шестнадцати тысяч долларов. Весь прикол в том, что у него почти хватило.

— Пятнадцать тысяч восемьсот двенадцать долларов, — подвела итог добрая женщина с высоким начесом. — И сорок пять центов.

Клиент пришел в восторг. На его физиономию, прежде бледную до синевы, вернулись нормальные краски, и на мгновение мне показалось, что он хочет меня обнять.

— Забирайте, — сказал он, подвигая ко мне сияющие горы. — Забирайте все, и я обещаю платить каждый месяц.

— У вас не хватает двух сотен, — покачал я головой. — Сумма неполная.

Тогда он взвыл, завопил пожарной сиреной, умоляя кассиршу его выручить, но та благоразумно вымелась из комнаты, и я применил тазер на полную мощность. Банковские клерки мне любезно не мешали, и когда пятнадцать минут спустя я выходил из банка с легкими «Бритхелт», еще трепетавшими у меня в руках, просили ни о чем не беспокоиться, обещая все подтереть.

В принципе я сам мог занять ему двести долларов, но у меня возникло ощущение, что этот тип того не стоил.

Иногда я забываю о трезвом расчете и позволяю доверию перепрыгнуть через бортик и сыграть за мою команду. Я доверял женам — расчудесный результат. Доверял старшему сержанту — сработала природная интуиция. Доверял боссу и сослуживцам в Кредитном союзе — присяжные до сих пор неплохо живут за счет последнего.

— Ты хочешь знать, как я оказалась в таком положении, — сказала Бонни, когда мы спустились в метро. Она говорила скорее утвердительно — и была права.

— Я расскажу про себя, если ты поделишься своей историей.

Это дело мы скрепили поцелуем. Нашим первым. Легкое прикосновение губ, электрическое жужжание ее языка, остановившегося в миллиметре от моего. В том конце вагона

ехали только мы — номер один и номер двенадцать из ста самых разыскиваемых неплательщиков Кредитного союза, целое состояние из плоти и металла для какого-нибудь глазастого стукача, однако пока ничто не мешало нам расслабиться, улечься на сиденьях и выложить свои секреты.

Бонни начала первая.

Она была простой домохозяйкой, обыкновенной хранительницей домашнего очага, любящей супругой хирурга, работавшего на Кредитный союз, специалиста по внутренним заболеваниям и быстрой, почти безболезненной имплантации почек и поджелудочной. У них имелась прелестная вилла в горах и зимний коттедж в Парк-сити, ни большой, ни маленький, идеально подходящий для лыжных вылазок с друзьями. Они с мужем обладали тремя импортными авто и одним американским внедорожником с большим количеством лошадей под капотом, чтобы ездить на уик-энды, а еще маленькой яхтой, которую держали на арендованной стоянке в Веро-Бич. Детей у них не было, и они обожали многочисленных племянниц и племянников, устраивая им пышные праздники, дни рождения и каникулы, покупая игрушки и одежду в ожидании того дня, когда маленький красный минус на раннем детекторе беременности превратится в плюс. Гинеколог говорил — зачатие может произойти в любой день, если не падать духом и стараться. «Побольше занимайтесь сексом», — советовал он, и супруги радостно соблюдали рекомендации врача.

Прошло два года, три, и хотя они с мужем занимались сексом до отвращения, ничего не случилось. Начались тесты, сложные, длительные процедуры с пробирками, кровью и иглами.

— Я была как печеная картошка, — усмехнулась Бонни, — которую то и дело прокалывают, чтобы посмотреть, готова или нет.

И вот на третий год, отправившись в магазин за продуктами, Бонни почувствовала, как что-то горячее течет у нее по ногам. Первой ее мыслью было, что это кровь, слизь — словом, свидетельства выкидыша, которых за последние годы она перенесла достаточно, но, взглянув на брюки, Бонни с ужасом увидела мочу и не смогла остановить процесс.

После углубленного обследования и анализов врачи выяснили причину. Рак начался не в мочевом пузыре, а в матке, и единственным способом прервать развитие болезни являлась замена пораженных органов новейшими моделями от «Кентона». Муж Бонни, богатый человек с безупречной кредитной историей, любил жену и убедил ее — это здравый и рациональный выход из

ситуации.

— Они меня вскрыли, — рассказывала Бонни, — и вставили искорганы. Сказали, так гораздо лучше прежнего, поскольку в искусственной матке есть специальный стимулирующий генератор и теперь я забеременею, не успев и глазом моргнуть. Но я чувствовала, что все только началось.

Так и вышло. Появились метастазы.

Когда она пришла на плановый осмотр после операции, врач обнаружил новообразования в яичниках. Срочная овариотомия. «Уж теперь-то мы ваш рак победили, — сказали ей, — и хотя яичников у вас нет, мы можем скомбинировать вашу ДНК со спермой мужа и подобрать подходящего донора, и уж тогда-то вы станете настоящими родителями».

Так говорили, пока не пришлось удалить ей желудок. И печень. И поджелудочную. И селезенку, и почки, и…

Врачи сказали, что впервые сталкиваются с подобным течением болезни. Рак устроил настоящий блицкриг, поочередно захватывая органы и нигде не встречая сопротивления.

Но чем быстрее появлялись метастазы, тем активнее муж заказывал новые искорганы для своей любимой умирающей жены, подписывая кредит за кредитом. Два года Бонни не вылезала из больниц и фирм-производителей. Ее естественные органы постепенно заменили превосходно сделанными копиями, не хуже, а то и лучше оригиналов.

К тому времени, когда рак действительно отступил — или лучше сказать, отступился? — Бонни на семьдесят четыре процента состояла из металла и полимеров.

— Кожа у меня своя, — перечисляла она. — И большая часть жировых тканей, к счастью. Одну грудь удалось сохранить, в другую имплантировали «Кватрофил», в точности скопировав форму первой. В ней есть пополняемый карман для молока, чтобы я могла кормить как можно естественнее. Ха-ха. Большая часть костей свои, но мне сказали, что с возрастом начнется остеопороз и нужно будет их тоже заменить или вставить для прочности титановые спицы, чтобы вес искорганов не стал лишней нагрузкой для опорно-двигательного аппарата. Череп мой, но большая часть сенсорных участков мозга армированы проводящими путями «Призрака», а половина тактильных ощущений хранится в гелевой суспензии с полупроводниковым процессором. Стоит мне крепко задуматься, и я слышу, как теснятся мои воспоминания, которым не хватает места. Инфраструктура сохранилась, но потребовала значительного укрепления. В общем, — подвела она итог, — меня

реконструировали к жизни.

А вот и лучшая часть монолога.

— Значит, твои органы… — решился я спросить. — Ну, основные…

— Все искусственные, за одним исключением. Рак прокатился по телу, убивая все, до чего смог дотянуться, но по какой-то причине обошел сердце. Всякий раз, делая полостную операцию, хирурги собирались вставить мне заодно и «Джарвик», но сердце оставалось чистым. Врачи убеждали меня в преимуществах имплантата, доказывая, что при наличии такого тюнинга я проживу до ста пятидесяти лет, но я отказалась. Если нет метастаз, значит, пусть бьется. Доктора ворчали, но не могли пойти против моей воли. Муж пытался меня уговорить, мол, одним искорганом больше, какая разница в моем положении, но я уперлась как сто ослов, и разговор закончился, не начавшись. Так и живу — настоящее сердце в искусственном организме.

Тут я невольно захохотал, искренне, как в детстве, впервые за много месяцев. Смех начался глубоким утробным урчаньем и вырвался наружу оглушительным взрывом, отчего Бонни вздрогнула, а немногочисленные пассажиры посмотрели в нашу сторону. Но мне было наплевать — я смеялся, пока бока не заболели, не в силах объяснить Бонни, что тут такого веселого.

У меня искусственное сердце. У нее имплантированы все остальные органы. Неудивительно, что мы так скорешились с самого начала. Ты, да я, да мы с тобой — один большой картонный пазл.

XIV

Первые два месяца после возвращения из Африки я в основном сидел дома. Часами валялся в постели, свернувшись в привычную для кресла управления позу, ковырялся с кроссвордами, читал юмористические газеты, чем беспокоил мать до безумия. Напрасно она заставляла меня одеться, принять душ и поискать работу: мне было неинтересно. Я сказал, что пытаюсь осмыслить военные впечатления и разобраться, как на меня повлиял опыт. Это, конечно, чистейшее вранье — меня просто обуяла лень.

Я наведался в полулегальную местную автомастерскую, где требовались механики, но работа показалась мне слишком честной и чересчур однообразной. Они хотели, чтобы я возился с моторами, перекалибровывал детали не больше собственного ногтя, тогда как мой опыт общения с машинами измерялся по макрошкале — гусеницы, башенное орудие, десять тонн металла, ползущего по пескам пустыни. Работа автомеханика показалась мне слишком ювелирной.

Компании, имеющие дело с высокими технологиями, тоже не были во мне заинтересованы, и я их понимаю. За исключением складских подработок в старших классах, вождение танка явилось единственной профессией в моем куцем резюме, и это не способствовало быстрой карьере. И не особенно хотелось мне туда влезать. Да и вообще куда бы то ни было. Черт, я не знал, к чему стремиться.

Пока не встретил Джейка Фрейволда. Он прослужил на несколько месяцев дольше, заканчивая какие-то разведывательные дела и зачищая следы, чтобы не мешали заключению мира, и все это время у меня не было возможности с ним поговорить. Я случайно забрел в местный бар — одинокий, подавленный, согласный почти на любую компанию — и неожиданно узнал, что Джейк в городе.

Я зашел в кабак, присел у барной стойки, и музыкальный автомат тут же заиграл «Ты маленький кусок дерьма». За моей спиной, явно для меня. Я приготовился к драке. У меня в общем-то не было настроения махаться, но я обрадовался возможности в кои-то веки с толком использовать свое время. «Ты чертов-страшный-сраный-дремучий сукин сын не той мамаши».

Я обернулся, слегка сжав кулаки, но это оказался Джейк, старина Джейк, хохочущий во все горло с какой-то красоткой студенткой, виснувшей у него на плече. Вскоре он оставил девицу и пересел к лучшему другу.

Мы выпили, потом повторили и подробно поведали друг другу все, чем занимались в последние месяцы. Мой рассказ был простой, как тост; нудные дни слиплись в один большой ком. Джейк поучаствовал в какой-то акции на заключительной фазе операции по наведению порядка, но с тех пор, как вернулся в Штаты, ему все опротивело.

— Не пойми меня неправильно, — втолковывал он мне после четвертой или пятой кружки пива. — Я могу жить и на военную пенсию. Грех жаловаться на халявную тыщу, которая сама падает в руки раз в месяц.

— Грех, грех, это точно.

— Вот я и говорю — грех. — Джейк допил пиво и заказал еще. — Но ведь тогда не хватит на хобби.

— Легальные, — вставил я.

— И скучно до озверения. Вон, по тебе сразу видать. Ты ж усрешься от радости, если на улице кто-нибудь пальнет из пулемета!

Спорить я не стал.

— И какой выход?

— Выход… Не знаю. Ты сидишь, я сижу, потом находим какую-нибудь Богом проклятую канцелярскую работу и живем как все, — предложил Джейк, и в голосе его прозвучала неудовлетворенность собственной концепцией.

— Я не вижу тебя членом племени белых воротничков, — сказал я.

— Скорее уж царем-покорителем, — фыркнул Джейк. — На танке.

Он выставил большой палец, я прижал к нему свой. В тот момент в мире были только мы, два забытых солдата в поисках войны, на которую им не суждено больше вернуться.

— Мне не хватает атаки, — негромко признался Джейк.

— А мне строя, — отозвался я.

Допив свое пиво, Джейк отхлебнул из моей кружки.

— Мне не хватает убийств.

Объявления о вакансиях отчего-то всегда клеят в туалетах. Может, таким образом стараются завлечь пьяных, или страдающих недержанием, или обладателей целого букета проблем, но распространителей рекламы Кредитного союза всегда отличало отсутствие комплексов. Черт их знает, вероятно, так и надо.

Рекламщики всегда знали, чем зацепить нужного человечка в нужное время. Мы с Джейком и представить не могли, что в том сортире начнется новый этап нашей жизни.

Вшестером или всемером мы стояли, покачиваясь, словно простыни на ветру, с трудом сохраняя равновесие, на пределе возможностей стараясь уговорить мочевой пузырь очнуться к жизни, пока вместе с Джейком синхронно не посмотрели на стену над писсуарами.

«Освой профессию. Вступай в союз. Следуй своей фортуне».

Это была судьба. А кто мы такие, чтобы спорить с судьбой?

Торгового центра тогда еще не было. Кредитный союз и фирмы-производители работали автономно, радуясь отвоеванной территории на медленно растущем рынке искорганов. Арнольду Курцману еще только предстояло открыть свой демонстрационный зал, а бизнес, хотя и вполне законный, все еще привычно воспринимался как теневой врачами, работавшими в условиях, когда медицинская этика отставала от технического прогресса. То, что казалось сомнительным, по умолчанию становилось предосудительным — без суда и вердикта присяжных.

Главный офис Кредитного союза размещался, как считалось, в плохом районе, который сегодня являет блестящий пример облагораживания и возвращения в городское лоно, то есть кишит сетевыми универсамами, ресторанами и семьями с орущими детьми.

А когда-то там теснились сплошные автомастерские, винные магазины и ломбарды — больше никому ничего не требовалось. Если забыть о собачьем дерьме на улицах, там было приятно гулять — лишь бы не ночью.

Мы с Джейком направились в офис союза — большой склад, стиснутый двумя пустовавшими базами. На лестнице у входа курила группа парней; некоторых я узнал — мы жили рядом, других нет, но на всех лицах читалась привычная скука, которую я тоже старательно культивировал после возвращения из Африки. В первый раз я почувствовал себя как дома.

Джейк высмотрел знакомого, жившего по соседству несколько лет назад, и представил мне его как Большого Дэна. Верзила был на полголовы и шестьдесят фунтов больше меня, поэтому прозвище не показалось ироничным. Сбоку на шее у Большого Дэна змеились шрамы в ореоле красочно переливающихся лучей. Так я впервые увидел вблизи татуировку союза и не мог отвести от нее взгляд.

— Эти пусть ждут, — сказал Большой Дэн, ведя нас мимо очереди. — А вас я проведу лично.

Оказалось, он узнал о Кредитном союзе три недели назад и уже стал слушателем их учебной программы; проводив нас мимо

охраны прямо в кабинет начальника, он потребовал, чтобы нам дали работу.

— У них есть какие-нибудь особые навыки? — спросил супервайзер, погибший четыре года спустя в авиакатастрофе, когда «Призрак» пилота дал сбой во время приземления.

— Водили танки на войне и служили в разведке, — ответил Джейк, не дав мне открыть рта. — Но об этом мы не имеем права рассказывать, стало быть, давайте сразу договоримся — квалификация у нас есть. Так что отставить вопросы и предложить работу!

Работу нам дали. Я не помнил себя от радости, когда мне вручили тазер, скальпель и пустую канистру для эфира, не в силах поверить, что благодаря наглости Джейка нас взяли в обход целой очереди квалифицированных кандидатов.

Позже я узнал, что в тот день работу получили все. В союзе не хватало рук — органы продавались как горячие пирожки.

С самого начала Кредитный союз имел неплохую прибыль. С первого года работы, несмотря на неизбежное снижение ликвидности, они ни разу не вышли в минус в квартальных прибылях. Люди покупали и будут покупать искорганы, а при сегодняшнем снижении кредитных ставок не видно конца и края очереди желающих. Другое дело восемь лет назад, когда кредиты в среднем давали под сорок, а то и пятьдесят процентов и многие предпочитали лечиться консервативно, обходясь без чудес техники. Если человек брал больше одного искоргана, выплаты по кредитам попросту складывались. Но Кредитный союз, в совершенстве постигнув искусство хрупкого равновесия, превратившееся сейчас в целую науку, снижал процентную ставку до тех пор, пока клиенты не начали осаждать его офисы.

— Во мне техники на несколько миллионов долларов, — сказала Бонни, когда наше подземное путешествие подошло к концу. Мы ступили на платформу и направились к выходу. Снаружи шел дождь — входящие в метро люди отряхивали зонты и ворчали на погоду.

— Ты выплачивала кредиты?

— Какое-то время. Муж был очень богат — мы были очень богаты — и правильно вкладывал средства. — Она покачала головой: — Вернее, это я грамотно инвестировала его деньги. Он ничего не понимал в рыночной стратегии, а я успевала оказаться в нужном месте в нужное время. Заработала большую сумму на акциях союза и компаний-производителей. Нам везло, очень везло — регулярной выплаты одних процентов было достаточно,

чтобы остаться у кредиторов на хорошем счету.

— Это большой плюс, — заметил я, когда мы вышли на улицу. Дождь усилился, барабаня по асфальту большими тяжелыми каплями. Я поднял спортивную сумку над головой Бонни — с оружием и прочим, защищая ее от непогоды.

— Плюс-то плюс, — согласилась Бонни. — Но этого мало. Когда я пришла в себя после всех имплантаций, дело зашло слишком далеко, чтобы заводить ребенка. Мы пробовали ЭКО,[21] гаметы,[22] разве что в чашке Петри младенца не выращивали. Конечно, врачи могли имплантировать зародыш в искусственную матку, но какой ребенок родится у металлической мамаши? Ничего не получилось, чему я вовсе не удивляюсь.

Именно тогда Кен начал ко мне охладевать. Муж любил меня, я знаю, но в его жизни образовалась пустота, которую он не мог заполнить. Кен хотел ребенка, а я была препятствием. Мы говорили об усыновлении, но он, мне кажется, не рассматривал такую возможность всерьез: я видела отсутствующее выражение в его глазах. Он грезил о платьицах, футболе и выпускном вечере своего дитяти. Я мечтала жить для мужа, дать ему все, что он хотел, но вот не судьба. И каким-то образом это оказалась моя вина.

Через два месяца он от меня ушел.

Вот бы свести бывшего мужа Бонни с Бет, Мэри-Эллен или Кэрол. Сожрали бы друг друга за милую душу.

Мы почти пришли к дому, где жил ее друг, но Бонни продолжала рассказывать:

— Исчез однажды ночью, когда я ушла спать, оставив записку — двадцать печатных листов. Значит, это у него не внезапный порыв, давно обдумывал. Приложил пятьдесят тысяч наличными, но я не хотела его денег. Мне требовалось другое.

Наверное, легче всего было просто сдаться, но победившего рак уже ничем не испугаешь. Я позволила напичкать себя металлом — для Кена, для ребенка, которого мы хотели. Ну что ж, может, оно и к лучшему. Я знала, что Кен будет выплачивать долг и проценты, но когда мы расстались, мне захотелось справедливости. Зачем Кену признаваться новой жене, что им придется отстегивать восемьдесят девять тысяч в месяц за бывшую супругу? Раком я заболела сама, стало быть, и последствия расхлебывать мне. Поэтому я перевела автоматические платежи на свой личный счет, зная, что, когда деньги кончатся, за мной придут.

— А давно это случилось? — спросил я, изумляясь, что на

свете существуют такие великодушные, добрые, чудесные и больные на всю голову женщины.

— Три года назад, — отозвалась Бонни, глядя на высотку на другой стороне улицы. — Приблизительно. Пошли в подъезд.

* * *

Мэри-Эллен тоже бросила меня, правда, руководствуясь более приземленными мотивами. Наш брак продлился восемь месяцев и три дня, считая период, когда я спал один на полу в нашем супружеском гнездышке до официального развода. Кризис жилья, знаете ли.

Я пришел домой в четыре утра, отработав две смены, прикрывая Джейка, смывшегося на лисью травлю какого-то хмыря из большой сотни. Время от времени Кредитному союзу надоедает очередной гранд-пасьянс, и команды спецов-биокредитчиков выходят на отлов самых злостных неплательщиков. В тот год нам удалось вернуть девяносто пять процентов кредитов большой сотни, прежде чем освободившиеся места заняли новые нарушители. Комиссионные были хороши, но времени катастрофически не хватало.

Я провел пять изъятий за двадцать четыре часа, несколько раз возвращаясь в офис за эфиром и материалами. Домой дотащился еле живой и не заметил, что большая часть мебели из гостиной исчезла. Телевизор тоже. Ноги сами понесли меня в кровать. Вернее, на то место, где она была. Только улегшись на холодный жесткий пол, я спохватился — чего-то не хватает.

Пометавшись по дому в тщетных поисках ответа на маленькую загадку, я почти смирился, что мой второй брак подошел к концу, но, хоть убей, не мог поверить, что Мэри-Эллен оказалась настолько жестокосердной, чтобы уйти, не оставив даже записки.

Наконец я плюнул на рефлексии, поплелся в ванную плеснуть воды в лицо и увидел кровь на зеркале. Первая мысль была о самоубийстве, о мертвой жене в ванне и перерезанных запястьях. От крепкой смеси вины и раскаяния голова пошла кругом. Но это оказалась всего лишь яркая помада, алевшая на кафеле в лучших традициях фильмов ужасов.

«Гудбай, козлина, — размашисто значилось от стены до стены. — Мясо в холодильнике».

Моими пятью разводами занимались пять адвокатских контор. Некоторые, как, например, нанятые Венди, проявили

великодушие, дав мне время и место разобраться самому. Другие, в частности, представлявшие интересы Мэри-Эллен, заслуживают быть разодранными на части голодными гиенами. Если на гиен не сезон, сойдут и тигры.

Но они являлись всего лишь солдатами, а Мэри-Эллен — боевым генералом, и адвокаты обобрали мои банковские счета, портфолио акций союза и будущие заработки. Для женщины, заявлявшей, что не желает иметь ничего общего с биокредитами, Мэри-Эллен слишком цепко схватила свой кусок пирога.

Я не препятствовал. После Бет я вообще ни одной жене не мешал. Если у них пропало желание быть со мной, кто я такой, чтобы спорить? Однажды я найду свою половинку, которая мне идеально подойдет. Большое дело, что этого до сих пор не произошло! Какие мои годы…

Аутсайдер жил в четырехкомнатной квартире на пятнадцатом этаже вполне целого и ничуть не разрушенного здания. Текущей из крана воде я обрадовался, как старому другу. Квартира, хотя и просторная, была разгорожена вереницей китайских бумажных ширм, превративших гостиную и столовую в путаный лабиринт. Я кое-как протискивался в этом деревянно-бумажном лесу, грудью и спиной задевая о выступы.

Аутсайдер оказался широкоплечим, но жилистым и подтянутым. Выпуклые мышцы рук резко контрастировали с остальным телом, словно он большую часть времени перебрасывал уголь лопатой или ощипывал кур. Красная бандана, низко повязанная на лбу, впитывала пот, не давая ему стекать в глаза, и стягивала тугие брейды.

— Это Эсбери, — представила Бонни.

Я пожал руку хозяину квартиры, влажную и скользкую.

— Извините, — сказал он, вытирая ладонь о засаленный фартук и протянув ее снова. — Клиент пошел хлипкий, сразу сок пустил.

В дальнем углу я заметил блеск искусственного позвоночника, лежавшего на карточном столе; спинномозговая жидкость капала на пол.

— Цапнул, хапнул и слинял, — перешел я на когда-то модный профессиональный сленг биокредитчиков, который так нравился этому парню. Выраженьице было бородатым, но я не запнулся.

Хозяин улыбнулся Бонни и похлопал ее по спине:

— Ты привела мне лесную нимфу, спасибо.

— Нет, — отозвалась Бонни, — он не аутсайдер. — Она оттянула высокий воротник, скрывавший татуировку, и показала

Эсбери мою шею: — Он работал в союзе.

Аутсайдер немедленно ощетинился и отступил на шаг, настороженно глядя на меня.

— Зачем ты притащила биокредитчика, бэби?

Я рассудил, что пора показать ладони.

— Я там уже не работаю. Песня спета.

— Сам ушел или тебя ушли?

— Уволили, — признался я. — Шесть месяцев назад.

Он кивнул, пристально глядя мне в глаза. Наверное, пытался разглядеть, правду я говорю или лгу, но, вполне возможно, соображал, какие во мне искорганы и не могу ли я быть ему финансово полезен по ходу дела. Наконец он вроде помягчел и пропустил меня в квартиру:

— Mi casa, carbon.[23]

Мы поели в маленькой кухне, стоя у стола и задевая друг друга плечами, разговаривая о современном мире, Кредитном союзе, спецах-биокредитчиках и черном рынке. Ломтики свежепорезанного мясного рулета сворачивались фунтиками, сминались нашими пальцами, заедались лимонами и орошались сельтерской. Такого пира я не видывал несколько недель.

— Я могу тиснуть с полки сердечко и сбросить его за четверть цены, — хвастался Эсбери, пытаясь меня убедить, что оказывает миру услугу. — Вставить его клиенту вполовину дешевле и все равно остаться в плюсе.

— Или клиент может сделать это легально. — Рот сам выговорил слова, которые я произносил тысячи раз. — И получить гарантию и сервисное обслуживание.

— И с чем vato[24] из гетто нарисуется в союзе? — ехидничал хозяин. — Там всем подавай обеспечение. А по мне, единственный капитал, которым стоит дорожить, — тот, что под твоей кожей.

— Эсбери прав, — вмешалась Бонни. — Во-первых, товар не пропадает, во-вторых, клиент получает искорган дешевле. Всем выгодно.

— Кроме производителей, — не удержался я. — В конце концов, это их собственность.

Я ожидал возражений, но аутсайдер лишь рассмеялся и повернулся к Бонни:

— Слишком мягко его уволили. Нужно было жестче.

На голове у него были бугры — имплантированные розетки. Значит, в свободное время наш Эсбери всерьез занимается «Призраками». Большая часть «касперов» довольствуется наушниками, и лишь ушибленные на всю голову достают себе

искорган и подключаются напрямую. Когда мы доели рулет, я не удержался от вопроса:

— А у вас есть лицензия на подключение «Призрака»?

— Лицензия? — засмеялся он. — Нет, татуированный ты наш, я не лицензированный, я на «Призрака» подсевший. Имплантаты с полным спектром ощущений, пользуюсь при каждой возможности. Берешь систему и подключаешься. А ты?

— Нет, — признал я. — Изымал, но никогда не пробовал.

Оживившись, Эсбери потянул меня из кухни в комнату, где предполагалась столовая. На другом шатком ломберном столике лежала тонкая прямоугольная коробочка с торчащими плоскими проводами, напоминавшими узкую лапшу. Процессор «Призрака». Эсбери кружил вокруг него, как ребенок вокруг горы еще не остывшего печенья, нежно касаясь металла кончиками пальцев.

— На, стань свидетелем событий.

Я попятился, когда он наставил на меня провода.

— Я не «каспер». Во мне и розеток-то нет.

Эсбери это не остановило. Он полез куда-то под стол и из большой картонной коробки, набитой шнурами и штекерами, выудил пару самых маленьких очков, которые я видел в жизни. На семинарах мне доводилось слышать о подобных устройствах, но сам я никогда не подключал визуальную систему. Да и не особенно хотелось.

Но мы пришли сюда просить помощи, и я вовсе не собирался обижать хозяина. Я рассудил, что вреда не будет посмотреть, из-за чего все сходят с ума. Даже в Кредитном союзе кое-кто плотно подсел на «Призрак», всего однажды опробовав действие системы. Должно быть, интересный опыт.

— Это надевают как контактные линзы, — объясняла Бонни, придерживая мне веки, пока я пытался попасть сенсорами на глазные яблоки. Тонкие металлические проводки выходили из нижней части каждой линзы и висели вдоль щек, заканчиваясь разлохмаченными голыми концами. Эсбери пальцами прикрутил эти провода к торчащим жилам «Призрака». Для меня ничего не изменилось.

— Бывший хозяин был гонщиком, — говорил Эсбери, сжимая пульт управления. — Передоз «кью». В его «Призраке» — шестнадцать визуальных и сорок два аудиочаса. Будешь смотреть без звука — лексика там мама не горюй.

Я хотел задать вопрос, но он что-то повернул в коробочке, и неожиданно для себя я подключился к «Призраку».

Женщина на полу извивалась, уползая от меня. Не устояв, она тяжело упала навзничь, ударившись затылком о стул. Ее

живот был огромным. Беременная. Лужи таинственной жидкости впитывались в вытертые половицы, и кошка металась по комнате, вздыбив шерсть. Все это время — полная тишина. Ни звука падения, ни вскрика, ни мяуканья, только тихое жужжание системы «Призрак» и напряженное дыхание Бонни и Эсбери.

— Ну как, нормально? — раздался голос Бонни, отсутствовавшей в комнате. Она осталась в квартире аутсайдера, а здесь были только я, эта полуобнаженная женщина и кошка, без конца прыгающая со стола на пол, с пола на стол.

— Вполне, — отозвался я.

Комната сдвинулась, стала четче, словно навели фокус. Я увидел поднятую руку с отросшими неухоженными ногтями, явно не мою. На грязной подушечке пальца — горка сверкающего красного порошка, горевшего алым в беспощадном свете голой лампочки. Рука поднялась к моему рту и исчезла из поля зрения.

— Это он зарядился «кью», — зачем-то пояснил Эсбери. Я почувствовал его ладонь на спине — моей спине, — и услышал, как он добавил: — Вот теперь держись.

Внезапно пол в центре провалился, вспыхнул ослепительный свет, и расплавленная лава бурно потекла из зияющей дыры, затопляя комнату. Беременная так и лежала на полу; раскаленные потоки текли по ее коленям, но она ничего не замечала — согнулась вдвое, и ее вырвало раз, потом другой. Из кошки выскочили еще четыре ноги; она прыгнула с кухонного стола на стену и поползла вверх, на потолок, откуда и сорвалась рядом со мной. Из ее разинутой пасти наверняка исходило шипение, с клыков падала зеленая слюна, но все по-прежнему происходило беззвучно.

Изображение вдруг отодвинулось — должно быть, тело, глазами которого я смотрел, отпрыгнуло назад, и я увидел через дыру в потолке небо и столп чистого белого света. Группа вооруженных ангелов спустилась с небес и направила стволы автоматов на меня, на беременную, чей раздувшийся живот занимал уже полкомнаты, увеличиваясь с каждой секундой, и на кошку-паука, попавшую в лаву и горевшую, мечась между нами, и мы поднялись в воздух, сливаясь в гигантский огненный столп, взметнувшийся вверх на сотни футов, готовый обрушиться и уничтожить, прикончить меня…

И тут я вновь оказался в квартире аутсайдера.

— Вот мы и лишили тебя невинности, биокредитчик, — промурлыкал Эсбери, осторожно снимая с меня линзы. — Я это всей школе расскажу.

К «Призраку» я подключался и раньше: «касперы», как и

«кью», зависимые и всегда упорно навязывают другим свою дурь. Единственное, что хорошо в «Призраке», — одновременно подключается только одна функция. Зрение, слух, тактильные ощущения — выбираешь на свой вкус. Один клиент — одно ощущение; это своего рода предохранительный клапан. В квартире Эсбери я посмотрел зрительные глюки покойного торчка; обрушься на меня все ощущения разом, я озверел бы не хуже любого нормального «кью»-наркомана.

Сейчас, когда моя жизнь потенциально подошла к концу, я могу сказать, что подключался к «Призраку» и потом долго приходил в себя. Может, кто-то лишь плечами пожмет, но в компетентных кругах мне сразу поставят выпить.

Эсбери потянул нас в другую комнату, мимо рабочих столов, заваленных искорганами разной степени исправности и инструментами, которых я никогда не видел за стенами союза, — и привел к удобному дивану. Было очень приятно вновь посидеть на мягком. Бонни рассказала нашу историю — мы прятались в надежном месте, но в последнее время там начали кружить спецы из Кредитного союза, и теперь приходится менять точку.

Эсбери слушал, в нужных местах кивая или пожимая плечами, а потом сказал, что сочувствует, но может лишь предложить нам остаться пока у него.

— В этом доме сканер не везде берет, — клялся он. — А я пока что-нибудь придумаю.

Но Бонни это не заинтересовало.

— Это нечестно по отношению к тебе, — сказала она. — Ты и так рискуешь, пустив нас в квартиру.

Аутсайдер задумался, глядя в пространство с отсутствующим видом и щелкая пальцами. Откуда Бонни знает этого человека? Друг семьи? Не похоже. Значит, познакомились позже. Что у них — секс, роман? Неожиданная ревность подступила к горлу, и мне остро захотелось спросить их об этом здесь и сейчас.

Но тут заговорил Эсбери:

— Есть одна хаза, но палиться за так не буду. Пусть звонит без грузила. Это большое доверие.

Бонни собралась мне перевести, но я все прекрасно понял. Эсбери хотел знать, кто я такой, прежде чем открывать свои карты. Он намеревался послушать, как я оказался в подобной ситуации. Ему требовались доказательства, что я его не сдам.

Он хотел знать, как я сделался биокредитчиком в бегах.

Что ж, это справедливо. В любом случае моя очередь рассказывать.

И вот что я сказал.

XV

Примерно год назад я изымал искорганы у цирковых артистов-близнецов. На тридцать четвертом году жизни у них одновременно проявилось редкое генетическое заболевание: гипоталамус начал усыхать, и все, что могли сделать врачи, это заменить его трансплантатом. Братья были довольно известными воздушными гимнастами и ежевечерне бросали вызов смерти, летая в пятидесяти футах над ареной, разжимая руки и приземляясь в маленький квадратный бассейн с водой, окруженный блестящими металлическими шипами, смазанными кураре. Цирк явно претерпел значительные изменения с тех пор, как я ходил туда мальчишкой.

Но золотых гор это не приносило. Народ предпочитал бегать по магазинам или сидеть дома и смотреть телевизор, чем посещать рискованные «живые» представления, прямо смесь костедробительного дерби и родео. Продажи билетов падали, страховые взносы росли.

Возможно, именно поэтому Ганс и Эдвин, летающие братья Мюллеринг, не смогли оплатить свои гипоталамусы, и я пришел за ними в маленький мотель с почасовой оплатой. За пять долларов администратор сказал, в каком номере они остановились. Я не ожидал проблем и не стал пускать эфир. Все мы делаем ошибки.

Едва я вошел, Ганс ударил меня по кумполу палкой трапеции. Удар пришелся по касательной и оглушил лишь на секунду; я перехватил палку на следующем замахе, резко выкрутил и вмазал снизу вверх по лицу нападавшего. Ганс поковылял прочь, схватившись за голову и мыча от боли.

Эдвин тем временем что-то делал на полу, согнувшись за спинкой двуспальной кровати. Я увидел, как его плечи дернулись, словно от электрошока, услышал металлические щелчки и звук вставленной на место обоймы и успел пригнуться, пули лишь чиркнули по волосам. Шесть выстрелов — на каждой пуле, можно сказать, написано мое имя, — и все мимо. Я не мешал Эдвину разрядить пистолет в дверь.

— Стрелок из тебя говно, — сообщил я и вновь отступил. Ганса все еще плохо слушались ноги — толку от него не было никакого, а Эдвин судорожно рвал обойму своего автоматического пистолета. Я не дал ему второго шанса — перемахнул кровать, не удержавшись от прыжка на матрасе, и коленом придавил Эдвина к полу. Вырвав пистолет за ствол, я сунул его в карман.

— Мы можем тебе заплатить, — прохрипел Эдвин в тощий грязный палас. Я уловил слабый акцент — видимо, тевтонские корни держат крепко. — Мы тебе заплатим, а ты скажешь, что не нашел нас.

Я уловил движение за спиной: Ганс заходил сзади. Я резко крутнулся и, не целясь, ударил обеими ногами, попав в колено и что-то там выбив — послышался громкий хруст. Жилистый немец упал на ковер, заорав от боли. В руке он сжимал не оружие, а маленькую стопку купюр, которые намеревался мне всучить.

— Я так не работаю, — объяснил я корчившемуся на полу человеку и, вытащив квитанции, потряс ими перед его лицом: — Передать эти деньги кому-нибудь?

Эдвин отрицательно покачал головой и начал снова:

— Возьми их себе, просто возьми и уходи.

— Я сказал, что так не работаю, — повысил я голос и спросил, четко выговаривая каждое слово: — У вас есть родственники?

Клиенты ненавидят этот вопрос, всегда вызывающий у них словесное недержание. Я оборвал стенания Ганса и Эдвина, подбив летающих братьев Мюллеринг двумя выстрелами из тазера, и приступил к работе.

Дома Венди оплакивала дорогого покойного мужа. Она узнала об инциденте от нашего знакомого, тот услышал о нем от парня по имени Чип, которому проболтался Фрэнк. Я отсутствовал меньше четырех часов, но когда тебя чуть не пришили на работе, новость разносится с невероятной скоростью. Языки мелют всегда, но отчего-то плохие новости распространяются быстрее, чем хорошие.

Мы много раз говорили о переходе в другой отдел. Венди просила меня заняться продажами, я отказывался, она настаивала с легким нажимом в голосе, и мы закрывали тему на неделю-две, а потом все начиналось сначала. Она приводила убедительные доводы: это безопаснее, больше подходит мужчине моего солидного возраста и даст мне возможность заниматься любимым хобби, например, дышать.

Узнав об инциденте с братьями Мюллеринг, Венди чуть с ума не сошла, ведь когда история достигла ее ушей, меня (а) застрелили, (б) задушили, (в) обезглавили, что, понятное дело, расстроило супругу. Она кинулась ко мне, крепко-крепко обняла и долго не отпускала, время от времени с силой ударяя кулаком в грудь за то, что подвергаю себя такому риску. Венди не питала иллюзий в отношении специфики моей работы, но знала о способах все просчитать и подстраховаться, стало быть, я

наверняка схалтурил где-то в процессе подготовки.

— Скажи, что ты переведешься, — умоляла она в ту ночь. — Перейдешь в отдел продаж. Фрэнк тебя отпустит.

— Это не моя специальность, — возражал я.

— Сейчас не твоя, но ты бы мог освоить…

Я приготовился к ссоре. Черт, я регулярно ссорился со всеми женами, отчего бы не поддержать традицию?

Но я устал. Или адреналин перегорел, пока я отбивался от летающих братьев, приведя меня в сговорчивое состояние, и я не смог собраться с силами для достойного ответа. Страшно не желая свирепеть, я вдруг услышал собственные слова:

— Ладно, ладно. — И еще раз, словно не верил своим ушам: — Ладно.

Джейк и Фрэнк сделали все возможное, чтобы меня отговорить. Приводили самые убедительные доводы, почему я зачахну и помру в продажах, будучи созданным для карьеры биокредитчика. Но они видели, что я принял решение. Джейк, по-моему, в душе сразу махнул рукой.

— В деньгах сильно потеряешь, — напомнил он. — Там зарплата и рядом не лежала с нашей.

— Мне хватит.

— Это с твоими-то пятью разводами?

— С четырьмя, — поправил я.

— Это пока с четырьмя.

Да, переходя в отдел продаж, я терял треть зарплаты — никому не платили таких комиссионных, как биокредитчикам, но ведь и риска не будет. Я настоял на своем, и Фрэнк занялся бумажной стороной вопроса.

— Раньше чем за две недели это не оформят, — заметил он. — Сходишь пока в отпуск или возьмешь на дорожку пару розовых квитков?

— К черту отпуск, — сказал я. — Давай квитки.

Правду люди говорят — от работы кони дохнут.

Следующие две недели слились для меня в одно мутное пятно крови и эфира. Я мстительно рвал город, как бобик грелку, пытаясь выполнить двухмесячный объем работы за две недели. Ночами я практически не приходил домой; проведя изъятие, пару часов спал в машине и ехал наследующий заказ. Венди ко мне не цеплялась, понимая, что мужчине нужно оторваться перед переходом на менее опасную работу.

Мы с Джейком даже устроили напоследок большую охоту, накрыв и разорив целое гнездо нелегалов в старой школе.

Двадцать или тридцать неплательщиков прятались вместе в надежде скрыться от системы — за границей, на одном из мифических островов, где народ до сих пор живет свободно, без долгов и искорганов. Но сама специфика массового убежища, где находится множество должников с неоплаченными трансплантатами, существенно облегчает нам задачу. За неполные четыре часа мы изъяли пятьдесят семь искорганов из двадцати одного клиента. По-моему, Джейк тогда внес аванс за моторный катер.

Двухнедельная гонка подходила к концу. Стрессовые эндорфины уже почти не ощущались, когда Фрэнк дал нам еще два розовых листка. Мне достался тип, пять месяцев не плативший за коленный сустав, — после такого изъятия у него останутся шансы дохромать до больницы и залатать копыто. А вот Джейку по-настоящему повезло.

— Капитан Кранкибин? — фыркнул он. — Где такие имена берут?

— Не может быть, — сказал я, выхватив у него листок и проверяя данные. — У тебя капитан Кранкибин?

— Ты его что, знаешь?

— Знаю?! Да я его каждую субботу по утрам смотрел! Хорош заливать, будто не слышал о капитане Кранкибине!

Джейк помотал головой:

— Герой войны, что ли?

— Это не военный капитан, — досадливо отмахнулся я. — Было такое шоу для детей. Неужели не видел? Черт тебя побери, приятель, да он же легенда! Показывал мультфильмы и зебру-марионетку и приглашал детей в свою передачу рассказывать смешные истории. Я мечтал выступить с «Тук-тук, кто там», но родители были слишком заняты, чтобы везти меня на студию.

Джейк пожал плечами; ему это ничего не говорило.

— Ты хочешь этот заказ? Махнемся не глядя?

— Еще как хочу! — Я сунул Джейку свой листок и пробежал глазами бланк заказа. Изъятие «Джарвика». Учитывая почтенный возраст капитана, ничего удивительного. — Он заслужил, чтобы сердце вырвал подлинный почитатель его таланта!

Согласно данным квитанции, капитан скрывался в районе продовольственных складов; осведомитель его узнал, но проследить до места не смог. Что ж, ничего сложного. Я приехал в тот район, проделал дыру в заборе из сетки-рабицы и огляделся. Фонарей мало, собак нет вообще, охрана в расслабухе. Большие здания по периметру окружают маленькие одноэтажные склады и офисы. Цитадель промышленности.

Я включил сканер и пошел исследовать квадрат. У тех, кто долго занимается изъятием искорганов, вырабатывается особое чутье на тайники, где люди обычно устраивают свои норы. Например, большая часть здешних зданий наверняка пуста: неисправные должники обычно думают, будто обставят союз, игнорируя дома на виду, поэтому я начал поиск с середины, обращая особое внимание на среднего размера офисы.

Сканер, спасибо Джейку, не только считывал по несколько искорганов за раз; он «брал» почти через любой материал, кроме толстого слоя свинца. Но в современном городе уже не найти массивных свинцовых сооружений. Если людям требуется построить что-нибудь прочное, они используют титан, который весит меньше, служит дольше и, к счастью для меня, не является преградой для сканера.

Капитана я нашел достаточно быстро. Когда подошел к четвертому зданию по левой стороне, методично водя лучом вправо-влево, на дисплей пришел сигнал. Побежали цифры и данные: «Джарвик-11», модель два «а», дополнительные функции — календарь и записная книжка. Дата изготовления — четыре года назад, что меня удивило: большинство уклоняющихся от платежей ходят с трансплантатом не больше года. Любой, четыре года выплачивая за искорган, в состоянии наскрести остальное. С другой стороны, человек может мчаться на полной скорости по самому гребню мира, наскочить на кочку сокращения и вписаться башкой в трудные времена.

В этом я вскорости убедился сам.

Осматриваться я не стал. В розовой квитанции говорилось, что он скрывается один, и я не сомневался: статус одиночки у капитана не изменился. Может, у него до сих пор в нагрудном кармане Мистер Зебра? Если так, полосатый приятель может ожидать в гости песочного человека.[25] Судя по наружным размерам здания, площадь офиса составляла около девятисот квадратных метров, но я решил подстраховаться и взял из багажника три канистры с эфиром. Одной канистры хватало на четыреста квадратных метров, но эфир нынче дешев.

В здании не было окон, поэтому пришлось вырезать дыру для трубки в деревянной двери, ковыряя ее понемногу карманным лазером и стараясь не очень вонять горелой древесиной. Несмотря на почтенный возраст, капитан Кей наверняка не утратил обоняния, и запах гари его насторожит. Одно неверное движение, и он улизнет через заднюю дверь, а я и не замечу. Я слишком уважал этого человека, чтобы гнаться за ним по улице. Он заслуживал почтения.

Через двадцать пять минут — все это время искорган оставался на дисплее сканера — я выковырял довольно большой сучок и через дырку вставил пластиковую кишку. Затем последовательно соединил канистры одну с другой, повернул краник и предоставил не имеющему запаха газу делать свою работу. Выждав пятнадцать минут, я натянул респиратор и вошел в здание закончить дело.

Что может быть проще?

Клиент лежал на полу, разбросав руки в стороны, — именно как я любил, если изымал не почки. Капитан Кей носил мятую синюю рубашку и брюки от смокинга, словно только что вернулся домой после выступления на свадебном торжестве в танцзале Американского легиона. Черты лица, морщинистого и иссушенного временем, остались мягкими и дружелюбными — как я любил их когда-то! Мне даже захотелось привести капитана в чувство и задать давно копившиеся вопросы: как вы заставляете говорить Мистера Зебру? А Поли-Убежденность правда верит всем своим словам? Почему вы ни разу не поздравили меня с днем рождения в прямом эфире, а других поздравляли?

Но меня ждала работа, и я разрезал его одежду, обнажив поросшее густым седым волосом тело. Затем в дело пошли скальпель, ножницы, отсос, чтобы убирать кровь и видеть, что я делаю. Лампа на гибкой ноге, которая ставится рядом с телом и освещает грудную клетку. Молоток, чтобы ломать ребра, ручная костепилка на случай проблем с прохождением грудины. Капитан лежал неподвижно — ни шевеления, ни звука. Если он уже умер, «Джарвик» гнал кровь по мертвому телу. Впрочем, это не имело значения: сердце билось, а оно-то мне и требовалось.

«Джарвики» первых моделей были известны тем, что продолжали работать даже после извлечения из тел реципиентов, и я знаю случаи, когда биокредитчики теряли пальцы, оттяпанные титановыми клапанами, запросто перекусывавшими и плоть, и кость. Поэтому некоторое время назад производители установили электрический монитор пульса, который, кроме имитации сердечного ритма, позволял при извлечении остановить работу сердца, применив соответствующее напряжение. Как все образцовые биокредитчики, я возил в багажнике дефибриллятор и брал его на все заказы по изъятию «Джарвиков». Сегодняшний случай не был исключением.

Но тут возникла проблема. Я помню, как достал дефибриллятор из сумки и поставил на землю. Помню, что открыл его и услышал знакомое гудение зарядки. Я взял электроды заручки и потер друг о друга, чтобы улучшить контакт,

к тому же я много раз видел это по телевизору.

Установил разряд на триста джоулей — достаточно, чтобы любого не то что встряхнуть, но и вытряхнуть на тот свет, и секунду помедлил, думая, какой легкой стала работа, как прекрасно быть профессионалом и мастером своего дела, которое приносит пользу людям и хорошо оплачивается, и как мне будет всего этого не хватать.

Крепко стиснув ручки электродов, я прижал их к груди капитана Кея и торжественно вдавил кнопки большими пальцами, чтобы пропустить прекрасный мощный поток шустрых электронов через тело клиента.

И в этот момент у меня остановилось сердце.

«О-о, — равнодушно подумал я, — вот, оказывается, как это бывает». Это четвертый случай в моей жизни, когда я потерял сознание.

Я был официально мертв в течение часа.

— Значит, последний заказ прищемил тебе хвост, — сказал Эсбери громким шепотом, когда я подошел к концу своего повествования.

— Предпредпоследний, — поправил я. — У меня еще были два розовых листка. Не представляю, как бы я перевелся в другой отдел… Да, вот так все и вышло. Дефибриллятор глюкнул, система дала сбой, и разряд прошел через меня, а не через клиента.

Бонни провела рукой по моей спине и придвинулась ближе.

— Но ты же выжил, — сказала она.

— Более или менее, — отозвался я. — Складской менеджер забыл на столе папку и приехал забрать. Увидел мою машину, свет в помещении, вызвал охрану, и вскоре меня привезли в больницу.

— И там, — договорил за меня Эсбери, — тебе вставили «Джарвик».

Я кивнул:

— Они получили меня мертвым, а выпустили живым. Доставили на каталке с полной остановкой сердца. Эскулапы сразу сказали — в моем моторчике уже произошли такие изменения, что его не запустить. В таких случаях проводят имплантацию искоргана, и в больнице пошли на операцию, выбрав для меня «Джарвик» самой последней модели. К тому времени кто-то углядел мою татуировку и пустил слух, будто я — большая шишка в Кредитном союзе; с этого момента вокруг меня ходили на мысках и разве что пирожными не кормили.

Очнувшись в отделении интенсивной терапии, я увидел у своей койки собственного босса и закадычного дружка Джейка — с подарками, цветами и потоком отборной ругани, из которой уразумел, что между нами все по-прежнему и новое сердце не станет препятствием для нашей дружбы.

— И действительно не стало? — спросила Бонни.

— Да как тебе сказать? Сейчас скорее стало.

Всего через день они принесли мне на подпись бумаги — легендарные желтые листки. Я расписался где положено, и уполномоченный союзом продавец оторвал мне желтую квитанцию, под ней оказался розовый листок, который он быстро сложил и убрал в портфель. Розовый листок будет храниться в магазине, пока я не расплачусь за «Джарвик» или пока его не отдадут специалисту-биокредитчику вместе с поручением изъять искорган.

Ясное дело, я попытался отделаться от этой мысли. К сожалению, не думать о розовом листке — все равно что алкашу не видеть зеленых чертиков или… Сравнение подберите сами.

Венди пришлось перезаложить дом на озере, которым владели несколько поколений ее семьи. Авансовый платеж за меня внесли, поэтому беспокоиться требовалось всего о нескольких тысячах долларов в месяц, за которые мое сердце будет биться, а кредитная история останется чистой. Переход в отдел продаж ни под каким видом не позволил бы мне выплачивать алименты всем моим супругам, сохранить дом, который мы с Венди только-только выкупили, и продолжать платить за новое сердце. Канцелярская работа закончилась, не начавшись.

Мне предстояло вернуться к изъятию биокредитов.

На больничной койке я пробыл недолго: через день после подписания договора о займе с Кредитным союзом меня привезли домой — трудиться над окончательным выздоровлением. Сказали, что через неделю мне разрешат ходить, а на работу можно выйти через месяц. Через четырнадцать дней смотрения в телевизор я решил послать эскулапов подальше и поехал в офис.

В союзе все были рады меня видеть: дружеские тумаки сыпались на мою спину со всех сторон. Но по дороге в кабинет директора я улавливал изменившуюся интонацию, иные взгляды, которые бросали на меня коллеги, и скрытый поганый интерес, не стану ли я еще одним клиентом, чье имя кто-нибудь из них прочтет на розовом листке. Словно я уже сдался.

Фрэнк удивился, увидев меня так скоро, ожидая минимум через неделю.

— Не знаю, что тебе дать, — развел он руками. — Все заказы пятого уровня уже распределены.

— Тогда давай четвертый, — сказал я. — Теперь во мне товар союза, нужны наличные.

Через час препираний я вытряс из него простейший заказ на изъятие протеза ноги. Со мной послали двух молодых специалистов, девятнадцатилетних выпускников, делающих первые шаги на новом поприще. Этот заказ мог выполнить любой уличный бандит, с той разницей, что у нас была татуха на шее и правовая защита.

Один из пацанов, долговязый Йен, боялся меня до судорог. Он получил повышение совсем недавно, а раньше потешал людей в костюме Ларри-Легкого и много раз видел, как я возвращаюсь в магазин с окровавленными руками и свежими ссадинами. У Йена было романтическое и возвышенное представление о нашей работе, и в глубине души он верил, что она поможет ему стать лучше.

Вторым оказался отморозок по имени Гаррет, который не говорил, а бухтел, и не смеялся, а ревел, как осел. В профессии его в первую очередь привлекала возможность марать руки. Честно говоря, многие парни из биокредитов любят именно кровавый аспект нашей деятельности, к которому я всегда был равнодушен, так что данная карьера, несомненно, привлекает людей определенного психологического склада, среди которых Гаррет скорее мелкая сошка.

Заказ заключался в изъятии искусственных руки и ноги — оба протеза с левой стороны — у мужчины, проигравшего схватку с товарным поездом. Что-то там переходил, не сработал аварийный затвор, округ выплатил одну пятую суммы за биопротезы, клиент пять лет переводил проценты, но теперь все пошло к чертям.

Я показал Йену и Гаррету, как наполнять помещение эфиром — Йен ловил каждое движение с фанатичным интересом, Гаррет явно жалел, что нельзя вынести дверь и устроить потасовку, — и мы вошли внутрь.

Мистера Ивена, нашего клиента, мы нашли за столом, уткнувшегося лицом в миску тофу, а его миловидную жену — лежащей на спине. Пока мы с Йеном подготавливали клиента, Гаррет жадно разглядывал миссис, и я оттащил его за шиворот за секунду до того, как он перешел к активным действиям.

— На невинных разевай пасть в свободное время, — сказал я. — Союз платит тебе не за то, чтобы ты лапал дамочек.

По-моему, у меня нет педагогической жилки, но я как нанятой вбивал свои знания, накопленные за годы работы, в этих

пацанов, показывая, где лучше резать и доставать имплантаты, чтобы максимально ускорить процедуру и пролить меньше крови.

Но когда настало время делать первый надрез, рука затряслась, пробитая отчетливой дрожью. Вместо уверенных быстрых движений получалось черт-те что. Я решил не обращать внимания, нажал на скальпель, надрез стал нужной глубины, и мы сделали свою работу. Но пока я резал и изымал бок о бок с юнцами, которые однажды сменят меня на посту, эта мысль не давала мне покоя. Моя рука дрогнула. Вот и все. Начало конца.

— И тогда?.. — спросил аутсайдер. — Тебе перекрыли кислород?

Я покачал головой, раскаиваясь, что рассказал слишком много.

— Нет, заказов было достаточно.

— Так в чем проблема? Хватай квитки, греби наличные!

— Да как бы отвращение наступило, что ли. Не нужно мне это стало, и все тут.

Эсбери хотел спросить что-то еще, но Бонни — дорогая Бонни, которая сидит рядом со мной, пока я печатаю эти строки, и листает мудреную инструкцию к какому-то искоргану, — бросила на него предостерегающий взгляд, и он замолчал, ушел в кухню и принялся рыться в выдвижном ящике — бумаги так и летали. Отыскав карандаш, аутсайдер что-то настрочил на чистом листке блокнота.

Это был адрес, который он отдал Бонни.

— Идите туда. Найдите девку по имени Родезия, она вас спрячет.

Я взглянул на бумажку: этот дом на улице Гриндейл я помнил из прошлой жизни.

— Это же магазин Гейблмана, — сказал я. — Ты что, чокнулся?

Эсбери заржал и кинул мне печень. «Таихицу», последняя модель.

— У аутсайдера есть свои инсайдеры, биокредитчик. Склады фирм-производителей — идеальное убежище. Весь товар с серийными номерами, поэтому сканер там бесполезен.

Он был прав. Как печень, которую я держал в руке, каждый искорган на складе магазина снабжен чипом, отзывающимся на считывающий луч; на любой сканер придут тысячи сигналов. Даже Джейк со своим до небес навороченным агрегатом вряд ли сможет отыскать меня на складе Гейблмана — легче найти иголку в стоге сена.

Однако склад сотрудничающей с союзом фирмы не может

служить постоянным убежищем нелегалам, и Эсбери это понимал. Повернувшись к Бонни, он сказал:

— Не вылезайте оттуда несколько дней, затем свалите и найдите меня. Я подыщу другое место.

Бонни обняла его — целомудренно, не прижимаясь — и твердой походкой вышла. Я хотел пожать Эсбери руку, но он заключил меня в объятия, крепко стиснув плечи, и произнес, неожиданно избавившись от своего жаргона:

— Ты ее береги. Отнесись по-человечески. Тогда и мы с тобой поладим.

— Заметано, Эсбери.

Венди знала, что я ухожу. Я не хотел оглушать ее новостью, как поступили мои четыре бывшенькие, поэтому сел рядом и сказал прямо. Счета копились, карьера в биокредитах ожидала лишь официального завершения, и за «Джарвиком» неминуемо придут, как только истечет тридцатидневный льготный срок и выйдет последнее уведомление.

— Ты найдешь другую работу, — запротестовала она. — В иной сфере.

— У меня нет квалификации, — ответил я. — А начинать сначала слишком поздно.

— А ты не можешь… Не можешь вернуться в союз? Ты им нужен, я знаю. Станешь брать больше заказов, будем меньше есть, скорее выплатим за сердце…

Она была права, союз действительно не хотел меня отпускать. Когда я выздоровел, Фрэнк сдержал слово и снова начал давать мне заказы пятого уровня. Он был бы просто счастлив, продолжай я делать то, что у меня прекрасно получается, и платил бы мне отличные бабки, как все эти годы. Вероятно, даже присвоил бы шестой уровень. Но я не мог больше этим заниматься.

Да, жизнь полна сюрпризов: потерял сердце, обрел душу.

XVI

Время позднее.

Компания «Гейблман» — крупнейший промышленный комплекс, конгломерат нескольких производителей под одной крышей, работающих в одних и тех же производственных помещениях, на одном и том же оборудовании, нередко объединяя усилия, чтобы снизить общие расходы. Большинство американских специализированных производителей действуют под протекторатом «Гейблмана», включая «Стратерс», «Томпсон» и «Воком». «Стратерс», например, много лет противилась расширению производства, несмотря на свою знаменитую серию надгортанников. Всякий раз, когда «Стратерсу» присуждали премию Рэкмена за дизайн, заказы текли рекой, и энергичные инвесторы требовали, чтобы компания выпустила акции и превратилась из частной фирмы в акционерное общество. Однако Стратерсы, потомственные производители детской деревянной мебели, уже двадцать лет поставляющие на рынок эксклюзивные искорганы ручной работы, считали, что расширение лишь повредит бизнесу. То же самое с «Томпсоном», «Вокомом» и остальными; они не желали расширяться, но в то же время хотели иметь широкую систему сбыта, чтобы конкурировать с гигантами вроде «Таихицу» и «Маршодин».

Тут и появился «Гейблман», своеобразный посредник, сделавший эксклюзивные органы доступными для широких масс и кредитных домов вроде «Кентона» и Кредитного союза (обе организации имеют собственные заводы по производству искусственных органов, но охотно дают кредиты на чужую продукцию, если клиент вносит авансовый платеж и проценты).

Сложно, запутанно, но так они работают. Если деловые схемы современной индустрии искусственных органов перевести в систему координат, получится паутина, сплетенная пьяным пауком. Это не более чем корпоративный инцест кровных родственников делового мира.

Но зато здесь чертовски хорошо прятаться. Бесчисленные ряды складских стеллажей двадцать футов высотой тянутся вправо и влево от прохода на тридцать ярдов. Стеллажи трехъярусные, каждая полка шириной шесть футов — просто ложись и валяйся, двуспальная кровать, раскинувшаяся насколько хватает немодифицированного человеческого взора. Эти непомерно огромные склады, отражающие дизайнерские вкусы оптовиков, — бывшие самолетные ангары, и если байки,

циркулирующие в союзе, не лгут, то в теперешнем складском помещении «Гейблмана» в двадцатом веке строили самолеты по технологии «стеллс» для ВВС США.

Может, и правда, наверняка не скажу. Зато я точно знаю: третий ярус четвертой полки слева от прохода — отличное место, чтобы печатать на машинке. Эхо сразу глохнет в этой твердыне искорганов, гасится стеной из печеней, сердец, глазных яблок и селезенок, возводить которую целый час, а обрушить раз плюнуть, достаточно потянуть не за ту поджелудочную. Это не игрушки. Бонни уже получила от меня выговор, и не однажды.

Мы подошли к служебному входу Гейблманова комплекса через час после ухода от Эсбери. Его знакомая, можно сказать, ждала нас с красной ковровой дорожкой и прочей помпой. Охранница — ничего интересного — выполняла свои обязанности, сидя в будке три на три фута.

— Заходите внутрь, — прошипела Родезия, когда мы приблизились. — Не бегите.

— Мы и не собирались, — отозвалась Бонни.

— Вот и не вздумайте.

Она почти втолкнула нас в дверь и повела по длинному коридору, мимо полок, заставленных новейшими искорганами современных корпораций.

— Это резервный склад, — пояснила Родезия. — Сюда не заходят, разве что в магазине полностью закончится товар, но тогда они заранее звонят.

— Неужели никто все это не проверяет? — не поверил я.

— Здесь работаю только я. А я не проверяю. На пару дней вы в безопасности.

Вот здесь мы и устроились. Я печатаю, а Бонни увлеченно читает инструкции к искорганам, то и дело поглядывая на листок из-за моего плеча. Я не против. После каждого взгляда мы целуемся. Сегодня, надеюсь, дело не ограничится только поцелуями.

Бонни видела, как я напечатал последнюю фразу. На ее лице изобразилось удивление — нежный рот приоткрылся буквой «О», но это все игра на публику. Бонни медленно кивнула, придвинулась поближе, и теперь я знаю, каков на вкус искусственный язык — он медовый.

Силикон, правда, тоже чувствуется, но в основном — мед.

Из всех моих экс-супружниц самая насыщенная сексуальная жизнь была у меня с Мелиндой. Порой она становилась просто ненасытной, загораясь чаще, чем я мог ее охладить, и даже когда я буквально приползал домой с работы, в постели меня ожидал

сущий тайфун. Или в машине. Или в парке. Или в универсаме.

После рождения Питера стало потише, но я приписываю это скорее растущему взаимонепониманию, чем появлению сына. Мы могли завести щенка и тем не менее развестись через два года. Мелинда все больше проникалась убеждением, что я эгоист и не прислушиваюсь к ее желаниям. А я все чаще думал, что она слишком любит ныть и жаловаться.

Но я не могу забыть некоторые ее слова. Когда Питеру исполнился годик и наша семейная лодка на полной скорости неслась к водопаду, Мелинда предложила мне брать уроки танцев, чтобы улучшить взаимопонимание. Я не увидел в этом логики, но спорить не имел сил. Поэтому дважды в неделю перед работой я тащился в ближайшую танцевальную студию и подчинялся командам женщины, с восторгом ухватившейся за возможность научить настоящего биокредитчика искусству красиво двигаться.

Мелинда, при всех ее талантах, так и не выучилась танцевать. Она была бойкой, старательной, но в целом на уровне «очень мило». Понимала музыку и обладала врожденным чувством ритма, но танцевальные па ей не давались — пределом Мелинды так и остались несколько ритмических движений.

Напротив, я схватывал все моментально, словно давно знал, и легко осваивал танцевальную науку. Танго, вальс, мамбо оказались легкими, как дыхание. Вращения, движения, повороты я выполнял с хирургической точностью.

Но когда мы перешли собственно к танцам, толку от меня оказалось не больше, чем от Мелинды. Отдельные шаги получались прекрасно, но танец целиком, от начала до конца, мне не давался.

— Нет ощущения единства, — пояснила инструктор в тот вечер, после которого я перестал к ней ходить. — Все у вас как-то кусками. Хорошо двигаетесь, прекрасно справляетесь с фрагментами, но если нет связи, то нет и танца.

Больше я не появлялся. Мелинда сказала инструкторше, что я слег с гриппом, но я чувствовал — она инстинктивно поняла правду. Зачем упражняться в том, что противоречит моим принципам?

Обвиняя меня в развале семьи, Мелинда приводила танцы в качестве примера моей неорганизованности.

— Ты не умеешь жить нормально, как все порядочные люди, — кричала она мне одним осенним вечером за ужином, когда Питер играл в гостиной. — У тебя все кусками! Тебе бы только расчленять!

У меня было двенадцать аргументов, чтобы отмести это обвинение, но в тот момент в запальчивости я не смог бы изложить их в единой логической последовательности. Не желая лишний раз подтверждать правоту супруги, я промолчал, жуя свою картошку.

* * *

Психотерапевт Кэрол нудил о том же:

— Тесты показывают, что у вас есть деструктивные наклонности.

Я не понял, поэтому кивнул.

— Вы не считаете это проблемой? — поинтересовался мозговед.

— Нет, если Кэрол все устраивает, — постарался я угодить жене.

— Кэрол, — спросил знаток человеческих душ, — вы считаете это проблемой?

— Да нет, — вздохнула она. — Я лишь хочу, чтобы он не был таким козлиной.

Из пяти моих жен четверо называли меня этим словом — если кому-то захочется сосчитать. Я ношу это звание как знак отличия.

С Кэрол я познакомился на пожаре, когда дотла сгорел ресторан ее родственника. Я зашел перекусить между заказами — экстракцией печени, которую только что провел, и какой-то, помню, очень простой работой в спальном районе. В этом заведении я прежде не бывал, но в отношении кафе у меня один критерий: если не вырвало, значит, еда нормальная.

Однако чистота — приборов, продуктов, рук — для меня важна: не выношу неряшества. Я уже умял половину равиоли, когда на зубах хрустнуло что-то твердое. Подавив рвотные позывы, я вытащил кусок изо рта и разглядел в своих пальцах обломанный женский ноготь. Швырнув салфетку, я поднялся из-за стола.

— Что-нибудь не так, сэр? — суетливо подбежал официант.

— Кухня, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — Где у вас кухня?

— Если что-нибудь не так…

Я схватил его за большой палец, а другой рукой — за запястье и выкрутил в разные стороны. Он страдальчески

сморщился, колени подогнулись.

— Где кухня? — повторил я.

Шеф-повар пришел в ярость от появления посторонних в его святая святых, но вскоре на него снизошло такое же озарение, как и на официанта, и он вызвал владельца заведения.

Чет рассыпался в извинениях, всячески мел хвостом, и мы вдвоем пошли по кухне искать владелицу аксессуара. Мы проверили руки официанток, посудомоек и помощниц шеф-повара, когда в глазах Чета появился огонек: ему в голову пришла какая-то мысль. Он повел меня в служебное помещение, где с учетными книгами работала его свояченица, и потребовал:

— А ну, покажи мне руки, Кэрол!

Она даже не спросила, кто я; видимо, ей было все равно. Вздохнула и протянула руки с прекрасным маникюром; ноготь на большом пальце оказался короче остальных. Я с облегчением увидел у нее дорогие акриловые ногти; тот, который попал мне на зуб, был из дешевого жесткого пластика.

Это не случайность, что в нашей семье готовил я.

Через несколько лет, уже после того, как Кэрол меня бросила, мы с Четом, оставшись хорошими приятелями, допились до ностальгических признаний. Чет всегда ее недолюбливал. Ладил, скрепя сердце, потому что она сестра жены, но не понимал, как можно трахать такую холодную бабу.

— Она оттаивала, — отозвался я.

— Кусок льда тоже тает, — хмыкнул Чет. — И что мы получаем в результате?

* * *

Кэрол снимала пробу с равиоли, когда у нее отлетел ноготь, и мы добивались от нее извинений, когда из кухни послышались крики. Сначала это был обычный кухонный гвалт, но вскоре вопли перешли в настоящую тревожную сирену. Переглянувшись, мы с Четом и Кэрол кинулись к двери; они побежали узнать; в чем дело, а я всего лишь хотел оттуда выбраться.

Но никому никуда выбраться не удалось. Когда мы достигли кухни, помещение было охвачено пламенем от загоревшегося на плите жира; огненные языки лизали потолок. Я едва успел крикнуть «Нет!» мальчишке, в обязанности которого входило собирать грязную посуду со столов; подбежав с лотком воды, он выплеснул ее в огонь. Пламя разлетелось и немедленно разгорелось еще жарче, перейдя в полноценный пожар. Сквозь

густой дым я видел, как шеф-повар колотит чем попало дурака-уборщика. Чет направо и налево выкрикивал бессвязно-истерические приказы, требуя пожарный гидрант, соль — все, что угодно.

На плече у меня висела рабочая сумка, где был эфир в трех канистрах под сильным давлением. Я отнюдь не собирался ждать, пока это дело нагреется, поэтому схватил Кэрол за руку и потащил обратно в подсобку.

— Что вы делаете, совсем обнаглели? — взвилась она, пытаясь выдернуть руку.

Я хотел ответить что-нибудь остроумное или на худой конец пробурчать киношное «Спасаю вам жизнь, леди», но изо рта неожиданно вылетело:

— Заткнись!

Приказа она не послушалась, но упираться перестала.

— Возомнили себя героем? — осведомилась она, спеша за мной по коридору.

— Да какое там, на фиг, — отозвался я. — Где уж нам уж. Так, просто выделываюсь.

— У меня там учетные книги остались.

— Гори они огнем! Здесь есть запасной выход?

Кэрол покачала головой:

— Он заколочен. Бродяги пробирались с улицы и воровали еду с кухни.

— Заколочен — это ничего. — И я велел показать второй выход. По пути она спросила, уж не коп ли я. Молча оттянув воротник, я показал татуировку. Вместо того чтобы отпрянуть, как большинство людей, она неожиданно перестала меня сторониться. Кэрол — единственная из моих жен, которую вполне устраивала моя работа. Профессия ей нравилась, это меня она не любила.

Я выжег дверные петли запасного выхода карманным лазером, и мы выбрались из ресторана. Правильно рассчитанный пинок выбил дверь, и мы вывалились в безопасный переулок. Вместо того чтобы разойтись в разные стороны, мы болтались возле мусорных контейнеров, кашляя от дыма, которым успели надышаться, пока не приехали пожарные машины. Кэрол хотела услышать о моей работе в союзе, а я — произвести впечатление на красивую женщину в перепачканном сажей платье на бретельках.

С Кэрол я решил не спешить. Мы расписались аж через девять месяцев.

Джейк был свидетелем на всех моих венчаниях, надевая по

таким случаям свой единственный смокинг, прекрасно сидевший на нем все эти годы. Его мускулистое тело не обросло даже унцией жира, тогда как у всех остальных метаболизм замедлился хуже улитки.

Также он был свидетелем всех моих разводов, кроме последнего. Несколько лет назад союз оплатил ему сертификат нотариуса, и хотя Джейк не питал особого почтения к печатям и тисненой бумаге, диплом оказался неоценимым для изъятия биокредитов. Теперь Джейк заполнял на три-четыре бумажки меньше по каждому клиенту, экономя почти час, и первым получал самые выгодные заказы. Но не взял ни цента за нотариальное заверение моих свидетельств о разводе — вот что значит дружба. Он даже предложил свои услуги по заключению брака, когда мы с Венди впряглись в одну упряжку, но она потребовала, чтобы подобную церемонию провел человек в сутане. Я втолковывал ей, что Джейк несколько лет проучился в католической школе, но она уперлась.

Вот интересно, если Джейк накроет нас на этом складе, если отрежет пути к спасению, если его предложение насчет регистрации все еще в силе и он каким-то образом отыщет нас в этом эдемском саду человеческих органов, то согласится ли сочетать браком меня и Бонни? Мне много не нужно, достаточно самой простой пятиминутной церемонии, а затем он может нас вырубить и забрать все, что захочет.

Пожалуй, нужно все же заранее обговорить это с Бонни.

У Кэрол был собственный дом — прелестный особняк в викторианском стиле в Алабаме, и я даже перевелся в тамошнее отделение союза — распробовать алабамскую атмосферу. Транспортная система союза устроена так, что я мог жить практически где угодно и все равно приходить в главный офис, сдавать изъятое и брать новые заказы. Но мне хотелось ближе познакомиться с коллегами из алабамского отделения.

Не знаю, ожидал ли я увидеть новую, неизвестную разновидность биокредитчиков или думал, что южное благородство каким-то образом влияет на рабочий день, но там оказалось то же самое — пустил газ, хапнул и слинял. Немного чаще собирались на барбекю, несколько месяцев привыкал к акценту, но алабамские спецы ничем не отличались от нью-йоркских. Друзей я там не завел — одни слышали обо мне раньше и держались от меня подальше, другие не интересовались новичком.

С самого начала я пытался кое-что втолковать мозговеду Кэрол.

— Мы не меняемся, — сказал я в наш первый визит.

— Люди вашей профессии? — уточнил он.

— Люди моего сорта, — ответил я. — Черт, скорее, люди моего вида.

Она была у меня бизнес-леди, Кэрол. Покупала-продавала мелкие компании чаще, чем я менял белье. Я приходил домой после трех суток срочной работы и узнавал, например, что ее магазин деликатесов пуст, сыры и паштеты распроданы, а Кэрол сидит в директорском кабинете другой лавочки в ста ярдах дальше по улице и ведет процветающий бизнес по производству пряжи. Я не успевал следить за финансовыми трансакциями и однажды спросил, как ей удается порхать от одного дела к другому.

— Почему порхать? — удивилась она. — Дело одно и то же — я занимаюсь продажами.

— Но ведь ты продаешь что попало! Разве тебе не трудно работать в разных рыночных нишах?

— Тебе трудно изымать почку, селезенку и печень в одну ночь? — прищурилась она.

— Нет, но это же другое дело. Я извлекаю органы клиентов!

— А я извлекаю наличные из их бумажников, — отозвалась Кэрол. — И обхожусь без скальпеля — Бог дал мне гибкий язык.

* * *

Я на девяносто пять процентов уверен, Кэрол имела в виду — она мастер убалтывать клиентов. В хорошие дни — на девяносто девять.

Бонни дочитала инструкцию к легочной системе Йошимото.

— Забавно, — засмеялась она и с японским акцентом озвучила плохой перевод: — «В счастливой оперативной процедуре дыхание будет как свежий воздух через тело. В недоброй оперативной процедуре свежий воздух помрачнеет».

Помрачневший свежий воздух — неплохой образ для обозначения смерти реципиента. Ну, я не японец, стихи из чего попало складывать не обучен.

Бонни только что велела отставить машинку и идти спать. По-моему, «спать» она имела в виду во втором смысле. На этот раз я не останусь глух к намекам и прислушаюсь к кошачьим воплям инстинкта в моей голове: пойду к Бонни, уложу ее на

ложе из печеней и позволю природе — по крайней мере тому, что осталось, — взять свое.

XVII

Прошло два дня. Вчера я не печатал. Этот день принадлежал только нам с Бонни, никаких механизмов. Мы сидели на своей полке и говорили о себе, друг о друге и о прошлом. Теперь я могу сказать, что любил всего семь женщин в своей жизни, включая маму, и женился на каждой, исключая маму и Бонни. Все-таки хорошо, что список — штука изменяющаяся.

Едва проснувшись утром после ночи плотских утех, мы снова набросились друг на друга, как два ненасытных тинейджера, пытающихся выяснить, что в этом такого хорошего. Она рассказала еще кое-что о своем бывшем муже и всех этих годах на улице — история жизни, за которой охотился союз.

А я поведал о собственном бегстве из кадров, о том, как ухитрялся уходить от расставленных ими силков, о визите в торговый центр, о своей жизни с того дня, как бросил работу и ударился в бега.

И я рассказал ей о Мелинде — чтобы все было по-честному. Это единственное, о чем я не упоминал всю свою подпольную жизнь, и выговориться оказалось большим облегчением, словно выпустить воздух, распиравший мою грудь много месяцев.

Началось с разговора о моих последних днях в союзе. Бонни не могла понять, из-за чего меня уволили.

— Я не хотел брать заказы, — объяснил я.

— Не хотел или не мог?

— Им без разницы. Не хотел и не мог.

— Почему? — спросила она, и тогда я рассказал ей о последней встрече с моей третьей бывшей женой.

Грудь после имплантации зажила, и, согласно цифровому монитору, вшитому в бедро, мой трудяга «Джарвик-13» обещал бесперебойно биться еще двести лет. Фрэнк был рад моему выздоровлению. Когда я окончательно оклемался, мы вернулись к веселому трепу, как до несчастного случая. Он сыпал добродушными инсинуациями по поводу моего характера; я прохаживался насчет его матушки. Мы отлично ладили, я и Фрэнк.

Выплаты за «Джарвик» были высокие, две тысячи баксов в месяц, и вместе с закладной на дом и растущими ценами на еду и бензин… Черт, я ною, как хреновы должники, с которыми каждый день имел дело, но суть в том, что теперь я могу поставить себя на их место. Тем не менее мне удавалось платить — сполна и в срок, и сохранять кредитный рейтинг чистым. Все мы так

поступаем, поскольку это в порядке вещей.

Но я знал, что всего один-два заказа отделяют меня от серьезного дефолта и если что-то пойдет не так или займет больше времени, чем планирую, я могу нарваться на неприятности. Даже задержка чека на комиссионные лишит меня отсрочки платежа, а пени так просто столкнут за грань. Однако я держал эти мысли при себе и выполнял заказы без шума и пыли — быстро, легко и безболезненно.

За исключением предательской дрожи. Она появлялась всякий раз — то сильнее, то слабее, витая вокруг меня, словно мстительный дух, выжидая удобного момента для удара. Я погружал скальпель в плоть или выкручивал какой-нибудь упрямый узел и чувствовал, как дрожь прокатывается от плеча до кисти, мини-землетрясение, сотрясающее предплечье, запястье и пальцы. И меня не отпускала мысль — когда она снова начнется? Будет ли в следующий раз сильнее?

В тот день я обезвредил шайку аутсайдеров, воровавших искорганы «Кентона» у наших клиентов, и Фрэнк вызвал меня к себе в кабинет.

— Есть работа, — сказал он. — Свеженький клиент.

Обложка досье бордовая с белыми полосками — значит, «Гейблман». Открыв папку, я пробежал глазами розовый листок: изъятие обеих почек, просрочка оплаты — один год, последний раз клиента видели в центре города. Комиссия — на три тысячи больше стандартной. Это был шанс еще несколько месяцев удержаться на краю долговой ямы, и я взялся не раздумывая. Фотография была отпечатана с записи видеокамеры наблюдения — должно быть, снимок сделан возле банкомата или на светофоре. В принципе четкость роли не играла: сканер и так сообщит мне все, что считает луч.

В длинном списке разнообразных ляпов, о которых я сожалею, небрежное прочтение того розового листка тянет на третье место (два первых занимают подделка выигрышного лотерейного билета и связь с одной девчонкой из Бетезды). Этот небольшой недосмотр будет преследовать меня до конца жизни.

Джейк меня проводил. Я был в раздевалке союза, паковал саквояж. Да-да, в то время у меня имелся кожаный саквояж, подарок Кэрол, сделанный на заказ каким-то умельцем из Турции, с карманами для канистр с эфиром и петлями для скальпелей. Саквояж попахивал коровьей мочой, но это была лучшая сумка в моей жизни.

— Как моторчик? — спросил старый друг. — Тикает по Гринвичу?

Джейк лично перевел мой «Джарвик» на нормальную американскую метрическую систему и с удовольствием дразнил меня первоначальными установками.

— Отлично тикает, — заверил я. — Иду за почками. А у тебя что интересного?

— Фигня, — отозвался Джейк. — Несколько заказов по городу, ничего особенного.

Забросив саквояж на плечо, я направился к выходу:

— До завтра.

Я поднял большой палец, и Джек приложил к нему свой.

— До завтра, — ответил он.

Прелесть работы в центре — по крайней мере для биокредитчика — состоит в том, что благодаря простой и правильной застройке можно разъезжать на такси, установив сканер на относительно малый радиус и намывая свое золото дураков.[26] Так я нашел несколько дешевых органов в Филморе, до смерти напугал двух пожилых мужчин, пикнув сканером на искусственную почку каждого, но в основном все шло гладко, и я набросил таксисту полтинник за то, что возил меня по-королевски.

Ближе к южной части города я поймал двойной сигнал. Две почки, лицензированные, «Гейблман», одинаковая дата выпуска, на расстоянии фута друг от друга. Должник, за которым я приехал.

В районе было мало современных зданий — последний пожар свел на нет все попытки реконструкции, но местные торговцы наставили палаток, фруктовых лотков и столов со всякой мелочовкой. На множестве непонятных языков меня зазывали купить всякую дрянь и ругали, когда я этого не делал. Но стоило мне показать татуировку на шее, как все мгновенно заткнулись. Мне практически не потребовалось раскрывать рот.

Приближаясь к точке, где впервые уловил сигнал, я постепенно уменьшал радиус сканера, определяя местонахождение клиента. Я осторожно пробирался среди каменной крошки и кусков бетона, которые никто не озаботился убрать с тротуаров. Куда ни глянь, повсюду зола и обгоревшие кирпичи. Ветхое здание, заброшенное и забытое. Идеальное убежище, похвалил я про себя, случись мне скрываться, в таком бы и прятался.

Вот некстати и напророчил.

Океаник-плаза стала добычей двух пожаров, случившихся с разницей в пять месяцев. Первый произошел из-за короткого

замыкания — неисправность на электроподстанции; пламя погасить не удалось, и огонь охватил целое крыло шестиэтажного комплекса. Второй раз, судя по всему, был поджог; взрыв превратил уцелевшую часть в щебень. Жилищная корпорация списала убытки и переключилась на другие районы, а больше инвесторов не нашлось. Жители Океаник-плазы заключали двадцатилетний договор аренды жилья, но вскрылись какие-то махинации со страховкой, и с финансовой точки зрения выгоднее оказалось взять деньги и сделать ноги, чем реинвестировать средства в свою развалюху в неперспективном районе.

Теперь это была брошенная земля, неправильный круг из пяти полуразвалившихся зданий восемьдесят футов высотой, приют бездомных людей, бродячих кошек и всяких маргиналов. Груды стекла хрустели под ногами, рассыпаясь в мелкий порошок. У меня возникло стойкое ощущение, что и без облепивших участок табличек «Вход воспрещен» и «Не входить» туда никто без большой… то есть особой, я хотел сказать, нужды не сунется.

Двумя днями раньше прошел сильный дождь, и путаница следов легко читалась на влажной земле. Явная тропа между двумя исполинскими кучами крупных обломков расходилась к руинам справа и завалам слева. Я стоял на распутье, держа сканер в опущенной руке, подсвечивая себе дорогу зеленым светом.

Некоторое время царила тишина. Я увеличил радиус поиска и поймал несколько сигналов с городских улиц, но среди них не было того, что я искал. Я уже хотел вернуться и начать заново, когда за спиной щелчком отбросили окурок. Держа руку наготове у бедра, где за поясом был «маузер», а в кармане удавка, я обернулся, плотнее вжавшись в тень.

Скрюченный высохший старик, одна нога на добрые шесть дюймов короче другой, ковылял по обломкам, отбрасывая камни с невероятным для его возраста проворством. Я направил на него сканер: старый чувак, как ни странно, оказался чист, учитывая, что более девяноста процентов его ровесников ходят с искорганами, а оставшиеся либо ненормально здоровы, либо одной ногой в могиле, когда трансплантация уже ничего не исправит.

Стоя в тени Эвереста обломков, я зачарованно смотрел, не веря своим глазам, как старикан легко расшвырял увесистые куски бетонных плит и застывшего раствора, открыл маленькую темную пещеру на дне Океаник-плазы, влез в дыру и начал подтаскивать камни на место, маскируя вход, который вскоре нельзя было отличить от окружающего пейзажа.

Я направил сканер прямо на то место, где находилось потайное отверстие, и нажал кнопку большим пальцем. Аппарат пискнул. Две почки, те, что я ищу.

Присев на корточки (подобные вещи никогда нельзя делать из положения согнувшись — сорвете поясницу), я обхватил тяжелый каменный блок, ощутив под пальцами зазубренные кромки, и рывком поднял обломок. Он взлетел на воздух и приземлился футах в пятнадцати позади меня. От отсутствия ожидаемой тяжести я едва не сел на задницу. Попробовал другую глыбу, затем еще и еще и вскоре убедился, что большая часть завала — бутафория, не тяжелее пенопласта. Посмеиваясь — такого я не видел за весь свой двадцатилетний стаж, — я расчистил достаточно большое отверстие, чтобы пролезть, и отправился на дно Океаник-плазы.

Там я оказался не один. Подземные жители шаркали мимо, пробираясь по тесным замусоренным коридорам. Слышались бормотание, вздохи, где-то пела женщина. Приятное чистое сопрано тонкой струйкой лилось в пропитанном хаосом воздухе. Место было опаснейшее — грубо проделанные переходы и покосившиеся стены могли обрушиться в любой момент.

Я шел по подземному городу, распугивая писком сканера всех, кому могла прийти мысль вспороть мне брюхо. Цифры приходили на дисплей со всех сторон: сканер находил орган за органом, большинство были выпущены больше десяти лет назад. Этот схрон, вернее, гнездо неисправных должников, не походил ни на один тайник, которых я навидался за два десятилетия работы. А ведь по возвращении в офис предстояло составить подробный отчет.

Проходы становились ниже и уже, выступающие кирпичи царапали руки, рвали одежду. Вскоре я уже передвигался согнувшись и втянув плечи, стараясь максимально уменьшиться в размерах. Я не подвержен клаустрофобии — это нежелательная черта для биокредитчика, из-за нее и с жизнью расстаться недолго, — но там, под тысячами тонн каменных обломков, грозивших в любую секунду погрести под собой всех обитателей и одного биокредитчика, было так душно, что я впервые в жизни испугался реальной перспективы задохнуться. Однако заставил себя вспомнить, зачем пришел, и поплелся дальше.

Из-за сканера пришлось погулять лишнего; луч-то мог проникать через препятствия, но я сделан из плоти и крови, поэтому, даже окажись гейблмановские почки буквально за стеной, ничего не мог сделать, кроме как отправиться на поиски обходного пути. Необходимости ковырять кладку карманным

лазером я не видел.

Вскоре я передвигался, согнувшись в три погибели, а потом и ползком — при обрушении потолок остановился на высоте три фута. Теперь я преодолевал коридоры на четвереньках, крепко сжимая сканер в правой руке и тазер — в левой. Ремень сумки был захлестнут за ногу, и канистры с эфиром позвякивали, когда саквояж проезжал по камням. На секунду меня посетило искушение вернуться и установить наблюдение снаружи в надежде, что должник предпримет вылазку в реальный мир, но я знал: клиент, забившийся так глубоко, долго не покажется на поверхности. Мне требовался этот заказ; мне до зарезу нужны были комиссионные. Если я запорю поручение, толстая стопка счетов врежет мне по кумполу больнее, чем многотонные завалы наверху.

Наконец, когда штаны порвались до дыр и я полз на голых коленях и саднящих ободранных ладонях, я нашел то, что искал. Сканер зашелся в праведном гневе — клиент был рядом. Две почки, готовенькие и ждущие только меня. Думая уже о дороге домой, причитающихся наличных и счетах, которые смогу оплатить, я пополз скорее, то и дело перехватывая тазер.

Вскоре я начал различать звуки. Разговор? Нет, только голос, без слов. Чем ближе я подбирался, тем более плавным он становился, и вдруг мне одновременно захотелось побежать и застыть на месте: как можно быстрее проверить, правильно ли расслышал, и остаться на случай, если угадал. Негромкое пение просачивалось в длинный коридор из грота в ста ярдах от меня. Одинокий голос, высокий, мелодичный:

— Я хочу поплавать в море с говорящими колибри…

Мелинда лежала на спине, разметавшись на камнях и глядя в потолок. Когда-то здесь был вестибюль западного крыла Океаник-плазы. Большая часть помещения сохранилась, несмотря на рухнувшие опорные балки и накренившиеся стены. По моим прикидкам, все это удержалось благодаря примерно одинаковому давлению со всех сторон, как в огромном вигваме. Впрочем, я не питал иллюзий относительно безопасности этого места; все могло рухнуть в любую минуту.

Но не это занимало мои мысли; Мелинда, продолжавшая напевать, не замечая, что я вошел в комнату и остановился в пятидесяти футах, — вот о чем я думал. Это, без сомнения, была она. Я не видел ее пятнадцать лет, а постарела она на тридцать. Прежде упругая кожа полного, широкого лица обвисла вялыми складками; под опухшими глазами набрякли толстые неровные мешки. Волосы, когда-то густые и роскошные — Мелинда

укладывала их вокруг головы короной, которой позавидовали бы модели, рекламирующие шампунь, — стали жидкими и безжизненными. Стрижка под пажа, концы неровные, секутся даже при такой длине. Изношенные джинсы с бахромой внизу и едва узнаваемая розовая блузка, которую Мелинда носила дома, — наш интимный сигнал, что она хочет заняться любовью. Пуговицы еле держались, на боку зияли большие дыры, сквозь которые виднелась нездорового желтоватого цвета плоть.

— …Разговорчивые доги пусть плывут с мартышкой рядом…

Я пошел по вестибюлю. Огромные окна с выбитыми стеклами треснули и сплющились под натиском кирпича и бетона. Шаги эхом отдавались в темной холодной пещере. Сканер корректировать не требовалось, но я поднял его, чтобы окончательно убедиться, и — точно, изъятию подлежали почки Мелинды, о которых Питер проболтался много лет назад. Руки сами полезли за папкой; она открылась на первой странице — мне следовало изучить ее еще в коридоре Кредитного союза.

Мелинда Расмуссен. Четко, ясно, однозначно. Ее девичья фамилия. Я не мог убедить себя в существовании второй Мелинды Расмуссен, которая знает колыбельную, сочиненную нами для нашего сына.

— …Буду плавать с барсуками, лишь бы только мы болтали…

Она не смотрела, кто приближается; уставившись в потолок, напевала то мелодию, то слова, а допев, начинала снова, словно кто-то нажимал кнопку повтора.

Я опустился на колени возле третьей бывшей жены и пощелкал пальцами у нее перед глазами. Никакой реакции.

— Мелинда, — позвал я. От звука моего низкого голоса, казалось, дрогнули стены огромного грота. — Мелинда, очнись.

Она не отвечала. Это не походило на обычное безумие, которое мне доводилось видеть у пациентов дома престарелых или у «касперов» с отказавшими «Призраками»; здесь было что-то другое. Она находилась где-то в ином месте и времени. Наклонившись поближе и разглядев блеск алых крупинок в трещинах ее губ, я сразу понял, что Мелинда сидит на «кью».

— Мелинда! — громко сказал я и встряхнул ее за худые костлявые плечи. Голова беспомощно мотнулась на тощей, как труба пылесоса, шее. Наркотик съел ее подкожный жир, вытянув всю энергию из когда-то роскошного тела. Передо мной лежал скелет с обвисшей кожей, и ничего больше. Оставалось удивляться, что Мелинда имплантировала только почки: ее организм находился при последнем издыхании и, боюсь, миновал точку возврата.

Несколько пощечин, и она наконец попыталась

сосредоточиться на реальности, очнувшись от своих наркотических грез. Я видел, как сузились ее зрачки, заметив светящийся экран моего сканера, но она не дернулась бежать.

— Вставай! — приказал я. — Мелинда, вставай!

Моргание. Кашель. Плечи задрожали, руки судорожно задергались, тело сотрясла конвульсивная дрожь, и водопад рвоты извергся наружу, попав и на мои ботинки. Я отступил. Мелинда упала на четвереньки, едва удерживаясь на руках и дрожащих коленях, опустив голову к полу. В рвотной массе я заметил красные сгустки и кровавые прожилки, испещрившие скудные остатки полупереваренной пищи.

Я попятился, предоставив ей блевать до потери сознания. В конце концов мучительные, выворачивающие нутро позывы перешли в икоту, и вскоре она улеглась на каменный пол, потная, задыхающаяся, но сознающая, где находится.

— Неважно выглядишь, — сказал я, подойдя и становясь так, чтобы она могла меня видеть.

Ее веки затрепетали, глазные яблоки задергались, взгляд поднялся к моему лицу и заметался по чертам, воспринимая увиденное. Где-то под черепом очнулся к жизни центр воспоминаний.

— Балбес? — еле выговорила она. Губы искривились в подобии улыбки, обнажив зубы с красными пятнами, десны, лишенные плоти, нервы, убитые «кью».

— Ага. Балбес, — согласился я, отгреб в сторону мелкие камешки и сел рядом с ней, взяв ее бестелесную руку в свои. Она трепетала в моих ладонях, как умирающая пичуга, часто-часто касаясь кожи.

Мелинда дышала тяжело, трудно; воздух с натугой вырывался из легких.

— Мы ходили в парк… балбес… Что там было… в парке?

Я не знал, о чем она говорит. Может, вспомнилась какая-нибудь доисторическая экскурсия, которую мы совершили много лет назад. Или это ее полусгнивший мозг придумывал небылицы, причудливо сплетая правду и фантазии.

— Нам очень понравилось, — ответил я. — Там красиво. Мы сходим, если захочешь.

Мелинда закашлялась и, вытянув руку из моих ладоней, полезла куда-то под блузку, между грудями, от которых ничего не осталось — только два высохших плоских мешочка, и достала маленький алый пузырек. Не успел я понять, что она делает, как Мелинда сунула палец в рубиновую пудру, подцепив целый холмик «кью».

Я перехватил ее руку по пути к деснам и резким движением

стряхнул порошок, начисто вытерев ей палец своей рубашкой. Мелинда чуть отодвинулась, лицо исказила судорога гнева, но вскоре все прошло, забылось. Ее кратковременная память уже не удерживала текущие события.

— Питеру надо спать, — прошептала Мелинда. — Ребенку нужен сон.

Я говорил, что у нее галлюцинации, пытался объяснить, почему мы оказались в полуразрушенной Океаник-плазе, далеко от нашего дома в пространстве и во времени, но она ничего не желала слушать.

— Спой мне ту песенку, балбес, — прошептала она. — Спой Питеру песенку.

Даже сейчас бывшая жена умудрялась настоять на своем.

Она открыла рот с потрескавшимися уголками губ, покрытых запекшейся кровью и частицами «кью», и запела. Голос остался чистым, звучным, в точности как пятнадцать лет назад.

— Я хочу поплавать в море с говорящими колибри…

Когда она допела до конца и начала снова, я стал подпевать.

Через полчаса пения и несвязного лепета дело перешло в решающую стадию. Мелинда ослабела, устала, не понимала, зачем я пришел.

— Должны же у тебя быть деньги, — уговаривал я ее. — Скажи мне, где они, и я все улажу.

Но она говорила только о «кью»: как найти, где найти, сколько стоит. Каждые несколько минут она доставала очередную ампулу. Как бы ни разложился ее мозг от этой дряни, наркотик не убил способности находить припрятанные запасы на собственном теле. Я выхватывал у нее дозу за дозой, удерживая здесь, со мной, в настоящем времени.

— Мелинда, — жестко сказал я, уже не беспокоясь, что от резонанса обрушится крыша. — Ты должна заплатить в Кредитный союз за почки. Если не найдешь денег, я… они… Кому можно позвонить? У кого-нибудь есть деньги?

Она открыла рот, и я приподнял ее, силясь расслышать.

— Позвони моему мужу, — прошептала она.

— Твоему мужу?

Я, правда, не видел Питера несколько месяцев, но точно помню, что ни о чем таком он не упоминал.

— Мужу, — подтвердила она и назвала мое имя.

Все рухнуло. Наводнение здравого смысла перехлестнуло через дамбу, которой я в отчаянии отгораживался. До меня дошло, что Мелинда где-то заблудилась и уже не вернется назад. Деньги, предназначенные на взносы за почки, потрачены на

наркотик, отложенные на оплату счетов и ипотеки скорее всего тоже. «Кью» съел ее налоги, инвестиции, сбережения и, когда ничего не осталось, сожрал мозг. Мелинда, моя финансово щепетильная, высоконравственная, предусмотрительная, добрая и красивая Мелинда ушла навсегда, осталось только иссохшее тело.

Меня по-прежнему ждала работа.

Я отпустил ее руку, мягко поцеловал в лоб и вытащил из сумки канистру с эфиром.

Я не помню, как проводил экстракцию, за что благодарен судьбе. Может, какие-то остатки «кью» впитались через губы или мозг отгородился от реальности, облегчив мне задачу, но те полчаса для меня — сплошное белое пятно. Я воткнул трубку с эфиром ей в рот, повернул краник — и пришел в себя уже на обратном пути, когда полз по коридору, волоча за собой сумку и почки.

Я помню, как вернулся за ней, спохватившись, что не по-человечески оставлять тело гнить в этих развалинах, где его отыщут разве что бродяги. Схватил Мелинду под мышки и выволок из западного вестибюля в темный коридор. Я тащил ее по проходам, извиваясь на спине, пытаясь держать себя в руках, сворачивая не туда, ничего не видя из-за попавшей в глаза соленой жидкости — наверняка пота, утыкаясь в тупики и возвращаясь, волоча Мелинду к выходу.

Это заняло несколько часов, но каким-то образом я все же вылез сам и вытащил труп на холодный ночной воздух. Кругом по-прежнему было безлюдно и абсолютно тихо, когда я положил ее себе на плечо. Руки Мелинды свесились мне на грудь, кисти болтались где-то у живота; любой подумает, что я тащу домой мертвецки пьяную подружку для веселой ночки, а она перебрала и ничего не чувствует.

Мы сидели в машине — я и Мелинда, или то, чем она стала, — довольно долго. Несколько часов. Я уверен, хотя точно не помню. Через некоторое время я подъехал к «Снэк шэк» — это было первое попавшееся открытое кафе, а мне чудовищно хотелось пить. Я ничего не смогу с пересохшим горлом. Я вошел, купил большую порцию содовой и выпил в несколько быстрых жадных глотков. Затем, не дав себе времени на колебания, схватил трубку ближайшего таксофона и набрал номер.

Сосед Питера по комнате сказал, что он в студенческом клубе. Я дал ему номер таксофона, пояснил, что это срочно, и попросил найти моего сына.

Прошло два часа. Я ждал у телефона, Мелинда сидела на

пассажирском сиденье в машине в пяти футах от меня. Никто не обращал на нее внимания. Я смотрел, как люди входят и выходят, и даже что-то говорил бывшей жене, пока мы ждали.

Телефон зазвонил. Я поднял трубку, больше всего желая оказаться далеко-далеко.

— Питер, — сказал я. — Это папа.

— Привет! — Я услышал искреннюю радость в его тоне, и мне захотелось соврать, что я позвонил просто так, вернуться в ту подземную дыру, вставить в Мелинду почки, зашить ее и забыть обо всем. — Нам сегодня сообщили оценки — угадай, что у меня по химии?

Я предположил, что пять, и оказался прав. Остальные отметки тоже были сплошь пятерками, кроме трояка по современной английской литературе.

— Профессор сказал, в моем эссе изложена сугубо мужская точка зрения. Нет, пап, прикинь, а куда я от этого денусь? Может, мне вставить искусственную вульву? Пожалуй, нужно бросать этот курс, но я…

— Я нашел маму, Питер. Она умерла, — быстро произнес я, словно отодрав пластырь, надеясь, что это как-нибудь сойдет незамеченным и он продолжит рассказывать о своей учебе.

На другом конце линии повисла тишина, как будто там тоже был покойник. Я попытался заполнить паузу.

— Она… Теперь с ней все в порядке, — пытался я вспомнить возможные утешения. — Она в лучшем мире и все такое.

Ответа не последовало, однако Питер по-прежнему держал трубку. Я слышал дыхание, приглушенное рыдание, его горло сжималось, не давая говорить.

— Где… где она? — наконец спросил он.

— Здесь, в городе.

— Где? — повторил он. — Я хочу ее видеть.

— Это не очень удачная мысль…

— Где? — Питер унаследовал манеру своей матери задавать вопросы повелительным тоном, когда нельзя не ответить, если хочешь продолжать разговор.

— Со мной, — ответил я. — В «Снэк шэк».

Рассудив, что когда-нибудь мне все равно придется все ему рассказать, я дал Питеру адрес, объяснил, как проехать, наугад назвал несколько похоронных контор и обещал, что останусь с Мелиндой, пока он не появится.

Утром, когда солнце взошло над «Снэк шэк», я в последний раз видел своего сына. Он ударил меня, накинулся с кулаками, бил по голове, по груди, животу, пытаясь сбить с ног, разрываясь

между желанием обнять труп матери и вновь накинуться на отца, бешено сопротивляясь моим попыткам схватить его в охапку, удержать и успокоить. Питер крутился вихрем бессильной ярости, стуча кулаками мне в грудь, как в шесть лет, когда не хотел ложиться спать.

— Питер, — пытался я уклониться от тумаков. — Питер, это к лучшему…

— Ты… ты же мог… Ты мог ей помочь! — кричал он. — Ты мог что-нибудь сделать!

— Не мог, — честно ответил я. — Она была наркоманкой и просрочила платеж. У меня нет денег, нет…

— У тебя есть власть!

— Нету, — ответил я. — Я наемный скальпель, и все. Они меня не слушают, им все равно, что я скажу, я им просто нужен как профессионал. Потому это и сделал. Я всего лишь выполнил свою работу.

Тут он замолчал, задохнувшись, удержав очередной удар. Сунулся в машину и поднял мать на руки, с трудом удержав ее пустое, невесомое тело. И гордо выпрямился, одной рукой приглаживая ее жидкие волосы, другой — расправляя блузку.

— Ты всякий раз «только выполняешь свою работу», — сказал он. — В этом-то и проблема.

На обратном пути я затормозил у пруда, куда мы с Мелиндой когда-то ходили. Мне нравилось слушать, как утки бьют крыльями, ей нравились сексуальные стоны, исходившие из прибрежных плавней; каждому свое.

Я вышел на середину маленького пешеходного мостика, оглядел неподвижную сине-зеленую воду и бросил почки в пруд. Они сразу пошли ко дну и исчезли из виду. Может, Мелинда и лишилась того, за что не могла заплатить, но будь я проклят, если союз запишет это себе в дебет.

XVIII

Бонни молчала, когда я закончил свою историю. Я ей не мешал. Откинувшись на груду сердец-дженериков, она закрыла глаза. Я не знал, борется ли она с желанием выбежать со склада или просто подыскивает пристойные выражения, объясняющие, что ниже падать некуда, но сидел и ждал приговора. Смотрел, как приоткрылись ее губы, силиконовый язык увлажнил их искусственной слюной и вновь скрылся во рту. Наконец она выпрямилась.

— А потом? Ты вообще не брал больше заказов?

Бонни хотела, чтобы я рассказывал дальше. Я был рад подчиниться, с облегчением приняв избавление от кары.

— Я пытался. Насчет Мелинды соврал, что не нашел. Фрэнк продолжал поручать мне клиентов, но едва я выходил из здания, у меня начинал дрожать палец. Когда я садился в машину, тряслась рука, а вскоре и все тело. Добравшись до дома клиента, я был ходячим землетрясением и физически не мог войти внутрь. Но едва отъезжал от дома — все проходило, я снова мог дышать, двигаться, говорить. Помогало виски. Чтобы скрыть свою проблему, я начал брать заказы и передавать их Джейку и другим, но оставался без комиссионных. Посредник получает максимум десять процентов. Я перестал сводить концы с концами.

Последней каплей стало мое решение пересилить себя и довести изъятие до конца. Так говорят мозговеды. Психотерапевт Кэрол был бы доволен. Если я смогу выполнить простое изъятие, рассуждал я, все встанет на свои места и дрожь прекратится. Я выбрал легкий случай — владельца завода, известного плохим обращением с рабочими, и надеялся без проблем забрать печень у типа, которого все ненавидели.

Я приехал к производственному корпусу около четырех, а в четверть пятого только-только доплелся до двери. В сумке на плече звенели инструменты и громко сталкивались канистры с эфиром. Я едва мог удержать сканер, чтобы получить четкий сигнал. К половине пятого я сумел просверлить дырку в окне для эфирной трубки, а к пяти — на полчаса дольше, чем обычно, — стоял над клиентом, готовый делать то, что мне всегда прекрасно удавалось.

Я потерял сознание, лишь погрузив скальпель в тело, но после этого ситуация необратимо изменилась.

Они закатили прощальную вечеринку — Джейк, Фрэнк и весь отдел. Собрались, зажгли свечи, надарили мне кредитов на

искорганы, чтобы вложить в «Джарвик» или, если когда-нибудь понадобится, имплантировать.

Ввиду замучивших меня псевдоэпилептических припадков перспектива была более чем вероятной.

— Да, это вам не часы с памятной гравировкой, — шутил я.

Потом Джейк повел меня пить. Потащил в тот самый бар, где мы впервые прочли рекламу союза о наборе сотрудников. За два десятилетия обстановка нисколько не изменилась, если не считать владельца и бармена. Старика сменил его сын, который нас не знал и не растрогался при виде старых друзей. Он без нужды задирал цены и разбавлял напитки водой.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил Джейк.

— Я в порядке, — соврал я. — У меня кое-что припасено на черный день.

— Ну конечно, — поморщился он. — У всех припасено. — Биокредитчики не отличаются финансовой предусмотрительностью. — Если тебе когда-нибудь что-то понадобится, сразу звони. Днем или ночью. — И он дал мне визитку. Вот и все. Я для него был всего лишь номером из списка абонентов. Я десять лет помню его телефон наизусть, а он сует мне визитку.

Потеряв дар речи, я взял картонный прямоугольник и кивнул. Мы молча выпили. Говорить было особо не о чем. Мы вместе прошли школу, войну, учебную программу союза, не разлучались почти всю сознательную жизнь, но я понял — хотя внешне все по-прежнему, мы лучшие друзья и всегда ими останемся, — между нами что-то коренным образом изменилось.

— Ну, — рыгнул он после нашей второй — безмолвной — кружки пива, — пойду работать, клиенты заждались.

— Цапнул, хапнул и слинял, — сказал я по возможности бодро.

Джейк засмеялся — невесело, как мне хочется думать, — и хлопнул меня по спине. Мы соприкоснулись большими пальцами и обнялись, как друзья, которые знают, что пройдет много времени, прежде чем они снова увидятся. Джейк кинул на прилавок несколько купюр и вышел из бара.

Я до сих пор ношу в кармане его визитку.

Прошел еще один день. Скорость печати упала до улиточной. «Кенсингтон-VIII» не нравятся ультрасовременные собратья-механизмы; не иначе стыдится своих молоточков и чернильной ленты, грохота и звоночков. А надежное убежище, прежде такое уютное, начинает давить на виски и кажется тесным и душным.

У нас с Бонни настоящая идиллия. Не жизнь взаймы, а

медовый месяц. Мы разговариваем, едим, пьем, занимаемся любовью. Поздно ночью, когда склад запирается и автоматический таймер включает освещение, я ложусь на нашу полку, кладу голову на мягкий живот Бонни и засыпаю под звуки ее искорганов, посвистывающих и потрескивающих в прекрасной гулкой симфонии.

Завтра планируем наведаться к аутсайдеру; Эсбери уже должен подыскать нам другой тайник. После этого, решили мы, найдем способ выбраться из города и, если получится, из страны. Работников аэропорта можно не опасаться, разве что союз развяжет одну из своих двухнедельных охотничьих сессий на большую сотню. В принципе у нас будут шансы, если разживемся генератором помех и фальшивыми документами. Эсбери наверняка с этим поможет — у аутсайдеров друзья в каждом темном закоулке жизни.

А потом мы уедем в… не знаю — Южную Америку, Мьянму, не суть важно.

Говорят, будто в южных морях есть остров, куда еще не добрался прогресс, девственные земли, где до сих пор делают операции на открытом сердце и подключают людей к аппаратам размером со слона. Если это правда, мы отыщем тот остров. Сменим имена, изменим лица, осядем, родим детей, откроем магазины сувениров для туристов на пляже. И будем жить на полную катушку, пока не откажет все немеханическое, счастливые и невыпотрошенные.

Я хорошо знаю, что замечтавшихся убивают первыми. Стало быть, пойдем дальше. Дальше, я сказал!

Мы с Венди тоже мечтали — ну, когда я был поздоровее. В нас жили надежды, желания и, несмотря на мой возраст, планы родить детей. Питер уже почти вырос, когда я женился в пятый раз; пора было подумать о том, чтобы ввести в игру других карапузов.

Мы познакомились на похоронах, едва гроб опустили в могилу. Я присутствовал как бывший работник покойного, Венди — как его дочь. Ее отец являлся боссом моего босса в Кредитном союзе, и хотя мы с Венди не были знакомы, я бесчисленное количество раз слышал от старика о ее молодости, красоте и светлой голове.

Постояв у могилы, я пошел налево, Венди — направо, и мы столкнулись под баньяном-переростком, ронявшим капли уже закончившегося дождя. Я извинился, она тоже извинилась, и дело кончилось чашечкой кофе с пончиком в закусочной еще до того,

как мы выяснили, какое отношение имеем к усопшему.

С Питером она обращалась как с редким подарком — красивый юноша, которого можно купать в своей любви и привязанности, и ее не меньше моего задело, когда он перестал заходить, звонить и прекратил со мной общаться. Это случилось незадолго до того, как я перешел на нелегальное положение, подписав предварительно бумаги о разводе в том самом захудалом среднезападном мотеле, где нашел когда-то летающих братьев Мюллеринг. На этот раз он пригодился мне в ином качестве: я просидел там неделю, прежде чем отчалить на поиски других надежных нор.

Я могу позвонить Венди, и она меня примет. Спрячет, если я попрошу, несмотря на положенное за укрывательство наказание. И когда они придут забрать мое сердце, бросится на скальпель биокредитчика, лишь бы спасти мне жизнь. Пожертвует собой ради меня. Не думаю, что способен сделать для нее то же самое. Вряд ли я бы пожертвовал собой ради любой из них.

Все они чем-то жертвовали ради меня.

Бет: прежде всего своей карьерой. Своей свободой.

Мэри-Эллен: своими этическими принципами. Своим моральным стержнем.

Мелинда: лучше не вспоминать.

Кэрол: привычным стилем жизни.

Венди: надеждами на будущее.

Теперь я это вижу, замечаю смутное пятно на том, что когда-то было четким представлением о моих бывших женах. Я так удачно изложил свою историю, так виртуозно расписал всех пятерых вдоль и поперек, порядком окарикатурив, а теперь ко мне приходит понимание и заставляет увидеть полутона в черно-белом мире. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее клюю носом. Хватит думать. Хватит печатать.

Мы сменили квартиру. Слишком устал, чтобы объяснять. Бонни жива, я тоже. Пока этого достаточно. Это даже больше, чем я мог надеяться.

* * *

Через два часа я буду мертв. Это мое добровольное решение, принятое после долгого дня трудных размышлений. Я его искренне приветствую. Оно не затронет никого другого и станет первым шагом на пути к исправлению всего, что я сделал в жизни

неправильного. Через два часа я приеду к офису Кредитного союза, подойду к моему лучшему и самому старому другу Джейку Фрейволду и обнажу грудь навстречу его талантливому скальпелю. За остальное я уже не в ответе.

XIX

Я решил печатать два часа без перерыва. За это время попытаюсь изложить вчерашние события, стуча по клавишам «Кенсингтона-VIII» как можно тише, чтобы не разбудить Бонни — она спит через две койки. Как приятно снова лежать в настоящей кровати!

Мы в больнице — Святой Анны, кажется, — скрываемся на этаже, где обычно держат запасы лекарств и припасов. Здесь есть пустой чулан для швабр, и, несмотря на относительную тесноту, это дворец по сравнению с гейблмановой полкой или гостиницей на Тайлер-стрит. Такая роскошь под занавес, такое изобилие…

Седьмое небо, мамочка. Вершина счастья.

Хватит сидеть в четырех стенах, пора попытать удачу во внешнем мире. Эсбери обещал подобрать нам пару надежных мест, нужно только забежать к нему домой, чтобы получить координаты. Жалко было оставлять безопасную полку, де-факто ставшую нашим домом, но охранница уже нервничала, что гости засиделись, да и у меня появились сомнения в безопасности складского комплекса. Я начал слышать шумы по ночам, шаги в темноте, знакомое электронное жужжание, сотрясающее стены. Лучше уйти. Сменить географию.

Опустив головы, торопливой походкой, избегая смотреть в глаза встречным, мы спешили по городским улицам, направляясь к метро. Уже наступил утренний час пик, и нас затерли в толпе, сдавив толстыми пальто, портфелями — и вонью. Я не принимал душ больше двух недель и с трудом могу себе представить достойные Книги рекордов Гиннесса сроки, в которые кое-кто из пассажиров обходится без ванны.

Поезд мчался под землей, везя нас в район, где жил Эсбери. За три остановки до выхода меня постучали по плечу и назвали по имени. Я притворился, будто не слышу, зачитавшись схемой метро, но меня постучали настойчивее и окликнули громче.

— Это же — о Господи! — это же ты!! — вскричала Мэри-Эллен, заключив меня в объятия, но сразу же отодвинулась, наморщив нос и скривившись, словно откусила лимона, — вдохнула запашок.

— Извините, леди, вы обознались, — пробормотал я, отворачиваясь от своей второй бывшей жены. Чудеса обитания в большом городе. Нью-Йорк настолько велик, что всегда возможно разминуться с тем, кого не хочешь видеть, но если ты в бегах, все, кто не нужен, нарисуются прямо перед носом.

Она протиснулась сквозь толпу и встала напротив, приподняв мое лицо за подбородок.

— Забавно, забавно. Ты всегда был смешон. Все еще вырываешь у людей органы за деньги? — На лице Мэри-Эллен появилась ухмылка, расцветавшая на ее губах во время наших ссор. Приятно было слышать, как экс-супруга спустя пятнадцать лет, не растерявшись, заводит старую пластинку. Постоянство — драгоценное качество в женщине.

Пассажиры потеснились и отодвинулись, давая нам место разыграть мелодраму. Футах в двадцати два транспортных полицейских начали на нас посматривать. У них не было сканеров или права изымать искорганы, но они отлично умели звонить по телефону. Когда-то я платил двум или трем десяткам представителей транспортной полиции; их информация была чертовски ценной.

— Слушайте, мэм, — сказал я, пытаясь изобразить еле сдерживаемое бешенство. — Я вас не знаю. Идите своей дорогой.

— Ты меня не знаешь? — взвилась она, повышая голос с каждым словом. — Мы были женаты, сукин ты сын! Не притворяйся, что мы незнакомы!

Молчавшие дотоле зрители начали перешептываться; полицейские двинулись к нам. Независимо от их намерений мне не хотелось, чтобы они вмешивались.

— Слушай, — пробормотал я Мэри-Эллен, понизив голос. — Я рад тебя снова видеть и все такое, но лучше, если ты сейчас повернешься и уйдешь.

Она помотала головой, словно отгоняя муху, и заорала неестественно высоким голосом:

— Повернусь и уйду? Ты ведь всегда этого хотел — чтобы все твои проблемы просто исчезли? Вот так ты и живешь всю жизнь! Вырвал — и отбросил! Так вот — не с твоей удачей, дорогой! Я хочу знать, что такой заядлый амбал-биокредитчик, как ты, сделал со своей жизнью и где обещанные мне алименты! Все развлекаешься со своими дружками-бездельниками? Не завел еще новую жену? Новую…

И тут Мэри-Эллен упала и забилась в конвульсиях. Язык вывалился на грязный кафельный пол, глаза закатились, и пароходная сирена наконец-то смолкла. Подняв глаза, я увидел Бонни, стоявшую за ее спиной с моим тазером в руке. Металлические электроды слабо искрились от остаточной энергии после хорошей разрядки.

— И такую ты отпустил с миром? — недоверчиво протянула Бонни. — Господи, что же за чудовище тогда ты кокнул?

Я всех их отпустил с миром в каком-то смысле. Кэрол даже дала мне шанс завоевать ее снова. Когда стало ясно, что наш двухлетний брак не получился и я провожу дома меньше времени, чем в Кредитном союзе, она решила выкинуть меня из дома. Это стало первым моим опытом такого рода: остальные жены уходили сами, оставляя меня в большой пустой квартире. Но Кэрол, никогда не выпускавшая из рук материальных ценностей, с оголтелым упорством настаивала, чтобы именно я исчез из ее жизни.

Моим основным желанием было убраться из Алабамы как можно дальше, поэтому я вернулся в Нью-Йорк, устроив себе перевод обратно в главный офис. Джейк, по-моему, единственный искренне обрадовался моему возвращению; но и остальные, хочешь не хочешь, потеснились и пропустили меня к заказам высокого уровня. Я нашел квартиру в доме средней этажности и в тысячный раз начал новую жизнь.

Едва все улеглось и я почти вспомнил, как прекрасно быть холостяком, позвонила Кэрол.

— Я решила дать тебе второй шанс, — сказала она. — Думаю, если ты изменишься и научишься сочетать работу с семьей, а не сбегать из семьи на работу, мы сможем спасти наш брак.

Я снова перевелся в Алабаму, перевез собственную задницу и скудную мебелишку обратно в викторианско-плантаторский особняк и дал браку второй шанс.

Неделю спустя все было кончено, и Кэрол подала на развод по высосанному из пальца обвинению в супружеской неверности. Это вам о пользе вторых шансов.

Остаток пути к Эсбери оказался детской игрой по сравнению с инцидентом в метро. Несколько цепких взглядов местных копов, пара пробежек задворками и переулками, но до дома аутсайдера мы дошли физически невредимыми и лифтом поднялись на пятнадцатый этаж.

Неладное я почуял сразу, едва мы вышли на площадку. Было странно пусто и тихо. В наш первый визит сюда в коридоре слышалась музыка, мимо шмыгали дети, энергия била ключом и жизнь кипела. Сейчас мы словно попали в помещение со звуконепроницаемыми стенами: даже половицы боялись скрипнуть.

— Сегодня будний день, — громко сказал я, вспомнив, что в прошлый раз мы были здесь в субботу. — Все на работе.

— Или в школе, — согласилась Бонни, которой тоже стало не по себе. Мы двинулись к квартире Эсбери.

Дверь оказалась не заперта. Когда мы постучали, гулко бухая

по металлическому листу, она легко подалась и широко распахнулась. Делать нечего — мы вошли.

В квартире по-прежнему была масса китайских ширм, но мне показалось, что сегодня они стоят по-иному. Прежде ширмы делили гостиную на маленькие выгородки; сейчас образовывали своего рода коридор, уводящий в путаный лабиринт.

— Эсбери? — позвала Бонни ровно и спокойно, но с механически резкой ноткой в голосе. — Ты дома?

Единственным ответом стал шепот ветра, влетающего через невидимое открытое окно. Я хотел позвать погромче, но горло сжалось — я понял, что это бесполезно.

Бонни взяла меня за руку, и мы вместе двинулись в глубь квартиры.

Не желая идти по импровизированному коридору из китайских ширм, я с силой наподдал ногой ближайшую. Падая, она увлекла за собой соседнюю, и вскоре все ширмы повалились, как костяшки домино. Солнце просвечивало сквозь тонкие бумажные экраны, беспорядочными грудами лежавшие на полу.

Аутсайдер полусидел на диване, удобно, расслабленно. Рядом стоял поднос с несъеденной едой. Голова покоилась на подушках, на губах застыла легкая улыбка. Мы подошли ближе, уже зная, что Эсбери мертв.

На его колене лежала желтая квитанция.

— Надо идти, — сказал я. — Он нам уже не поможет.

Бонни трясло — от гнева, от страха, я не знаю.

— Они убили его!

— Кто-то убил, — согласился я. — Это их работа. Я же тебе рассказывал. Я же…

— Вон квитанция. Они что-то забрали.

Ясное дело, забрали. Несмотря на свой статус аутсайдера, некоторое время назад Эсбери взял кредит в маленькой компании в Сент-Луисе, независимой специализированной фирме, производящей, в частности, желчные пузыри. Абсолютно бесполезный орган, вживляется только тем, кто хочет выпендриться. Искусственный желчный пузырь — вершина механической гордыни и ее апофеоз.

— В этом весь Эсбери, — всхлипнула Бонни. — Вечно стремился оказаться впереди всех…

Его живот вскрыли — висел отвернутый лоскут кожи, кишки немного выпирали из разреза. Крови было совсем немного, почти вся впиталась в диван. Экстракцию выполнили мастерски, с хирургической точностью; здесь действовал не потрошитель, а специалист четвертого, а еще вероятнее — пятого уровня.

Мои подозрения тут же подтвердились. Внизу квитанции красовалась знакомая подпись, нацарапанная большими буквами а-ля Джон Хэнкок; скорее знак, чем роспись.

На ленч к Эсбери заглянул Джейк Фрейволд.

Бонни проснулась, спросила, который час. Я велел ей спать дальше, поскольку еще рано, а ей нужен отдых. Она не знает, какой вираж я собираюсь заложить. Не знает, что я буду мертв прежде, чем она обнаружит мое отсутствие. Что через час поцелую ее в губы в последний раз. Я ей не лгу, просто не хочу палить свой план.

Мы решили подключиться к «Призраку» мертвого Эсбери. Нам с Бонни хотелось уйти, да и объективно следовало убираться оттуда, но наши с Эсбери судьбы тесно переплелись, и что бы с ним ни случилось, мы должны были это знать. К счастью, «Призрака» Джейк не тронул. Система была абсолютно исправная, современная и мощная; все, что Эсбери испытал и пережил перед смертью, сохранялось в памяти искоргана. Шишки белого металла, бугрившиеся на шее и черепе, поблескивали, ожидая, чтобы в них воткнули провода и включили.

— Ощущения можно испытать только по отдельности, — напомнил я Бонни. — Что выбираешь?

— Звук, — сразу сказала она. — Не хочу этого видеть.

Не знаю, ожидал ли я, что Эсбери шевельнется, когда мы подошли к нему с проводками в руках, готовые вторгнуться в то, что было его мозгом, но он просидел всю процедуру без движения, со своей так и не завядшей на губах улыбкой. Я несколько минут вспоминал, что нам рассказывали на семинарах про «Призрак», пытаясь определить, какие металлические узлы ведут к определенным участкам искусственного мозга. Я не хотел подсоединить очки к вкусовым ощущениям или наушники к зрительному центру; день выдался нелегким и без визуализации вкуса редиски или прослушивания цвета крови.

На этот раз я довольно легко надел контактные линзы и смотрел, как Бонни срывает наушник с провода, снимает часть собственного уха и вставляет оголенный конец в открывшуюся розетку. Итак, мы воссоединились — электрический триумвират, ожидающий зрелищ и разговоров.

Пришлось немного покопаться скальпелем, но мне удалось найти пульт управления «Призрака» в ямке под подбородком аутсайдера. Там не было счетчика событий или кодового управления, зато имелась ускоренная перемотка. Схватив Бонни за руку — «это как кино, просто мелькают картинки», — я нашел

кнопку воспроизведения и с силой ее вдавил.

Передо мной поднос с едой. Его — тоже передо мной — держат две руки. Комната раздвигается, когда я иду, обтекая меня по бокам, по мере того как Эсбери подходит к дивану. Я заметил, что бумажные ширмы стоят как обычно, разделяя рабочие зоны, а не выстроены в тот жутковатый коридор. Видимо, это было сделано позже.

Вскоре я сидел на диване и готовился приступить к еде. Противоположная стена гостиной отъехала в сторону, открыв старый телевизор. Он включился — огромный экран с выпуклыми краями — и зарябил с невероятной скоростью.

— Он что-то напевает, — сказала Бонни. Казалось, ее голос исходит из телевизора.

— Просто сидит и ест, — отозвался я. — Ничего еще не происходит.

Еда на вилке поднялась к тому месту, где должен находиться рот. Я невольно засмотрелся — зрение Эсбери сильно отличалось от моего. Вероятно, он вставил себе искусственные глазные яблоки с высоким разрешением для полного контакта с «Призраком», поскольку даже с двух-трех шагов каждый кусочек яйца и тоста был виден с идеальной четкостью, до малейшей крошки.

— Шум, — произнесла Бонни. — Удар, треск.

Одновременно картинка резко сместилась влево. Я даже покачнулся, ловя руками воздух. Это напоминало интерактивный костюм, когда тебя вводят в стрелялку или видеосъемку и смотрят, сколько ты продержишься. Но квартира была пуста, ничто не изменилось, и Эсбери опять повернулся к экрану.

Минут пять мы смотрели телевизор — я и мертвый аутсайдер. Бонни сообщала, что говорят по ящику. Я не хотел включать быструю перемотку, опасаясь пропустить что-нибудь важное.

— Снова грохот, — вдруг сказала Бонни. Картинку резко мотнуло, изменился угол зрения — Эсбери скатился с дивана. Я мельком увидел обивку и его руки — мои руки, вытаскивающие из-под дивана кейс, открывающие сразу обе скобки замков и ныряющие внутрь, за пистолетом, пальцы сейчас коснутся металла…

И тут все остановилось. Картинка передо мной замерла. Смуглые руки Эсбери, полускрытые крышкой кейса, не двигались.

— Что происходит? — спросил я, пытаясь почувствовать руку Бонни в своей. — Что случилось?

— Щелчок пистолета, — с усилием произнесла она. — Он в

комнате.

Джейк мало изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Щетина превратилась в клочковатую бородку, вьющиеся волосы коротко острижены. Черная кожаная куртка, похожая на мою, прикрывала предписанную правилами черную футболку. В руке пистолет, удерживающий Эсбери на месте, старый добрый девятимиллиметровый «маузер», излюбленное оружие биокредитчика.

Он начал говорить. Его губы двигались очень быстро, и Бонни, практически не отставшая от телевизора, на несколько секунд запоздала с началом диалога — словно звукоснимающая головка сместилась со звуковой дорожки.

— Он говорит о желчном пузыре, — заторопилась она. — Говорит, им известно о его имплантате и о том, что он крадет товар, и союз не одобряет аутсайдеров.

— Повторяй мне в точности все его слова, — попросил я.

Бонни продолжала, на октаву понизив тон своего «Воком экспрессора»:

— Но есть ситуации, когда мы можем остаться друзьями. Даже сейчас. Я не чудовище и пришел не за твоими пузырями. Сядь. На диван сядь, как сидел. И давай поговорим.

Эсбери послушно попятился к дивану. Испугавшись, что потеряю равновесие, я тоже присел, задев ногой мертвого аутсайдера. Кино продолжалось.

— Я знаю, что ты общаешься кое с кем из моих друзей, — говорил Джейк; голос принадлежал Бонни, но слова точно были его. — С мужчиной и женщиной. Их видели входившими в твой подъезд.

Тишина. Говорил Эсбери. Хотя остаточный звук можно считать с аудиосистемы любого «Призрака», прибор удалял голос своего реципиента, чтобы избежать петли обратной связи — если знакомый всем по рок-концертам оглушительный писк микрофона, поднесенного к усилителю, раздастся в полости среднего уха, есть риск надолго оглохнуть. Но краем глаза я видел жесты Эсбери и понял, что аутсайдер всячески открещивается от подозрений.

— Мне известно, что ты знаешь, где они, — оборвал его Джейк. — Я потратил массу сил и времени, выслеживая эту парочку.

Голос Бонни снова оборвался, когда я увидел, как Джейк повернулся и пошел куда-то в угол. Через секунду он возвратился с сумкой союза.

Его губы шевелились, но Бонни молчала.

— Что он говорит? — спросил я. — Что делает?

Я чувствовал рядом ее присутствие и немного подвинулся, чтобы она тоже могла присесть. Джейк стоял надо мной — над Эсбери, — затачивая скальпель и болтая как нанятый.

— Он говорит с тобой, — сказала она. — Он знает, что ты смотришь.

Это, конечно, было не так, но Бонни почти не ошиблась. То, что Джейк говорил Эсбери, проникало мне прямо в душу, действуя сильнее, чем на аутсайдера. Я задержал дыхание, глядя на его губы, и слушал, как Бонни транслирует слова моего старого дружбана.

— Видишь меня? Видишь? Ты слушаешь? — наклонился он к Эсбери. Лицо Джейка заполнило всю картинку. Я понял, что аутсайдер отключился, предчувствуя неминуемую развязку. Буквально — выключил систему. Джейк этот фокус знал. — Это тебе не поможет. И отключались при мне, и вырубались, и языки себе вырывали, и все равно я получал то, что хотел. Пришла твоя очередь.

Комната задрожала, изображение вибрировало. Эсбери, видимо, был в ужасе. Я смотрел, как Джейк опустился на колени рядом с диваном, взял руку аутсайдера и нежно ее погладил.

— Вот этот мужчина, — сказал он, поднося к лицу клиента мой снимок из личного дела работника Кредитного союза. — Уверен, ты знаешь и женщину, с которой он ходит. Он мой старый друг, и ситуация меня просто убивает, но выбора нет. Это моя работа. Ты хоть понимаешь, что я не со зла? Я просто хочу перед ним извиниться. И все. Извинюсь — и побегу по делам.

Бонни на секунду замолчала. Губы Джейка не двигались. Должно быть, Эсбери задавал вопрос.

— Извинюсь, когда положено, — отозвался Джейк. — Видишь ли, мой друг был биокредитчиком, одним из лучших, и я сделал ошибку. Я пытался ему помочь, показать то, что видел сам, — ему не стать рядовым джо, как все вокруг, он — биокредитчик до мозга костей. Все мы винтики в большом механизме — да, но мы были самыми важными винтиками. Он собирался уйти, а я нашел способ его удержать. По крайней мере мне так казалось. И теперь непременно должен извиниться, прежде чем вырежу его сердце.

Дни, ставшие переломными в моей жизни:

Когда я осознал, что родители занимаются сексом чаще, чем нужно для продолжения рода.

Когда увидел, что взрослый сын будет походить на меня.

Когда я решал, будто влюблен в каждую из моих жен.

Когда обнаруживал, что все мои браки подошли к концу.

И последний, о котором я узнал практически лично от Джейка Фрейволда.

Лучший друг вскрыл мой дефибриллятор и подстроил мне фатальный несчастный случай.

XX

Это пришло мне в голову вспышками озарения, словно данные загрузились огромными неуправляемыми порциями. Джейк пытался удержать меня от перехода в отдел продаж, вымоленный Венди, зная, что я не смогу туда уйти, пока у меня будут большие расходы. Единственным способом удержать в отделе, рядом с собой, и заниматься тем, чем мы занимались два десятилетия, было утопить меня в глубинах нашей системы.

Джейк Фрейволд, свидетель на моих свадьбах, крестный моего сына, друг на всю жизнь, пытался меня убить, но нельзя же платить той же монетой человеку, который хотел как лучше?

За последние полчаса по больнице дважды объявляли синий код; не иначе сегодня день смерти. Поразительно, как легко они провозглашают остановку сердца по громкой связи. При всех своих нерешенных проблемах, лечебные учреждения доросли до того, что уже не рассматривают кончину как нечто пугающее. Громкое объявление синего кода стало чем-то рядовым вроде поздравления с днем рождения, сообщения результатов лотереи или надоедливой рождественской музыки.

Контактные линзы выпали сами и лежали на покрытом пятнами ковре. Предметы вокруг снова обретали четкость; все осталось почти таким же, как в тот момент, когда «Призрак» аутсайдера получил сигнал с его умирающего мозга остановить запись. Бонни отсоединила проводок от уха и сидела рядом со мной на диване, судорожно обхватив голову.

— Возвращаться нельзя, — напомнил я. — Он будет искать нас у «Гейблмана».

— Это ничего, — сказала она, вытирая слезы, струившиеся по щекам. Плакать было поздно. Эсбери умер, и к Бонни вернулась ее обычная деловитость. — Если понадобится, нам помогут друзья моего мужа. Они меня уже выручали. Частные врачи, которые…

— Подожди. Подожди, — оборвал я ее. Не требовалось искусственного уха, чтобы услышать звук разъезжающихся дверей лифта и приближающиеся шаги.

— Кто-нибудь из жильцов, — неуверенно предположила Бонни. — На этаже пятнадцать квартир.

Между ударами тяжелых ботинок в пол отчетливо слышалось ровное электронное жужжание. Жужжание и писк, если быть точным. В коридоре кто-то коротко хохотнул. Я много раз в

жизни слышал этот смех.

Однажды утром, когда Питер был еще сопляком, а я уже развелся с Кэрол, но пока не познакомился с Венди, к дому, который я снимал на окраине города, подкатил Джейк в новехонькой блестящей итальянской тачке с откидным верхом. Мы вывалились на улицу в пижамах, охая и замирая над колесами, двигателем и ценой, указанной на лобовом стекле. Машина была двухместная, и я позволил Джейку прокатить Питера вокруг квартала. Он с визгом покрышек рванул с подъездной дорожки, исчез за углом и вернулся, прежде чем я успел забрать утренние газеты.

Когда Джейк укатил дальше хвастаться новой игрушкой, Питер спросил, почему у крестного есть такая машина, а у папы нет.

— Джейк зарабатывает много денег, — объяснил я.

— Ты тоже, — возразил мой мудрый сын. — Вы же на одной работе.

— Верно. У нас просто разный подход к делу. Я не люблю спешки.

— Значит, дядя Джейк лучше, чем ты? — уточнил Питер.

Я на секунду задумался, хотя собирался засмеяться и закрыть тему. Мне не хотелось лгать мальчишке. Может, Джейк действительно лучший биокредитчик, чем я? Где он преуспел? С эфиром? В экстракциях? С оружием?

Ответ, который я в конце концов дал Питеру, был, насколько я могу судить, правильным, поэтому привожу его еще раз.

— Нет, — сказал я. — Мы примерно одинаковые.

Мы встретились в коридоре, возле двери Эсбери. Джейк смеялся; он не сразу оборвал смех, когда мы вышли, и лишь через секунду посерьезнел при виде нас с Бонни.

— О, успел все-таки, — удовлетворенно заметил он, словно мы трое друзей, столкнувшихся в баре. — А я думал, вы уже сделали ноги. Аутсайдер сказал, прошло три дня. Ну, не важно, раз мы встретились в этом уютном уголке…

— Ты меня подставил. — Это все, что я смог выговорить. — Ты, мать-перемать, накрутил в моем дефибрилляторе!

Джейк пожал плечами:

— Да кто ж знал, что ты окажешься таким слабачком и все перевернешь шиворот-навыворот?

— Ты пытался меня убить!

— Я пытался тебя спасти! — заорал Джейк и шагнул вперед. — Какой из тебя, к матерям, продавец? Это не твое! Ты

думаешь, это жизнь? Думаешь, заработок? Это ходячий труп, брателло, и мне жаль, что все так вышло, правда жаль, но сейчас ты мало отличаешься от того, кем хотел стать по своей воле.

— Как любезно с вашей стороны, — произнесла Бонни, еле сдерживая гнев. Я хотел ее спасти, крикнуть ей, чтобы бежала, прикрыть ее отступление своим телом, но знал, что она в жизни не согласится.

Да и бежать было некуда. Он или мы, другого варианта не существовало. Джейк вздохнул:

— Мне жаль, что ты так неудачно спрятался.

— Нас двое, — отозвался я.

Джейк кивнул и поковырял мизинцем в ухе, вынув комок желтой серы.

— Ну что ж, не будем затягивать.

Дальнейшее я должен помнить смутно, учитывая скорость, с которой все произошло, но все могу расписать по минутам — закрыть глаза и начать воспроизведение, словно по-прежнему подключен к мозгу аутсайдера и наблюдаю со стороны.

Джейк упал на колено, одновременно сунув руку под куртку. Через долю секунды я уже лежал на полу, здорово ударившись плечом, хватая пистолет на щиколотке. Краем глаза я заметил, что Бонни молниеносно метнулась в сторону и с неожиданной силой с грохотом выбила дверь в соседнюю квартиру.

Первая пуля из «маузера» Джейка, едва не чиркнув меня по голове, пролетела по коридору и попала в створку окна; посыпалось стекло. К этому моменту мой палец уже нажимал на курок, разряжая магазин в старого приятеля. Штукатурка летела от стен, пули застревали в бетоне. Стреляя, я перекатывался о стены к стене широкого коридора.

Видимо, пули у нас закончились одновременно, потому что Джейк потянулся за другим пистолетом, а я за скальпелем. В этот момент Бонни выскочила из квартиры с моим тазером в руке и выпалила в Джейка, как в метро в Мэри-Эллен. Электроды вылетели, таща за собой тоненькие провода, и попали ему в колено. Его тело выгнулось на секунду, ноги ослабели, и я увидел удивление и тоску, исказившие его лицо в обиженной гримасе.

Но выстрела не получилось: электроды, не вонзившись Джейку в ногу, отскочили, и шок получился коротким. Шатаясь, Джейк поднялся на четвереньки.

Вскочив, я попятился в квартиру Эсбери, таща за собой Бонни. Пригибаясь, мы проскочили гостиную и вылетели в раздвижные стеклянные двери, ведущие на балкон.

Ни пожарного выхода, ни лестницы. До земли пятнадцать

этажей свободного падения. Нипочем не выжить.

— Это нарушение правил, — послышался сзади задыхающийся голос. Мы медленно повернулись и увидели Джейка, державшего меня на мушке сорокапятимиллиметрового, а на Бонни направившего «маузер». — Тазер является собственностью Кредитного союза, а у вас нет лицензии.

— А я на общественных началах, — съязвила Бонни. — Учусь у профессионалов.

— Лиса не превратится в гончую, — ответил Джейк, — как бы ни выделывалась на заднем дворе. Вам некуда идти. Дайте же мне сделать мою работу! Я займусь вами одновременно, если нет возражений, — время поджимает. — Он картинно прокашлялся и встряхнулся, входя в образ. — Вы оба превысили предельные сроки оплаты своего долга за искусственные органы, обманув доверие кредиторов. Есть ли у кого-нибудь из вас при себе причитающаяся сумма задолженности?

— Джейк, — предложил я, — давай спокойно все обсудим.

— Значит, ответ отрицательный. А у вас, мэм?

Бонни даже не пыталась увиливать.

— Нет, — сказала она, высоко подняв голову и глядя ему прямо в глаза. — У меня нет.

Краем глаза я заметил, как ее рука медленно скользит по бедру, и понадеялся, что Джейк этого не видит.

— Отлично, — произнес он. — Тогда мой долг сообщить вам, что как только вы будете обездвижены, я проведу изъятие искорганов. В случае вопросов или проблем ваши ближайшие родственники могут позвонить по бесплатному номеру, указанному в конце квитанций, которые я оставлю на ваших телах. Прощай, брателло, — улыбнулся Джейк. — Неплохо оттянулись напоследок, а?

Из глубины квартиры, прямо у Джейка за спиной, раздался громкий требовательный голос:

— Что здесь происходит?

В ту же секунду произошли три вещи: Джейк обернулся как ужаленный, Бонни кинулась хватать его за ноги, а я — за руки. И мы рухнули на пол большой шестиногой кучей-малой.

Удивление и ярость удваивают силы. Через секунду я приложил Джейка затылком в пол, чтобы оглушить, а Бонни связала руки и ноги обрывками искусственных нервных волокон, которые нашлись у Эсбери в коробках со всякой всячиной. По моей просьбе она приволокла по полу сумку Джейка, и мы достали из нее объемистую канистру эфира. Я воткнул трубку ему в рот и держал, пока он не заснул.

Мы сидели на полу рядом с бесчувственным телом и тяжело дышали.

— Этот голос, — сказал я, — на который он обернулся…

Ухмыльнувшись, Бонни вынула дистанционный пульт своего «Воком экспрессора», на котором мигал желтый огонек.

— Режим чревовещания, — пояснила она. — С этой функцией гортань стоила на десять тысяч долларов дороже, но я рассудила — может пригодиться.

* * *

Мы не стали убивать Джейка. Несмотря на отличную возможность наполнить его легкие эфиром, вытеснив кислород, и держать, пока не погибнет мозг, ни мне, ни Бонни такой исход был не по душе. Те дни остались в прошлом, к тому же это мало бы что изменило: заказ передадут другому биокредитчику, который не даст нам шанса сбить себя с ног. Мы оставили Джейка связанным и без сознания, зная, что вскоре он очнется и найдет способ освободиться.

И вновь сядет нам на хвост. Это уж как пить дать.

Один из знакомых Бонни, вернее, ее бывшего мужа, нашел для нас больничный чулан для швабр, заверив, что здесь мы будем в безопасности, пока не придумаем, как действовать дальше.

Я уже придумал. У меня осталось пятнадцать минут.

Я любил семь женщин. А мог бы любить больше. Я любил и некоторых мужчин. И тоже мог бы любить больше. Я видел, как умирают и погибают мои друзья и родные, смотрел, как их души ссыхаются, будто изюм, из-за того, что я делаю, как они срываются за грань собственной психики, пытаясь спасти мою, и ни разу пальцем не шевельнул, чтобы это прекратить, не защитил от опасности, не проронил слезинки.

Ради меня жертвовали, жертвовали, жертвовали, но я никогда не вставал под молот сам. И если за всю жизнь и месяц печатания я что-то понял, так это — нет надежды для того, кому она неведома.

Когда я два часа назад позвонил Джейку, он ничего не хотел слушать. Не желал вскрывать старые раны и воскрешать воспоминания прежних дней.

— Если ты решил сдаться, — невнятно сказал он — голос еще плыл от эфира, — приходи в союз через два часа. Я встречу тебя у розовой двери.

* * *

Мы заключили сделку, которую он обязался оформить в письменном виде и нотариально заверить, что в случае моей добровольной явки, сдачи «Джарвика-13» и отказа от всех прав на оставшееся тело союз вычеркнет Бонни из списка ста наиболее разыскиваемых лиц. Хотя оплаченного союзом оборудования в ней было на миллионы долларов, им больше требовался я, номер двенадцатый, поскольку когда-то у них работал и теперь представлял собой ходячий позор для руководства.

В этом суть сделки — я сдаюсь, а они оставляют ее в покое, переводят в разряд обычных неплательщиков, которых, конечно, тоже ищут, но не так рьяно. Это даст ей время, может, несколько лет, и даже шанс покинуть страну и уехать на остров, о котором мы говорили, где не знают механических органов.

Рукопись я оставлю, чтобы Бонни поняла, что к чему, и когда-нибудь передала ее Питеру. Я не жду прощения — я его не заслуживаю. Я не ищу понимания — какое тут может быть понимание… Но если эти страницы каким-то образом помогут моему сыну, даже заставив отшатнуться от отца и прожить жизнь совершенно иначе, тогда, хочется надеяться, он не отправит в огонь кипу разномастных бумажек.

Или развей их по ветру, Питер. Развей вместе с моим пеплом. Найди мне место в плохом районе города, ничейный участок, темный переулок, заброшенный отель. Найди мне место и рассыпь меня там. Густо размажь по стенам. Позволь мне прятаться целую вечность. Как приятно будет ощущать себя в безопасности!

Часы говорят, что я уложился вовремя. Такси, которое я вызвал, наверное, уже ждет внизу. Бонни спит рядом, свернувшись на стерильной больничной койке, ее дыхание глубокое и ровное, мягкая кожа ждет моего прикосновения. Пожалуй, я поцелую ее в лоб, на долю секунды коснувшись руки, и шепну «до свидания».

«И сами лично выберем, сколько проживем!»

XXI

Мне снова разрешили печатать — очень любезно с их стороны. Доктора говорят, что большую часть дня я должен лежать, но если в состоянии сидеть, то могу работать сколько захочу. К счастью, меня не особенно к этому тянет, разве что короткий эпилог.

Прошло два месяца с тех пор, как я в последний раз прикасался к печатной машинке, и хотя мягкий шелест клавиатуры ничем не напоминает звонкие шлепки «Кенсингтона», приятно вновь ощутить клавиши под пальцами. Моего арсенала нет — сдан в утиль, канистры и скальпель уничтожены, как поступают в больницах со всяким хламом, поэтому печать — все, что у меня осталось. Это меня поддерживает. Это и еще дерьмовая больничная еда.

Согласно плану, я подошел поцеловать Бонни на прощание. Вытянув последний лист рукописи из «Кенсингтона-VIII», я приложил его к остальным и сунул всю стопку под резиновую ленту выцветшей желтой папки, которую оставил на середине кровати. Затем опустился на колени возле Бонни и смотрел, как она спит, слушал ее дыхание, умиляясь ровным звукам и безупречному ритму искусственной дыхательной системы.

Я наклонился ее поцеловать, коснувшись губами бисеринок холодного пота на лбу, и вдруг Бонни сжала мои руки крепкой хваткой, широко открыв глаза и нежно улыбаясь.

— Это к лучшему, — прошептала она, коснувшись моих губ. — В свое время ты все поймешь.

В эту секунду я почувствовал, как меня схватили сзади и натянули налицо маску, и как я ни пытался вывернуться, поневоле дышал эфиром, которого так долго избегал. В последний раз я увидел Бонни — она уходила в черноту, исчезая в наползавшем черном тумане, заклубившемся в комнате и заслонившем от меня единственную любимую женщину, которая со мной не развелась.

XXII

Я очнулся от страшной боли — грудь изнутри жгло огнем, словно кто-то заменил мне сердце горстью тлеющих углей. Я хотел поднять руки, чтобы ощупать себя, но был слишком слаб. Едва мог повернуть голову, а о том, чтобы сесть, не приходилось даже мечтать.

Через некоторое время в палату вошел врач — высокий, с уверенными манерами. Это был хирург, нашедший нам больничный чулан со швабрами, друг бывшего мужа Бонни. Он положил руку мне на плечо, предупреждая вопросы, и сказал:

— Ш-ш-ш… Вам еще рано говорить. Вы многое перенесли.

Я хотел спросить, что случилось, где я, когда придет Бонни, но у доктора все было схвачено. Он покивал моим попыткам что-нибудь выговорить — выходили только отрывистые булькающие звуки — и придвинул стул к кровати.

— Понимаю, вас многое интересует. Я постараюсь ответить.

И начал подробно рассказывать, что произошло.

Но я слишком устал для методичного отчета о случившемся, поэтому перейду сразу к итоговой строке. Это помогало мне раньше, поможет и сейчас.

Бонни отдала мне свое сердце. Пазл сложился.

Она оставила записку — несколько строк на одном из моих клочков бумаги, объяснив одновременно все и ничего. Я ношу записку в складках своей больничной робы и перечитываю каждые несколько часов.

Я не собираюсь здесь ее цитировать — какой в этом смысл, но там объясняется, почему Бонни попросила хирургов забрать ее живое, совершенно здоровое сердце и заменить на мой «Джарвик-13», отчего решила стать полностью биомеханической, сделав меня вновь человеком из плоти и крови.

Это никак не связано с желанием обезопасить меня от биокредитчиков, хотя теперь они не имеют права меня трогать, согласно официальной доктрине Кредитного союза (впрочем, сильно сомневаюсь, чтобы мне восстановили пенсию), или с тем, что в ее положении «Джарвик» уже ничего не изменит — как я уже говорил, больше одного раза все равно не убьют.

Нет. По мнению Бонни, ее подарок призван доказать, что я ошибался.

«Люди способны меняться, — писала она. — И способны многим жертвовать, даже если раньше этого не делали. Просто не надо, чтобы они чем-то жертвовали. И в первую очередь этого не

должен делать ты».

Джейк приходил в больницу меня проведать. Отдал, так сказать, дань уважения. Я, должно быть, спал, когда он вошел в палату и склонился надо мной, потому что посередине сна о лестнице, уходящей в поле белых ирисов, вдруг увидел его улыбающуюся физиономию в нескольких дюймах от своего лица.

— Привет, — произнес он, положив букет ирисов на тумбочку. Должно быть, их запах навеял мне цветочную идиллию.

— Привет, — отозвался я.

Джейк оглядел палату:

— Снова в больнице? Вот завел привычку…

— Ага. Надеюсь, это в последний раз.

— Ясное дело.

Он присел на стул рядом с кроватью. Мы говорили мало. Телевизор в углу показывал повтор старого-престарого знаменитого футбольного матча. Мы подождали, пока забили все голы.

Через полчаса медсестра принесла поднос с едой. Когда она нагнулась над моим столиком, регулируя высоту, Джейк хитро на меня посмотрел, молча взял с подноса пластиковую соломинку и зарядил ее жеваным комком салфетки. Когда медсестра была уже в дверях, он сунул соломинку в рот и сильно дунул. Заряд попал даме в волосы и там застрял.

— Ты не меняешься.

— А ты думал.

Я невольно ухмыльнулся и отобрал у него соломинку.

— Ладно, один-ноль. Следующий выстрел мой.

Мне неизвестно, где Бонни. Они не говорят. Может, и сами не знают. Врачи сказали, она наблюдала за ходом операции, чтобы убедиться — мой организм не отторгнет ее живое сердце, а после быстрого выздоровления выписалась из больницы и скрылась в городских дебрях.

Я знаю, что «Кенсингтон-VIII» исчезла из каморки для швабр вместе со стопкой чистой бумаги, и эта мысль вызывает у меня улыбку. Где бы Бонни ни была, она печатает, продолжая вести записи с того места, на котором я остановился. Эту рукопись я однажды с удовольствием прочту, усевшись рядом с автором.

Вечером накануне моего отъезда в лагерь новобранцев в Сан-Диего отец позвал меня в свою «берлогу» и усадил на стул с широкой спинкой. Гости уже разъехались по домам; Шэрон Косгроув правильно застегнула платье и поцеловала меня на

прощание. Мама в кухне мыла посуду и наводила чистоту.

— Сын, — сказал папаша, — в жизни ты будешь работать и будешь играть. Оглянувшись на склоне лет, ты увидишь бесконечную череду дней, уходящих в прошлое до самого сегодняшнего вечера. Но если ты найдешь дело, для которого рожден, если сможешь полностью отдаться этому делу, тогда, мой сын, ты будешь победителем. Я не нашел. Большинству людей это не удается. Возможно, и ты не сумеешь, но суть в том, что нужно искать и не бросать попыток, даже когда не останется надежды. Ты меня понимаешь, сынок?

Я сказал, что да, понимаю, вышел из комнаты, а в следующий раз прилетел домой уже на похороны отца. Ни черта я тогда не понял.

Сегодня — сейчас — кажется, что-то забрезжило. Я знаю, что еще не нашел дела своей жизни. И не уверен, найду ли когда-нибудь. Но я молод. Относительно молод и относительно здоров.

Временами я скучаю по тиканью моего «Джарвика-13», ощущению пульта дистанционного управления на бедре, бодрому ритмичному писку, сигнализирующему, что сердце по-прежнему работает бесперебойно. Мне не хватает обнадеживающих заверений, что передовые разработки позволили имплантировать в мое тело сложнейший прибор. Как-то увереннее себя чувствуешь, зная, что твои рефлекторные процессы контролирует высшая сила — проверенная временем технология, доведенная до высокого искусства.

Но все-таки мне гораздо больше нравится лежать на больничной койке, положив руку на длинный широкий шрам, пересекающий грудную клетку, и чувствовать, как там стучит Бонни, словно она только что пришла и барабанит в дверь, желая поздороваться.

notes

1

Искусственный орган. — Здесь и далее примеч. пер.

2

Электрошоковый пистолет.

З

До отвращения (лат.).

4

Жуан Понс де Леон — соратник Колумба, известный искатель Грааля и легендарного «источника молодости».

5

Сетевая финансовая пирамида.

6

Игра слов: сплин (Spleen) по-английски и селезенка, и хандра.

7

Комнаты в гостинице, занимаемые одним лицом.

8

Игра в мяч, распространенная в Испании и странах Латинской Америки.

9

Старинная порода кровяных гончих, охотившихся по кровяному следу.

10

Желудочные таблетки в упаковке земляничного цвета.

11

Ухудшение состояния боксера с потерей координации после пропущенного удара.

12

Модернизация оборудования.

13

Персонаж ирландского фольклора, традиционно изображенный в виде коренастого человечка в зеленом костюме и шляпе.

14

Популярный в Вест-Индии танец, при исполнении которого танцующие должны выгибаться назад все ниже и ниже.

15

Юджин Макгиган тридцать лет посвятил сбору средств для католических школ, выступая организатором спортивных соревнований, турниров, ралли и т. д. Заложенная им основа продолжала приносить школам необходимое обеспечение и после смерти Макгигана.

16

Жаргонное название морских пехотинцев США (из-за формы стрижки).

17

Разновидность секс-шоу, популярная в Мексике.

18

Рейтрейсинг, или трассировка лучей, — способ построения изображения, при котором каждая точка поверхности испускает луч, который просчитывается по обычным физическим законам преломления-отражения, позволяя получить идеальную картинку.

19

Аналоги патентованной продукции.

20

Фантастический американский сериал о киборге Стиве Остине, работающем на службу научной разведки.

21

Экстракорпоральное оплодотворение.

22

Гаплоидные женские (яйцеклетки) и мужские (сперматозоиды, спермии) половые клетки животных и растений.

23

Мой дом, козлина (исп.).

24

Парень, чувак (исп.).

Т.е. Дрему, сказочного персонажа, навевающего сны.

26

Одно из названий железного колчедана, чешуйки которого в воде похожи на золото, но на воздухе быстро темнеют.